ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

№ 26 ИЮНЬ 1990

КТО ЕЙ ПОМОЖЕТ?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 26 (3284)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

23 — 30 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В отделении СПИД московской инфекционной больницы № 2. (См. в номере материал «Что-то случилось»).

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 04.06.90. Подписано к печати 19.06.90. А 09463. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2354. Цена 40 копеек.

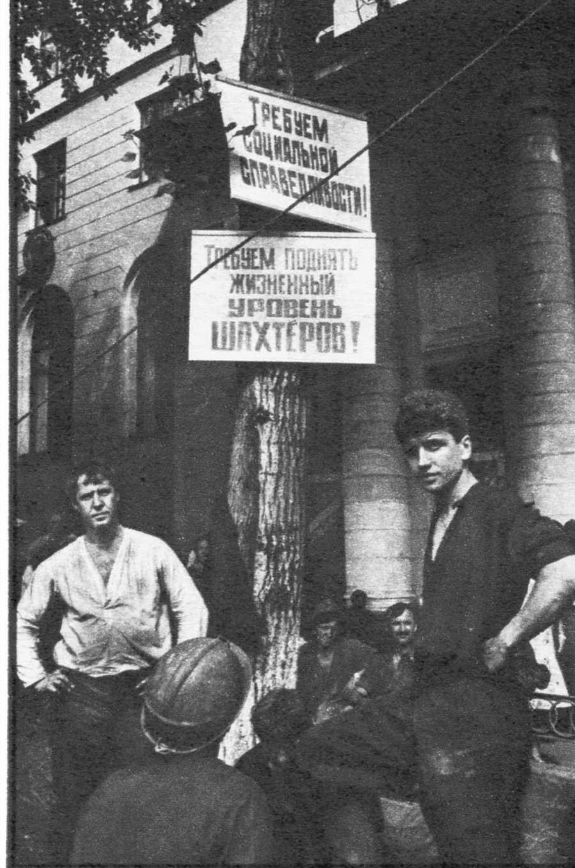
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



Сергей ПАНАСЕНКО

В КАКУЮ ИГРУ ИГРАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

«С учетом рекомендаций... и предложений» Верховный Совет страны все-таки одобрил правительственную концепцию перехода к регулируемому рынку. Депутаты вновь позволили уговорить себя, несмотря на то что в докладе Н. Рыжкова минимум трижды взял на себя ответственность за такие ошибки, любой из которых с лихвой хватило бы для отставки правительству нормальной демократической страны. Именно это обстоятельство и оправдывает мое выступление.

Члены правительства не раз публично выражали изумление тем, что из всего пакета предложенных экономических мер оппоненты выхватили только реформу цен. Так, выступая недавно на международной конференции «Финансовые операции, капиталовложения и торговля с Советским Союзом», Л. Абалкин вновь посетовал, что «все остальное ушло в тень». Повторил он это и на встрече с журналистами 5 июня.

Неужели можно было ожидать иного, если сам премьер-министр назвал реформу ценообразования «важнейшим условием всех дальнейших экономических преобразований в стране» и он же начал оповещение граждан о задуманной реформе именно с сообщения о новых ценах, посеяв беспрецедентную для мирного времени покупательскую панику: решение, которое в своем интервью «Правде» Л. Абалкин оправдал своеобразно,— теперь, мол, нас не упрекнешь в келейности... Суть, однако, совершенно не в том, искусственно или нет проблема ценообразования вычленяется из контекста реформы, а в том, право ли было правительство, предложив начинать реформы таким актом, как «единовременный комплексный пересмотр всей системы цен»?

Я отвечаю на этот вопрос отрицательно. Нельзя начинать преобразовывание командной экономики в рыночную с игры ценами. Предлагающие реформу цен исходят из чрезвычайно распространенной на всех уровнях, но чрезвычайно ошибочной посылки, что наша система цен, в сущности, «испорченный» вариант рыночной системы. Они видят беду в том, что наши цены не отражают реальных затрат и потому дезориентируют производителей и покупателей. Стоит привести их в соответствие с мировыми ценами, и они начнут играть свою роль индикаторов спроса и предложения.

Уверяю вас, не начнут! Бессмысленно ждать показаний манометра, не подключенного к паровому котлу. А котла, рынка то есть, нет, ибо он невозможен, пока не появились не зависимые от государства частные предприниматели с независимыми экономическими интересами, пока не будет уничтожен источник инфляции в виде дефицита госбюджета и разорительной банковской кредитной политики и пока, наконец, не закончат свое существование две раздельные финансовые системы: наличных расчетов с населением и безналичных — между предприятиями. Достижение этих целей, однако, правительство отодвигает «на потом», а такие термины, как «приватизация» или «частная собственность», в программе правительства вообще отсутствуют.

Может показаться, что я впадаю в противоречие, поскольку несовершенство системы цен, в первую очередь на продовольствие, выдается правительством за главную причину бюджетного дефицита. В самом деле, одна из главных расходных статей бюджета — 95 миллиардов рублей на этот год — поддержание стабильных цен на продовольствие. И нас пытаются убедить в двух вещах: что продукты питания стоят у нас баснословно дешево и что так дальше продолжаться не может.

Вот стоимость основных продуктов питания в США (данные 1986 года). За килограмм: говядина — в среднем 5 долларов, свинина — около 4, цыплята-бройлеры — 2 доллара, десяток яиц — 70 центов, литр молока — 60 центов... Имея в виду, что тогда же средняя зарплата американца составляла 1220 долларов, а в СССР даже с учетом полумифических фондов общественного потребления — 314 рублей, легко посчитать, что наши продукты питания намного дороже. Однако и это еще не все.

Государственные дотации сельскому хозяйству не наше изобретение и не наша привилегия. Они есть во всех развитых странах. Скажем, в минувшем году они составили в странах ЕЭС 90 миллиардов долла-

ров, в Японии — 65 миллиардов, в США — 75 миллиардов. В пересчете на душу населения: ЕЭС — 277 долларов, США — 308 долларов, Япония — 534 доллара. Мы со своими 347 рублями выглядим, таким образом, ничуть не хуже прочих. Нас разоряет не сумма как таковая. Нас губит абсолютная экономическая бессмысленность, безысходность наших государственных вложений в сельское хозяйство, существенно большую часть которых правительство теперь решило возложить на потребителей.

Задумайтесь: что произойдет, допустим, в США, если завтра федеральное правительство не даст ни цента дотаций фермерам? Продукты питания здесь зачастую продаются по ценам ниже себестоимости, однако конкуренция на рынке столь сильна, что поднять цены до уровня покрытия издержек производители не в состоянии.

«Уход» государства, чьи дотации компенсируют фермерам эту разницу, будет означать разорение тысяч фермерских хозяйств.

У нас рынка сельхозпродукции нет. Если завтра правительство перестанет через дотации ублажать аппетиты колхозов и совхозов, послезавтра они, сговорившись, взвинтят цены на продовольствие до выгодного им уровня, поскольку монополистам ничего не стоит это сделать, и переложат свои издержки на наши с вами плечи.

Дотации правительств западных стран, таким образом, поддерживают высокую рыночную эффективность сельского хозяйства. У нас, напротив, консервируют его неэффективность. И одно лишь то обстоятельство, что субсидировать сельское хозяйство теперь предлагают не прямо, а через карман потребителя (прихватив попутно и часть его денег), ничего не изменит в нашем аграрном секторе.

Однако и это не самое удивительное. Поражают методы, посредством которых правительство стремилось навязать парламенту свою программу. Именно эта сторона вопроса лично меня беспокоит гораздо больше фактического наполнения этой программы. Вице-премьер Л. Абалкин неоднократно справедливо жаловался на отсутствие доверия к правительству. Едва ли то, что сегодня открывается, будет способствовать здесь переменам к лучшему.

В своем докладе Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков глухо упомянул о наличии альтернативного, более быстрого и радикального варианта реформ, рассматривавшегося правительством и отвергнутого ввиду опасных социальных потрясений, неизбежных при его реализации. Уже тогда меня кольнула мысль: неужто, кроме потрясений, этот вариант ничего не сулил? И вот, выступая на уже упомянутой конференции, Л. Абалкин назвал цифры. Оказывается, отброшенный вариант «шоковой терапии», проводя страну через резкий спад производства в 1991 и 1992 годах до 20—25 процентов, серьезное свертывание инвестиций, безработицу, мощные структурные сдвиги в экономике, выводил тем не менее СССР к 1995 году на крутой подъем: рост промышленного производства должен был бы составить примерно 40 процентов. За пять лет — 40 процентов и отличные перспективы богатого рыночного государства. Выбор был сделан, однако, в пользу более умеренного плана. Спад здесь намечался меньший, безработица — в меньших размерах, словом, все скромнее, но скромнее и результаты: 10—15 процентов прироста к 1995 году.

Л. Абалкин мотивировал выбор тем, что у правительства нет убежденности, что народ готов к двухлетним жертвам первого варианта, хотя он и не сказал, насколько второй вариант более щадящ. Совершенно иное объяснение этому предпочтению дал, однако, присутствовавший там же Г. Попов. По его словам, первый вариант был отброшен вовсе не из-за катастрофичности социальных последствий, а по той причине, что предусматривал в качестве необходимого условия полный отказ от партийного контроля за деятельностью предприятий. Л. Абалкин никак не отреагировал на этот комментарий.

Абсолютное незнание большинства граждан страны о радикальном варианте реформ, о его плюсах и минусах заставляет задуматься над тем, почему с такой настойчивостью проталкивалась идея всенародного референдума по экономической реформе (ныне, кажется, благополучно отставленная, хотя у нас ни в чем нельзя быть уверенным до конца). На мой взгляд, тем самым преследовалась единственная цель: «обойти» строптивый Верховный Совет СССР. Не удивляет, но достойна в этом смысле сожаления активность нового главы ВЦСПС Г. Янаева. К счастью, пока на пути поспешного референдума, на котором людям было бы предложено выбирать «одного из одного», стоит 108-я статья Конституции СССР, объявляющая назначение референдума исключительной прерогативой Съезда народных депутатов. Было бы, видимо, политической ошибкой собирать снова внеочередной Съезд, и правительство это поняло: полагаю, именно этим, а не «письмами трудящихся» объяснялось то, что правительство фактически отказалось от идеи проведения всенародного голосования.

По признанию Л. Абалкина на встрече с журналистами, главной целью референдума должно было стать не столько решение экономических проблем, сколько своеобразное получение правительством полномочий прямо от граждан, минуя существующие представительские структуры. Можно спорить, насколько такая тактика укладывается в рамки правового государства. Но совершенно очевидно, что начальным шагом каких бы то ни было инициатив такого сорта должна бы стать полная и открытая публикация развернутого текста всех имеющихся вариантов перехода к рынку.

Правительство тянуло с рыночными реформами два года. То, что оно наконец предложило, рядом советских и зарубежных экономистов было оценено весьма скептически (авторитетный английский журнал «Экономист» свой комментарий назвал показательно: «Слишком мало и слишком поздно»). К сожалению, наш парламент не принял призыва Г. Фильшина вернуть концепцию на доработку. Перетягивание каната продолжается. Тем временем Съезд шахтеров объявил о недоверии правительству.

Об отсутствии доверия много раз говорил и Л. Абалкин. И все-таки правительство пытается играть в старую игру, на этот раз — всерьез собираясь руководить нами путем указов и временных положений: это бессрочное право предоставили ему наши депутаты...

Насколько же нас еще хватит?

Фото Анатолия БОЧИНИНА, Алексея ГОСТЕВА, Олега ДЕРИГЛАЗОВА.

«У НАС ГЕРОЕМ СТАНОВИТСЯ ЛЮБОЙ»●
СКОЛЬКО СТОИТ ЖИЗНЬ СОЛДАТА?●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ●

■

Нашу страну можно без всякого преувеличения назвать страной массового и хронического героизма. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой»,— пелось когда-то в известной песне. Удивительно точно сказано! Страна приказывала, и число героев множилось и множилось.

То была не пустая прихоть страны. Когда ведутся постоянные битвы за «урожай», за «черное золото», за «белое золото», за «соцреализм в искусстве» и так далее, и так далее, без героев никак не обойтись.

Еще в 1938 году было введено в державе звание Героя Социалистического Труда. С тех пор много воды утекло, да и не только воды. Уже стали героями: Лысенко — за разгром отечественной генетики, Брежнев — за победы, одержанные над экономикой страны и нравственностью ее народа, Суслов — за успехи на идеологическом фронте, «генералы от литературы», не пожалевшие российской грамоты для виктории соцреализма, однако поток героев, кажется, не оскудевает, и процесс их появления продолжается по сей день.

Безусловно, «героями» становились и достойные люди, на славу потрудившиеся. Только зачем же причислять их к лику героев? Вполне достаточно материального вознаграждения, а особо отличившихся можно удостоить званий лауреатов каких-либо престижных премий. Какой уж тут героизм, если человек вырастил свеклу, усовершенствовал станок или написал хорошую повесть? Такая у него работа. Если кого и зачислять в герои, так, наверное, в первую очередь,— это женщин в оранжевых жилетах, орудующих ломами на железнодорожных путях.

В. И. Даль толкует слово «труд», как усилия, старания или заботу. Заметьте, труд вообще; правда — Владимир Иванович ничего не знал о «социалистическом труде». А что такое нынешний социалистический труд? Что от подобного труда получается? Не те ли товары, которые лежат на полках наших магазинов? И можно ли назвать героями тех, кто покупает для нас с вами зерно за границей?

Давайте, сограждане, перестанем морочить друг другу головы. Время хватает за горло и заставляет создать такие отношения в процессе производства, которым не понадобятся никакие мифы.

Л. НАУМОВ
Москва

■

В недалеком прошлом, когда у наших идеологов не хватало ума и аргументов, чтобы ответить оппонентам зарубежных радиостанций, они прибегали к единственному посильному им средству — глушению. Теперь с этим покончено. Но, поскольку и сегодня есть немало людей, неспособных вразумительно и интеллигентно выразить свое несогласие, старый способ заглушить оппонента используется довольно часто. И где? В российском нашем парламенте! Я имею в виду «захлопывание» ораторов, неугодных части аудитории.

В связи с этим просьба к телеоператорам и тележиссерам: чаще показывать «хлопальщиков» крупным планом, дабы избиратели имели наглядное представление о парламентской культуре конкретных депутатов.

А. ПУТКО,
член СП СССР

■

Прочитал в «Огоньке» № 17 письмо В. Бабенко из Магнитогорска о гибели в авиакатастрофе над Каспийским морем 18 октября прошлого года ее зятя, рядового В. Чуйкина, и понял, что молчать больше не могу. Хотя бы потому, что дочери солдата, а ей сейчас только три года, назначена столь мизерная пенсия. Да еще государство оценило жизнь своего гражданина в орден «За личное мужество». Посмертно, естественно. И, самое главное, все по закону, имею в виду размер пенсии. Об ордене не говорю. Это только в последнее время хоть в утешение убитым горем членам семьи военнослужащего передается на «вечное хранение» государственная награда. Раньше и этого не делали.

В самолете ИЛ-76 находились еще более пятидесяти военнослужащих десантного подразделения. Погибли все. Всем ордена. Обстоятельства гибели одни и те же. Смерть на всех одна.

Трудно себе представить, что делается сейчас в семьях погибших. Не говорю о слезах. Их было и будет еще много. После гибели своих близких они сразу стали нищими. Семьи погибших старших офицеров получили единовременно по 1 тысяче рублей. Семьи младших офицеров — по месячному окладу, прапорщиков — тоже. Семьи срочнослужащих ничего не получили. Строго говоря, даже похороны должна оплачивать семья погибшего.

Принятый Закон о пенсиях не ставит под защиту жизнь и здоровье военнослужащих. Тем более что они люди подневольные. Они не имеют права отказаться от исполнения приказа, даже если их жизни угрожает реальная опасность. Ну, а потом... Потом будет, как говорят, вечная память и нищенское существование твоей семьи.

Если посмотреть, например, на опыт США, то система страхования там довольно надежна. При подписании контракта о службе военнослужащий одновременно подписывает и страховой полис. Взносы по этому полису оплачиваются из бюджета министерства обороны США.

У нас же возможный механизм видится таким. По прибытии в военный комиссариат, а с этого момента гражданин считается призванным на военную службу, он подписывает страховой полис за счет Министерства обороны СССР. Пусть оно в полной мере несет ответственность за его жизнь. Размер страховой суммы установить не мизерный, а в пределах 20—25 тысяч рублей для военнослужащих срочной службы и 20—50 тысяч — для всех остальных категорий военнослужащих, в зависимости от условий и особенностей службы и связанной с этим опасности.

В случае гибели военнослужащего страховая сумма выплачивается его семье полностью. Если же военнослужащий получил увечье, то страховая сумма выплачивается в зависимости от процента утраты трудоспособности. Это помимо назначения пенсии.

Эта система в какой-то мере будет способствовать тому, что Министерство обороны будет принимать соответствующие меры по созданию нормальных условий боевой учебы, принимать не «полуфабрикаты» техники, а отработанные системы. Наконец, создавать нормальные бытовые условия для военнослужащих, заботиться об их здоровье.

Считаю также, что нет необходимости выделять армии на эти цели дополнительные средства. Министерство может найти эти деньги и в нынешнем бюджете. И пусть оно же несет материальные расходы на погребение военнослужащего, пусть поставит на могиле памятник. Такой порядок поможет вытащить армию из трясины.

А. БЕЛОКОНЬ,
полковник юстиции,
военный прокурор

■

В дни празднования 45-летия Победы над фашизмом программа «Время» показала, как эту дату отмечали в Израиле. На торжество собрались сотни пожилых людей с советскими орденами и медалями на груди. Это были наши соотечественники, те, с кем мы еще недавно жили бок о бок, рядом, работали, вместе делили и радости, и невзгоды. Не от хорошей жизни покинули они свою землю, дом, бросили все, что было нажито, оставили работу, расстались с друзьями, привычным укладом жизни — этих людей вынудили.

Как бы теперь ни обзывали их — ветеранов, инвалидов Отечественной войны, убеленных сединами,— историю не обманешь и не извратишь. Верой и правдой служили они Стране Советов. Именно она дала им почувствовать и осознать себя равными среди равных, уничтожив все ограничения в проживании, образовании, работе. В таком же духе они воспитывали и своих детей, прививая им чувство признательности и благодарности Ленину и Советской России. Ничуть не преувеличу, сказав, что в лице тех, кто уже уехал и уезжает теперь вместе с детьми и внуками, потеряв веру и надежду, наша страна лишается не только квалифицированных работников, специалистов, умных и образованных людей, но и настоящих граждан. Кому-то, судя по всему, они очень мешают.

Я смотрел на экран телевизора, на лица людей и думал о том, что все они, хотя и оказались в положении отверженных, все-таки остаются по-своему верны своей бывшей Родине — России, которой отдали лучшие годы жизни, с которой связывали свои идеалы и мечты, что они по-прежнему хранят в сердце признательность Советскому Союзу за спасение человечества и, в частности, еврейского народа от фашизма.

Нет у них претензий ни к русскому, ни к украинскому, ни к другим народам нашей страны. Они жили с ними в мире, дружбе, согласии. Нарушили это единство те, кто, выдумывая мнимых врагов, хочет таким образом отвлечь от себя справедливый гнев обманутых и обворованных народов.

Закон о свободе эмиграции — это демократично. Но такому закону должен сопутствовать и другой работающий закон — об уголовном преследовании и суровом наказании каждого, кто на территории СССР осмеливается попирать права человека, унижать его достоинство в зависимости от принадлежности к какой-либо национальности.

Ил. ОКУНЕВ
Москва

■

Среди почты «Огонька» наша просьба, может быть, покажется вам незаметной, мелкой, недостойной внимания. Вокруг так много важных государственных проблем, что вроде бы и совестно беспокоить по такому частному поводу. Но мы тут в деревне иной жизни не знаем. Для нас власть по-прежнему недосягаема и сердита, отмахивается от нас, как от мух, отписками.

Суть в том, что в двух соседних деревнях живут почти одни пенсионеры. Вокруг бездорожье, граница двух совхозных земель. Одинокие пожилые женщины с больными ногами ходят с палочками. С одной жительницей случился инфаркт, с другой — инсульт. Конечно, это частные случаи, личные несчастья.

Мы не жалуемся на судьбу. Годы войны и всего того, что было после нее,— вот они и выходят наружу болезнями и немощью. Мы еще что-то делаем, даже понемногу сдаем совхозу продукцию со своих подворий. Но как можно жить в такой глуши с испорченной (около 3 лет) линией телефонной связи и читать ответы про то, что кабель не может быть восстановлен из-за бездорожья (а каково нам ходить по нему)?

Как вызвать врача? Не говоря о том, что прервана связь с родственниками. Вот мы и живем в этом богом забытом красивейшем историческом месте — на севере Пушкинские горы, на западе Опочка, на востоке, правда, далеко, Москва.

Итак, конкретно. Обращались к первому секретарю Псковского обкома КПСС год назад, когда он был кандидатом в народные депутаты. Его-то благополучно избрали, а вот телефонную линию, обещанную тогда, так и не починили.

Неоднократно обращались к местным властям. Все глухо. Даже обижаются, что обращаемся в область, хлопочем. Умирали бы спокойно, зачем телефон... Или деловито отвечают: «Возьмем на контроль!» И действительно, на неделю включат, и опять полгода тишина, как в могиле. Последнее очередное включение было в мае этого года — на два дня.

Помогите, «Огонек»! Может, вас послушают начальник районного управления связи тов. Белов С. В., первый секретарь Опочецкого РК КПСС тов. Анисимов Г. Н. и главный инженер злополучного Псковского технического управления связи тов. Сидоров И. В., который прислал нам отписку со ссылкой на бездорожье.

И. СУРОВЕЦ,
участник ВОВ
дер. Воротово Опочецкого р-на
Псковской обл.

ФУТБОЛ

НАША БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ...

Постороннему человеку, не зараженному вирусом футбола, в жизни этого не понять: сходящие с ума трибуны стадионов, массовый гипноз телевизионных трансляций, агрессивная молодежь, обмотанная шарфиками клубных цветов... И игра — казалось бы, ничего особенного, ан нет... Нынешний чемпионат мира, похоже, проходит для нас под знаком несбывшихся надежд. Несбывшихся или несбыточных? В этом помогает нам разобраться Михаил ЯКУШИН, патриарх советского футбола, один из первых чемпионов СССР по футболу, хоккею с мячом и с шайбой, тренер московского и тбилисского «Динамо», «Пахтакора» и в течение двух лет тренер сборной СССР.

— Каково состояние нашей команды на момент начала чемпионата? Да она попросту не готова. Старший тренер говорит, что готова, но нет самого главного документа, подтверждающего готовность,— игры нет. Вяло, без огонька играют, такое ощущение, что постоянно испытывают непосильную нагрузку. Врач команды сказал, что ни один из игроков не достиг к началу соревнований своих лучших функциональных показателей. И это заметно. По крайней мере пятеро — Бессонов, Добровольский и трое, приехавшие из ФРГ,— практически на нулевом уровне. Команда полностью разбалансирована. Наши не были поставлены в какие-то особенные, тяжелые условия — все команды приехали на чемпионат после тяжелых, напряженных внутренних игр. Но тем не менее были готовы. Нельзя сказать, что у нашей команды не было времени — было время, была подготовка, были контрольные игры, но тем не менее...

Что случилось с нашим футболом, чего в нем не хватает? Что из него ушло в последние годы? Я думаю, что, конечно, можно и нужно говорить об энтузиазме и самоотверженности спортсменов прошлых поколений, но главное, наверное, не в этом, а в истинно профессиональном отношении к делу футбола. Мне приходилось играть в футбол и на любительском уровне, и на профессиональном, и такое отношение я научился ценить. Есть ли сейчас в нашем футболе люди с истинно профессиональным подходом? Боюсь называть кого-либо, особенно в плане надежд на будущее.

Большинство команд на чемпионате играют в хороший, современный футбол. В первую очередь тот футбол, который нравится зрителю, болельщику. Общественное мнение — вещь важная, и нынешний знающий, подкованный болельщик вырабатывает вполне компетентное мнение об игре какой-либо команды или о футболе вообще. Но вернемся к чемпионату. Тактика лучших команд — это прежде всего особенно бдительное отношение к владению мячом. Это своевременный пас, обводка почти без риска. Это удивительно точные действия в обороне, риск сведен до минимума. Исключение составляют, пожалуй, команды США и Объединенных Арабских Эмиратов, они уступают по классу игры остальным командам. Симпатию у меня вызывает команда ФРГ, очень хорошо они показали себя в матче с командой Югославии: выиграли со счетом 4:1. А ведь у Югославии тоже не слабая команда! Ну и, конечно, команда Бразилии в очень неплохой футбол играет. Можно отметить команду Камеруна — она быстро «растет»...

Честно говоря, некоторые надежды во мне вызвало начало матча наших футболистов со сборной Румынии. Начали, в общем, по-настоящему. В первом тайме больше владели мячом, были ситуации для взятия ворот противника, но расчетливости и хладнокровия нашим явно не хватило. Что касается обороны, то наши поступили очень неосторожно, оставив без присмотра хорошего игрока Лэкэтуша и дав открыть счет. Назначенный судьей из Уругвая Корделино одиннадцатиметровый был, в сущности, не обоснован, но тем не менее счет стал 0:2.

Я и раньше замечал, что тактические возможности нашей команды сильно ограничены, и еще раз это подтвердилось в игре с румынской командой. Действия наших монотонны, однообразны и совершенно одинаковы и при счете 0:0, и при счете 0:1, когда возникла реальная опасность проигрыша. Наша команда не изменила направления атак, как разумно было бы поступить, направив их то через центр, то флангами. Не предприняла более агрессивных действий. Играли по-старому, не спеша — это для румынской команды создавало реальную возможность поразить наши ворота по крайней мере 3—4 раза. Мы встали. Мы сдались. И вот итог — 0:2. Румынская команда оказалась выше по всем компонентам игры! Вторая игра — с командой Аргентины — была проведена нашими несколько лучше, но ведь и соперник был слабее румын. Поражения наши закономерны по той причине, что нет порядка в обороне, нет остроты в атаке, нет боевого духа, нет воли к победе! И что меня поражает — команда буквально расклеивается, деморализуется, если им кажется, что судейство пристрастно. Судьи, что и говорить, не без греха, но мне кажется, что это не пристрастие, а скорее ошибки, порой грубые. Но свой неуспех ни в коем случае нельзя валить на арбитра. Если команда выше противника по всем показателям, случайности не выбьют ее из колеи. По меньшей мере странно, когда здоровые, сильные мужчины, для которых борьба за победу — профессия, так расстраиваются от судейских ошибок, что почти не борются дальше. Играть с полной отдачей за честь команды, за честь флага... И ведь нельзя сказать, что только наша команда страдала от судейских ошибок, но, однако, другим командам это не мешало достойно продолжать игру.

Наша команда, что и говорить, «в возрасте». Почему мало молодых? Их, кстати, не мало, их почти нет. Потому, что несвойственно нам готовить сани летом, а телегу зимой. Потому, что искания в области молодых талантов непростительно затянулись. В последний момент взяли Фокина, Уварова, Брошина, Шалимова, а они не готовы. Плохая кадровая, или, если хотите, селекционная работа. Молодым уже действовать пора, а они еще никакие. Молодость — это ведь еще не все. Тренеру надо не просто выдвигать молодого игрока, надо еще за него отвечать. А если он еще не может сыграть, как надо, лучше обойтись без лишнего риска, особенно на таких важных играх. Кстати, я считаю, что надо серьезно отнестись к этой проблеме. Осенью будут отборочные игры на чемпионат Европы — надо быть готовыми к комплектованию нового состава, поискам новых вариантов. Кстати, по всей видимости, будет объявлен конкурс на замещение должности тренера сборной, есть и молодые кандидаты, и думаю, что это неплохо. Новый тренер ни в коем случае не должен совмещать работу со сборной с работой в клубе — это не дело, нигде это не практикуется, кроме нашей страны. Кстати, и у нас это было сделано вопреки протестам старейших и опытнейших тренеров страны и, по-моему, вопреки решению коллегии Госкомспорта. Ну, насчет тренерства — это вопрос сложный, отдельный...

Недавно мне задали вопрос: спрашивают, как, на мой взгляд, не слишком ли наша команда увлекается коллективной игрой, не боится ли каждый отдельно взятый игрок ответственности за судьбу мяча? Ну, во-первых, я должен сказать, что футбол — прежде всего игра коллективная. И это основополагающе. Но действительно, есть у наших игроков такое — как будто боятся довести до конца атаку, стремятся передать мяч партнеру. Так это от неуверенности. А неуверенность — от неумения прежде всего. В игре масса моментов, когда кто-то должен взять ответственность на себя. Особенно у ворот решать и выполнять самостоятельно, где нет партнера, чтобы подстраховать. Но для этого нужна высокая техника, никуда от этого не деться. Наша команда не обладает ею в достаточной степени, поэтому и создается впечатление неуверенности, пропадает острота. Взять хотя бы команды ФРГ и Бразилии — какое сочетание великолепной, слаженной коллективной игры и блестящего индивидуального мастерства!

Чемпионат этот в полной мере продемонстрировал нам кризис советского футбола — иначе и не назовешь ту тяжелейшую ситуацию, в которой оказался этот вид спорта в нашей стране.

Мне думается, что это положение начало складываться с того времени, когда стали практиковаться так называемые «договорные» игры. Когда договаривались о «ничьей» заранее, при этом оговаривая для того или иного игрока возможность забить определенное количество мячей. И раньше так было, но в последние годы это стало уже заметным явлением. Помню, как встретил на стадионе одного из игроков в заметном подпитии. Зная, что у него вот-вот игра, спрашиваю: «Да что же ты делаешь, тебе же играть?!» А он мне отвечает, что все равно уже все известно, только еще не договорились, в какой игре сколько мячей будет забито, а счет очков в двух играх — 3 — уже известен. Согласитесь, это подорвало авторитет футбола как снаружи, для зрителей (это же видно!), так и изнутри, для игроков...

...Только что закончилась игра нашей команды с Камеруном. Не впечатляет ни эта победа, ни этот счет. Очевидно, что для команды Камеруна все уже решено, что это просто своеобразный отдых перед более ответственными играми. Нашим пришлось играть со стоячей командой — отсюда и результат.

Вывод из этого может быть один: конечно, победа есть победа, с этим не поспоришь, но надо сказать себе правду — к серьезным боям мы готовы не были.

Чемпионат мира — это высота, к взятию которой готовятся 4 года. И очень обидно видеть, что туда, наверх, где играют гранды футбола, нам не попасть. Мы будем снизу вверх смотреть на игру замечательных команд. Ну что ж, не будем унывать, а будем наслаждаться прекрасным футболом...

ДОРОГИ ДИАЛОГА

По «шелковому пути», древнему караванному торговому маршруту, пройдут на мотоциклах фирмы БМВ участники экспедиции ЮНЕСКО «Париж — Астрахань».

Мотогруппа стартует в середине июля в столице Франции и, пройдя Лион, Мюнхен, Вену, Будапешт, 20 июля пересечет советскую границу.

В беседе с нашим корреспондентом официальный представитель генерального директора ЮНЕСКО Бруно Лефевр отметил, что главная цель экспедиции — содействие развитию диалога между молодежью различных стран.

— Это так важно сейчас, — подчеркнул он, — когда все мы остро ощущаем нехватку информации друг о друге, о жизни наших стран, когда все мы хотим дружить.

Среди двухсот участников экспедиции люди разных профессий, вероисповеданий, ученые и журналисты, а также двадцать студентов со всех концов земли (в том числе и трое из Советского Союза), приглашенных после специального конкурса разработанных ими проектов этого путешествия.

На всем 5600-километровом маршруте (а в нашей стране он пройдет через Западную Украину, Молдавию и далее Одессу, Симферополь, Ялту, Сочи, Краснодар, Элисту и финиширует в Астрахани) будут разнообразные встречи и познавательные конференции, острые дискуссии и концерты, знакомство с национальными видами спорта и «круглые столы» по проблемам экологии. О путешествии по «шелковому пути» будут рассказывать не только журналисты — участники экспедиции, но и представители советской прессы. Работу всего журналистского корпуса организует журнал «Огонек». Приглашаем коллег на пресс-конференции, а также в творческую мастерскую для работников местной печати, которую открывают 22—23 июля в Одессе и 30 июля в Астрахани зарубежные журналисты. *По всем вопросам, связанным с аккредитацией, обращаться в «Огонек» (телефон для справок 212-12-00).* Одним словом, насыщенную программу предлагают организаторы экспедиции — Международный фонд развития физического образования и спорта ЮНЕСКО, фирма БМВ, Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО, журнал «Огонек», Советско-британская творческая ассоциация и другие учреждения и общественные организации.

— Мы предполагаем также, — продолжает Бруно Лефевр, — организовать благотворительный концерт в помощь пострадавшим в Чернобыле, а для лечения детей Элисты, больных СПИДом, передать медикаменты и медицинское оборудование.

Не могу не сказать и еще об одном проекте ЮНЕСКО, который реализуется в ответ на призыв правительства Белоруссии помочь детям, пострадавшим от Чернобыльской аварии. Этим летом 1200 школьников из Гомельской области проведут каникулы в 15 странах Западной Европы. Нам удалось это организовать в фантастически короткие сроки благодаря поддержке и участию Советского и Белорусского республиканских детских фондов, Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, Министерства обороны СССР и организаций скаутов в Западной Европе.

Итак, экспедиция ЮНЕСКО «Париж—Астрахань» с миссией доброй воли готова к старту. Успеха ей на дорогах диалога!

ЗАТО МЫ ДЕЛАЕМ РАКЕТЫ

ФЕНОЛ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Сергей РОМЕЙКОВ

Одноатомные фенолы представляют собой очень сильные нервные яды, обладающие одновременно выраженным раздражающим и прижигающим действием. При попадании в организм вызывают явления тяжелого отравления: общую слабость, головокружение, шум в ушах, тяжесть в голове, тошноту, обморочное состояние. Смерть может наступить в результате паралича дыхания и сердца.

(Из инструкции)

...Поезд к Уфе подбирается медленно, останавливается у каждого столба. И на каждой станции. И на каждой станции — будь то утро раннее или к ночи уже пошло — у вагона-ресторана вырастает очередь. Дюжие молодцы из эмпээсовского общепита снабжают станционных покупателей московскими дефицитами. Батон вареной колбасы — 12 рублей, водка — 25, кагор (к Пасхе, что ли?) — 15 рублей. Впрочем, брали люди не только это. Кому везло — покупали и печенье с вафлями, джем клубничный, папиросы, сигареты, масло, творог...

Так было на каждой станции, и я все думал: когда же товар у купцов кончится? Надолго ли хватит? До Уфы, однако, хватило.

Наш бригадир, разговорчивый парень Миша, беззлобно-заинтересованно осведомлялся:

— А что, «Москва — Челябинск» продовольственную программу не выполняет? — И, подмигивая, похохатывал.

Я ехал в поезде и смотрел в окно. Слева, справа от полотна лежала Россия: разная, многоликая... Минуя границы областей, я пытался найти что-то общее, присущее различным территориям (интуитивно чувствовал, что есть он, этот «общий знаменатель»!). И нашел, как мне кажется. Общим было следующее: поля, луга, реки, леса, озера и даже небо отличались нетронутостью, первозданной диковатостью, свежестью и чистотой тем больше, чем дальше наш поезд отъезжал от очередного города, станции — людского поселения. И наоборот: битый кирпич (а то и небитый, новехонький, сваленный в кучи), дымящиеся свалки, живописные курганы строительного хлама — все это были верные признаки приближающегося города, деревни.

Наверное, это еще и потому, думал я, что республиканские руководители (да что республиканские — бери ниже!) крайне редко пользуются услугами министра Конарева, все больше самолетами летают. Иначе бы не допустили такого запустения... Но самолет — вжик! — быстро, удобно и, главное, «мне сверху видно все!» — четкие, разноцветные многоугольники хозяйств и угодий, то там, то здесь перечеркиваемые голубыми речками. Кра-со-та!

Самое удивительное было то, что в Уфе по-прежнему жили люди. Как ни в чем не бывало они ходили по улицам, толпились на остановках и у прилавков магазинов... Более того: люди улыбались, и некоторые даже смеялись в голос.

Иногда я останавливался и смотрел на них. Порой удавалось зацепиться взглядом (на мгновение, всего чуть-чуть!) за чей-то случайный взгляд, и я снова и снова недоумевал, не находя в глазах ответа: почему вы, люди, ходите, толпитесь на остановках, улыбаетесь и даже смеетесь — словно ничего не случилось?!

...В ноябре прошлого года в объединении «Химпром» произошла утечка фенола. Бесцветные, розовеющие на воздухе кристаллы фенолкарболовой кислоты, припорошенные снежком и схваченные морозцем, спокойно, никому не мешая, долежали до весны. Ну, а весной, естественно, потекли фенольные ручейки в уфимские речки: Белую, Уфу, Шугуровку, Дему. Предельно допустимая концентрация (ПДК) фенола в воде была превышена при этом в десятки раз. Оттуда — в городской водозабор, то есть в краны уфимцев...

Несколько лет назад я был в другом, не менее загубленном городе, в Запорожье. Решили там умные люди из «Рыбводхоза» форель разводить. (А что не поэкспериментировать, если перевелись днепровские тарань и лещ, чехонь и судак, сом и все прочее?) Выбирали чистое место для садков с молодняком. Нашли такое: под самой плотиной Днепрогэса, где есть необходимое для форели стремительное течение и — чистота.

Мы ходили с молодыми инженерами-рыбоводами по скрипучим понтонам, и буквально у нас на глазах юные форелинки переворачивались вверх брюшком.

Позже выяснилось (после принятия решения, разумеется), что при выборе места не учли малой малости — ручейка (перешагнуть можно!), что течет с энергомеханического, «экологически чистого» завода. Днем того ручейка и не видно было, по ночам журчал.

Так загубили нежную, благородную рыбу. А люди, ко всему привыкшие люди, живут себе и хоть бы хны! По всей стране живут. Доживают?..

Хорошо, если уместно здесь это слово, что в Уфе в питьевую воду попал фенол, попросту говоря — карболка. Люди почувствовали «навязчивый запах» и забеспокоились. А если бы что-то другое, без запаха?

Но дело было не только в феноле, который стал очередным толчком, взбудоражившим, всколыхнувшим митинговую волну. Фенол стал метой, знаком возможно еще большей беды. В городе расположено более 400(!) промышленных предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, энергетики и электрификации, машиностроения... «Побочный» результат их деятельности — сотни тысяч тонн углеводородов, хлорных, сернистых и азотистых соединений, фенолов, аммиака, толуола — всего не перечислить. Какие уж тут ПДК!

После феноловой «добавки» за медицинской помощью обратились более 300 жителей Уфы — у многих из них резко обострились хронические заболевания. А кто может сказать сегодня о генетических последствиях катастрофы? Что ждет беременных, их не родившихся еще детей?

Нет, хорошо все-таки, что пахнет фенол!

Борис Пересветов, бригадир вальцовщиков завода резинотехнических изделий, ткнул мне прямо под нос бумажник:

— Понюхай!

Хотел было отшутиться, мол, деньги не пахнут, но сорвалась шутка. Пахли деньги, все тем же фенолом провоняли.

— И так — всё. Понимаешь? Всё! Представь себе: отработали смену, грязные, что черти... Идем в душ, а оттуда — пар необычный. Помылись, конечно, что делать... А утром — у кого что: один с аллергией, у другого сыпь по всему телу, у третьего еще черт знает что... Так это ж мы... здоровые в принципе мужики!

Здоровые в принципе мужики...

Насмотрелся я на вас в последние годы. На здоровых, на мужиков. На тех, что еще 4 года назад в Чернобыле буквально горы ворочали, а сегодня слоняются по больницам с пышно расцветшим букетом хворей и недугов, ни один из которых, по мнению врачей, не связан с полученной дозой радиации. Так то ж действительно мужики!

А женщины? Дети?

Совсем недавно узнал об эвакуации жителей Полесского, что в 70 километрах от Чернобыля. Я жил там летом 1986 года. Помню сообщения в районной газете: можно купаться в речке Уж, можно загорать, но не долго, можно рыбу ловить, но — не обсасывать косточек. И купались, и загорали, и рыбу ловили. Потому что — плохому, хорошему ли — верили. Привыкли люди верить власти. И вот — эвакуация. 4 года обмана, умышленного истязания, калечения, убийства...

У меня в столе письма из Полесского двух-, трехлетней давности. О том, что железки у деток увеличены, что зрение ухудшается, что заасфальтировали уже подчистую весь городок. Пытался еще тогда опубликовать эти письма — даже «Комсомолка» развела руками: не пропустят; и дело тут было, конечно, не в газете.

Не повторится ли это в Башкирии, республике «дряхлеющей молодости», как назвал ее кто-то из журналистов? Стариков на улицах почти не видно — умирают чуть не сразу после получения первой пенсии...

Не второй ли Чернобыль настиг нас?

С чем у нас в стране хорошо (на что не нужно талонов), так это со слухами. Уж больно почва для их произрастания благодатная, ухоженная, удобренная как следует. Слух, слушок, байка, как стебель, снизу растет. И вот говорят уфимцы:

— С 17 марта местный Совмин и горком партии пили уже другую, привозную воду...

— С 17 по 30 марта население не оповещалось о случившемся...

Вымысел? Возбужденное воображение?

Да, возможно.

Но еще и застарелая непривычка властей предержащих к прямому, открытому разговору с людьми. Боязнь правды. Трусливое упование на легендарное «авось»: пронесет? обойдется? уладится? не подтвердится?

Не пронесло, не обошлось, не уладилось пока и, увы, подтвердилось.

Властям ничего не оставалось, как начать действовать. События развернулись таким образом, что они вынуждены были вспомнить о людях. Как? Попробовали для начала нейтрализовать слухи: ничего, мол, страшного, ребята, просто вода хлорированная. Это мало помогло — люди по-прежнему обращались за медицинской помощью. Тогда решили действовать практически, начали бороться с фенолом в водопроводных сетях. Взяли и начали хлорировать воду.

Марс Гилязович Сафаров, профессор химии, председатель объединенного комитета экологического спасения, рассказал мне о том, что при хлорировании

Фото Олега ЯРОВИКОВА

воды происходит интересная вещь: образующиеся в ней трихлорфенолы или дихлорфенолы в несколько раз токсичней фенола самого по себе. Поэтому получаются уже не две предельно допустимые концентрации, а в несколько раз больше. Отсюда следует, казалось бы, простой вывод: в Уфе нельзя хлорировать воду, потому что в ней просто не может не быть фенола. Водозаборто находится ниже всех химических сбросов!

— В Уфе для очистки воды необходимо применять иные технологии,— говорит профессор.— Озонирование ли, ультрафиолетовую ли обработку... У нас же ежедневно в воду идет тонна хлора! А по ГОСТу — лишь два анализа воды на фенол в год...

Два анализа на фенол, а на всё остальное?

Врачи сбились с ног, беря пробы. Один анализ делают в одном институте, другой — в другом, третий — еще где-то. Какая уж тут оперативность, какое упреждение?

Комитет экологического спасения объединил в себе ряд общественных организаций: ВООП, Татарский общественный центр, Башкирский центр, комитет «За чистый воздух и воду», Башкирскую ассоциацию избирателей и депутатов. В него вошли представители студенчества, комсомольские и профсоюзные работники, школьники... При слушании последнего вопроса меня большинством голосов попросили покинуть зал. Выгнав, комитетчики меня, признаться, разозлили, и стоило усилий сдержать себя, не дать раздражению просочиться в материал.

Через полчаса, когда страсти за закрытыми дверями, видимо, накалились, представительный человек в очках и бороде вышел ко мне с извинениями: «Мы поняли, что ваше присутствие было бы необходимо...» Оказалось, члены комитета рассматривали морально-этический вопрос о...доносительстве. Кое-кто из них, нарушив предварительную договоренность, пошел к Председателю Верховного Совета автономной республики, проинформировал...

Что стоит за этим эпизодом? Конфронтация с властями, нежелание или неумение вести диалог? Недоверие или неверие?

Вопросы, словно запах фенола, повисали в воздухе.

Параллельно комитету общественных организаций действовала городская комиссия по чрезвычайным ситуациям. Цели комиссии и комитета совпадали: чистый, безопасный для жизни город. Так почему же не вместе работают, по разным углам разошлись, как боксеры на ринге?

В Комитете экологического спасения ответ на этот вопрос был прост и категоричен: официальные структуры скомпрометировали себя долгой и бесславной предыдущей деятельностью. Им же, «неформалам», люди пока верят.

Не только взрослых коснулась беда. И дети занервничали, им передалось беспокойство родителей.

Настя Бабаева, ученица 9-го «Г» 54-й уфимской школы, пошла к директору с вопросами учащихся — как насчет воды, фенола? Химическую формулу этой отравы уже и первоклашки знают.

Разговора не получилось.

13 апреля наперекор распоряжению «запереть одиннадцатые классы и не пускать» 54-я двинулась митинговать. К ней присоединилось еще 6 школ, в основном ученики.

Маргарита Хазиахметова, преподаватель географии:

— Я считаю, что педагог, честный педагог, всегда должен быть рядом со своими учениками. Ребятам я говорила так: вы уже достаточно взрослые, поступайте, как подсказывает совесть. По-моему, их совесть не подвела... На самом деле — на глазах буквально взрослели дети, да и не дети уже — граждане, обеспокоенные соотечественники...

— Нельзя, нельзя детей политизировать,— говорит Д. Я. Новицкий,— подпускать к политике до срока! Я уверен в этом... Активность — это, конечно, хорошо, но ведь дети... преждевременно перестают быть детьми...

Дочь Дима Яновича Новицкого бегала на улицу за привозной водой, но ей не досталось. То ли у соседей заняла, то ли НЗ потревожила, не знаю. Но мы пьем чай с хозяином на кухне, заваленной, как и вся квартира, книгами.

Д. Я. Новицкого в Уфе называют «наш Сахаров». Он посмеивается: «Нет, нет, что вы... Уж если на то пошло — то я скорее Собчак. Я — формулирую...» 17 лет, до изгнания в 1987 году, работал старшим научным сотрудником в Башкирском госуниверситете. Был уволен после проведения первого в городе экологического митинга. Районный и Верховный суд БАССР доказали незаконность его увольнения, но в университет он не вернулся. Полтора года работал агентом Госстраха. Последние 8 месяцев — безработный, лепит в подвале авангардистские скульптуры, которые пока никто не покупает.

На митинге в 1987 году люди требовали создания общественной организации «За чистый воздух и воду» с первичными ячейками на заводах и фабриках, в институтах и школах. Организаторы акции понимали: для того, чтобы по-настоящему прочувствовать проблему, нужно за нее отвечать. Но чтобы люди за что-то отвечали, они должны обладать правами. Этот тезис, говорил Новицкий, был самым тяжелым, неприемлемым для властей.

Официально их организация не утверждена. Говорит Дим Янович без юмора, без злорадства:

— Фенольный залп — это самый нежный, самый мягкий, так сказать, предупредительный залп для того, чтобы народ проснулся и понял наконец, что заботится он в первую очередь о себе. Это как знамение Господне, предупреждение нам: не начальники виноваты перед нами, нет. Мы сами виноваты перед нашими детьми в том, что не можем себя до сих пор организовать и — проснуться.

Итак, проблема не в фенольной воде. Она в нарастающем хаосе и недоверии. Именно со слов о доверии начал Новицкий обращение к властям, прося их еще три года назад выйти на митинг к людям. И сейчас просит: нужно вернуть народу веру в то, что мыслим, возможен порядок.

Новицкого и его сподвижников до сих пор не подпускают к телевидению и не печатают в газетах. Боятся? Но кого? В Комитете экологического спасения я неоднократно слышал: стачкомы нужны для того, чтобы дело не дошло до стачек.

Только действуя с позиции силы — с позиции организованной, умной, сдержанной, управляемой силы,— можно что-то сделать. Важно организовать энергию, силу — к этому Дим Янович пришел не вчера и не сегодня. Это у него еще из 60-х, хрущевских, оттепельных годов.

Когда мы прощались, Дим Янович перехватил мой взгляд, скользнувший по книжным полкам.

— Вот так и живу — между двух Андреев.

С полки на меня смотрели два грустных мужчины: Платонов и Сахаров...

...А люди шли и шли по улицам. С ведерками и внушительных размеров канистрами, с бидонами и пластмассовыми флягами. Некоторые — прямо с работы! — вынимали на ходу из карманов полиэтиленовые пакеты, надували их, похлопывали по ладони, проверяя на герметичность, и набирали в них воду. Из квасных бочек, поливалок, цистерн, расставленных между домами...

...Недавно опубликовано сообщение правительственной комиссии, созданной по указанию Президента СССР. Не собираюсь ни оспаривать, ни ставить под сомнение ее компетентность. Наоборот: двумя руками за ее выводы и решения. Вот только словам у меня нет веры, хоть убейте! Словам из длинного, печально знакомого фразеологического ряда: ускорить, усовершенствовать, ликвидировать, усилить и т. д. Все это уже было, слышали мы их, увы, неоднократно. Дел бы побольше.

Уфа

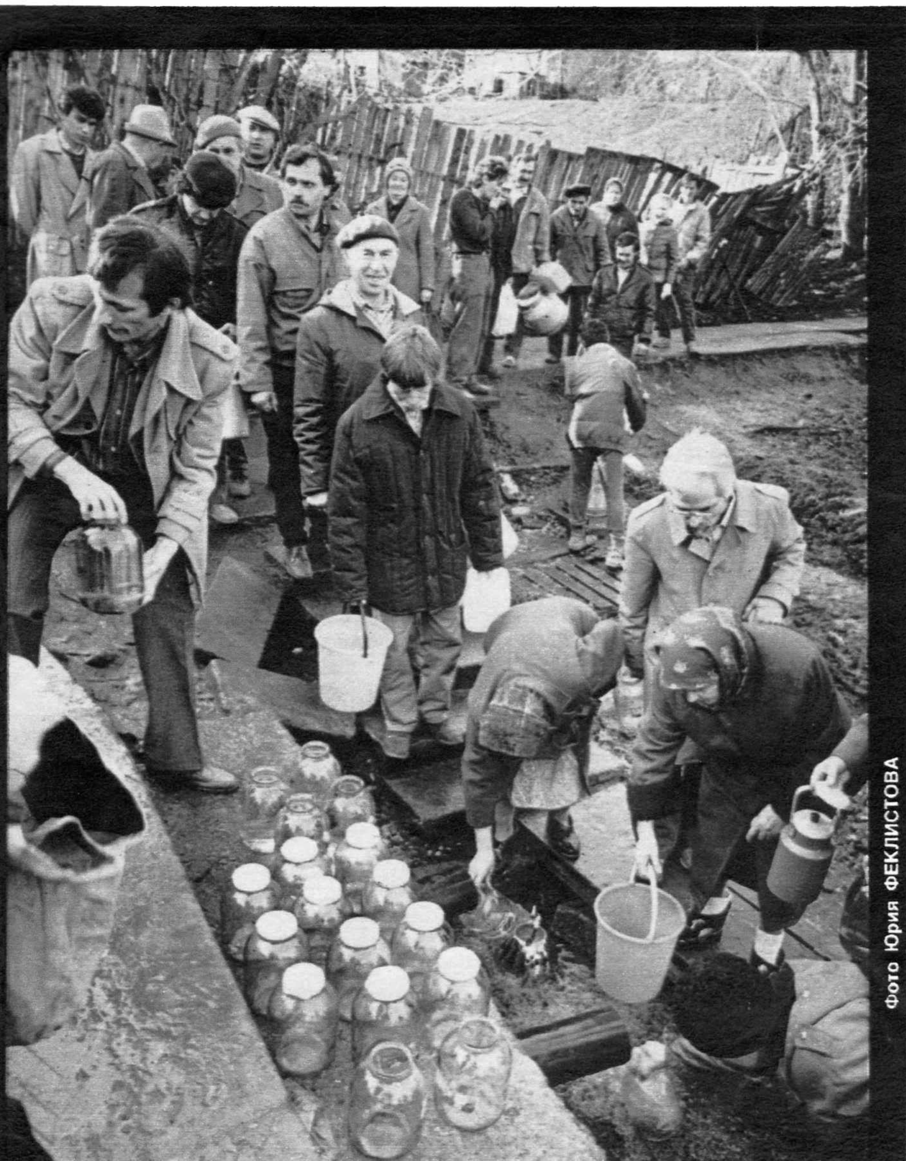


Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ДОНБАССКИЙ СИНДРОМ

Григорий ГНЕЗДИЛОВ

Могильные плиты положили на пустые могилы. Место для этого выбрали не случайное. Над лавой крутого пласта «Кащеевский», аккурат напротив уступа, где предположительно забойщик О. Деменцев и начальник участка И. Дорофеев остались навечно.

350 метров по вертикали отделяли от безвременно ушедших тех, кто пришел поклониться их праху на указанное маркшейдерами место между родной шахтой «Александр-Запад» и железнодорожной станцией Байрак. Ближе подойти невозможно, да и нельзя. Концентрация хлорбензола, пролившегося в выработку с территории Горловского химзавода, оказалась столь высокой, что даже горноспасатели не смогли проникнуть в отравленный забой и извлечь тела угольщиков, задохнувшихся в испарениях адской жидкости.

Скорбное слово над могилой-лавой произнес и представитель Государственной комиссии, имевшей поручение правительства страны расследовать причины аварии на шахте «Александр-Запад» и сделать все, чтобы не допустить повторения экологического бедствия. Между тем гром грянул вторично, на сей раз на соседней, енакиевской шахте «Углегорская». Там в конце апреля произошло поражение массива горных пород токсичными отходами. В течение многих лет их бесконтрольно сбрасывали химические производства, расположенные по чьему-то руководящему недомыслию над тектоническим разломом, к которому восходят угольные пласты, разрабатываемые предприятиями Горловки и Енакиева.

Позиция стачкома, воспринимаемая общественным сознанием как агрессивная, собственно говоря, совпадает с той, которую заняло бюро Горловского горкома партии. Возможность забастовки как таковой коммунисты допускают. Поводом для нее, говорится в специальном постановлении бюро, «может послужить лишь явное непринятие правительственной комиссией действенных мер, игнорирование требований общественности».

Что считать явным игнорированием, что недостаточной действенностью? Тут у горкома и стачкома разночтения, похоже, есть. Общим же для большинства горловчан и енакиевцев является довольно сдержанное, даже скептическое отношение к формулировкам майских протоколов комиссии Совмина СССР. Нечто подобное они уже читали в январе.

Теперь опасность отравления нависает не только над участниками драматических событий, разыгравшихся под землей, но и над населением горняцкого края в целом. Ядовитые забои стали реально угрожать жизни девяти городов Донецкой и Ворошиловградской областей, потребляющих воду из хранилищ, в которые попадают шахтные стоки, содержащие фенол и хлорбензол, формальдегид и цианиды. Нарушенная до километровой глубины природная гидрологическая система, определявшая ранее движение подземных вод, по мнению горловских геологов, исключает ныне какой-либо прогноз возможных путей распространения вредных компонентов.

Горняки «Углегорской» пострадали преимущественно от контактирования

Продолжение на стр. 28.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

БЫТИЕ ИЛИ НЕБЫТИЕ?

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

Как видится судьба партии, чего ждать от ее предстоящего съезда, на что надеяться, уповать? Почему-то сегодня толкуем об изменении Устава, когда прежде всего, по-моему, надо менять Программу. Умные люди твердят, что наша экономика — автомобиль с квадратными колесами, паровоз без двигателя, который мы вынуждены толкать в гору. Очень обидно. Тем более что это правда.

Действительно, пытаемся проводить политические, то бишь надстроечные, реформы по западному примеру, не имея социально-экономической базы и традиций Запада, прежде всего частной собственности и свободного предпринимательства. Но что бы и как бы там ни было, мне далеко не безразлична судьба партии. Не могу порвать, сжечь или выкинуть «красную книжечку». В то же время не могу не понимать, что идея, воплощению которой посвятили себя, противоречит природе человека, на деле такая же утопия, как мечтания Кампанеллы, Сен-Симона, Фурье, как благостное царство Божие на Земле. Если Христос в несовершенном обществе хотел достичь идеальной нравственности, то мы вознамерились и пытались несовершенных людей сделать поголовно идеальными, на основе ложных идей создали экономику абсурда — саморазрушающуюся, плодящую безынициативность, паразитизм, преступность.

Великий американский философ, публицист и поэт Эмерсон утверждал, что в цивилизованном обществе политику проводят партия памяти и партия надежды. Партия памяти — это те, кто боится будущего и стремится сохранить вокруг все как есть, каким бы нелепым оно ни было. Партия надежды объединяет верящих в лучшее будущее и работающих на него. Примечательно все это и, по-моему, прямо касается нас. В таком ключе видится не только причина падения авторитета нашей партии, но и надежда на ее радикальное обновление.

Мы надорвали страну, проводя политику в угоду идеологии — подавляя инициативность, предприимчивость, собственность, разбазаривая «бесплатные» социальные блага, в особенности жилье и природные ресурсы, в первую очередь землю. Эта чехарда привела к отчуждению былого собственника земли от основного средства производства, от сельского хозяйства, к незаинтересованности в росте его товарности, или, честно говоря, к долговременной всеобщей забастовке крестьянства и неизбывному дефициту продовольствия в стране, которая может до отвала кормить не только себя, но и многих других. Отсутствие собственности на землю и ее недра делает людей безнравственными, порождает такие катастрофы, какие прежде и представить было нельзя. Собственность — это ответственность человека за нечто, ему постороннее. Коль скоро нет собственности на поле, на реку, на лес, то и — хрен с ними! — нет ответственности за судьбу Черноземья, Нечерноземья, Днепра, Волги, тайги, тундры, Арала, Байкала, Каспия...

То же самое и в сфере жилья, из которой изгнан обязательный и необходимый хранитель — домохозяин, и в здравоохранении, и в образовании... Перечень можно продолжать и продолжать, но, думается, нет надобности. В КВНе недавно паренек один пропел: «Каждый получит квартиру отдельную через две тысячи лет». Злая ирония, но справедливая. И ответ на иронический как бы вопрос в слове «получит». Если б это слово заменить словами «заработает» или «купит на честные деньги», то никакой иронии не осталось бы, да и проблема из категории нерешаемых перешла бы в противоположную. Всякий мало-мальски понимающий понимает: лозунг обеспечения каждой семьи отдельным жильем к двухтысячному году на нынешней основе — задарма,— то же, что обещанный Хрущевым к восьмидесятому году коммунизм. Историческая безответственность, экономическое легкомыслие — сеять подобные иллюзии.

Пожалуй, в жилищной проблеме примат идеологии над экономикой сказывается особенно пагубно. И наше небрежение экономическими закономерностями оборачивается против нас, как нигде, разве только еще в произвольном установлении зарплаты. Говорим: «Дали квартиру, бесплатная квартира». Для кого?! Да никакой бесплатности и нет, и быть не может. Есть вопиющая несправедливость. Все общество расплачивается за каждую комнату понижением заработной платы и жизненного уровня. Каждый вновь введенный «бесплатный» дом тяжким бременем ложится на бюджет. У государства на поддержание этой махины сил и средств давно уже не хватает, а разбухание ее приводит, как говорится, к росту социальной напряженности и приведет, как пишется, к непредсказуемым последствиям. Чем больше становится и без того громадный государственный жилой фонд, тем больше сил и средств надо вкладывать в его ремонт и поддержание. А где их взять, силы и средства, при символической квартплате, покрывающей лишь расходы по вывозке мусора?

«Бесплатное» жилье, полагаю, самая большая социальная несправедливость и самая большая дыра в нашей экономике. Государство с самого начала, с национализации жилья и «революционного» ниспровержения домохозяев, взвалило на себя такую обузу, которая ему явно не по плечу. Равно как, впрочем, и розничная торговля, общественное питание, всевозможные коммунальные услуги. Если при нормальном строе, обществе, государстве в продаже нет лука, виноваты фермеры или торговцы, а у нас только партия и Советская власть...

Радикально обновляясь, партия, полагаю, выступит за широкую денационализацию, в том числе и жилья: разумнее отдать в частную собственность живущим те государственные дома, которые уже есть, чем продолжать мытарство их эксплуатации и «раздачи» по прежним принципам. Надо сделать жилье тем, что оно есть,— товаром, возвратить его из области весьма сомнительного права, густо «сдобренного» всевозможным злоупотребительством, на рынок. Льготы на приобретение и строительство пусть состоят в размерах кредита и продолжительности рассрочки. Самые льготные условия — молодым, прежде всего молодоженам, врачам, учителям, служителям правопорядка. Жилье для неимущих, убогих, инвалидов покупать за счет специальных страховых фондов, образуемых из налогов на продажу квартир. Но обязательно покупать и передавать в собственность, как транспортные средства для инвалидов, чтоб не было в стране бесплатного, то есть ничейного жилья. Общественные средства — только на действительно общественное. На муниципальные памятники, библиотеки, музеи, театры, детские сады, школы, стадионы...

Что же касается реальной стоимости нашего жилья сегодня, то на аукционе в Москве проданы: однокомнатная квартира за 18 тысяч целковых, двухкомнатная — за 34, трехкомнатная — за 87 тысяч рублей. А мы такие же точно квартиры строим «большой кровью», а потом «выделяем», «распределяем» — разбазариваем. Как же тут не быть зияющим брешам в бюджете? Как не быть всеобщему недобору в зарплате? Всесоюзному злоупотребительству? Людей, которым пришло бы в голову раздавать за здорово живешь мебельные гарнитуры, видеомагнитофоны, автомобили, сочли бы по меньшей мере ненормальными. К тем же, кто разбазаривает квартиры, которые тысячекратно дороже и важнее мебельных гарнитуров, видеомагнитофонов, автомобилей, вместе взятых, мы вроде притерпелись. Где ж тут социальная, да и всякая иная справедливость, ежели многим государственное жилье дарится за счет снижения уровня жизни всего общества, а многим такие же точно трехкомнатные квартиры в кооперативных домах обходятся по шестнадцать тысяч трудовых, кровных рубликов?..

В Великобритании, приходя к власти, лейбористы национализировали некоторые отрасли народного хозяйства — и сейчас же там начинали работать хуже, приходилось торопиться с денационализацией... Основные причины кризиса нашего строя: уничтожение частной собственности на рабочую силу и талант, «бесплатность» ценнейших социальных благ и ресурсов, паралич всего института собственности, когда на словах все — всех, а на деле — ничье, «установление» цен и тарифов с потолка при полном игнорировании закона стоимости, который в любом обществе действует с неотвратимостью закона всеобщего тяготения. В результате несправедливая зарплата: для нерадеев, неумех, невежд непростительно высокая, для мастеров, умельцев, знатоков унизительно мизерная. В результате всемерное (путем тотального запретительства легальной предприимчивости) стимулирование подпольной частной собственности «теневой экономики», свободной у нас от любых налогов, конкуренции, коммерческого риска. Прибавим всевозможные дефициты и расцвет на благодатной почве придуманных цен спекуляции и коррупции, каких, верно, и во времена крушения Римской империи не знавали. Помножим на рост недовольства, деликатно именуемый социальной напряженностью, особенно недовольства молодежи, выливающегося в своего рода восстание путем преступности, наркомании, рока, неучебы, неработы и т. д.

Частная собственность прежде всего на рабочую силу и талант при любом строе — стимулятор предприимчивости, инициативности, высокой производительности и бережливости, катализатор изобретательства, появления и утверждения великих тружеников-хозяев, движения, развития. Благодаря ей социализм успешнее развивается, когда его не «строят»,— в Королевстве Швеция, например, где социал-демократы у власти уже более шестидесяти лет. Социал-демократы внесли и вносят существенный вклад в благоденствие Европы, Австралии, Северной, а теперь и Южной Америки, выдвинув концепцию смешанной экономики на основе рыночной. В то время, как мы даже в предсъездовской Платформе провозглашаем абсурд планово-рыночного хозяйства, при котором ни план, ни рынок не работают. Методы косвенного, ненасильственного регулирования и в Швеции, и в рузвельтовских Штатах появились давно и давно оправдали себя. Буржуазные в нашем понимании государства берут на себя львиную долю забот о социальной защите трудящихся, образовании, здравоохранении, о стимулировании изобретательства, предпринимательства — стало быть, о прогрессе. И, надо признать, заботятся куда лучше, нежели государства «социалистические».

Социальное государство — наивысшее достижение социал-демократии. Там социальная политика проводится традиционно последовательно, несмотря на то, кто в данный момент находится у власти — радикалы или консерваторы. Возрождение частной собственности для нас — важнейшее и вернейшее средство эффективного хозяйствования не по приказу-капризу, а на основе органически присущего человеку интереса и разума...

Наряду со справедливой критикой на партию и ее историю изливается поток несправедливых попреков, наветов, клеветы. Вроде бы забыто все доброе, полезное, необходимое, что сделано в отсталой, нищей, неграмотной стране, ставшей в первый ряд мировых держав за какие-то полвека, густо заполненные разорительными войнами. Нет, конечно же, не забыто, но и «слева», и «справа» очень бы не хотелось помнить. Посему фокусируется внимание на том, что партия не выполнила социальных обещаний, и остается в тени то, что она не могла их выполнить, взвалив на себя, по доброте и широте своей, непосильную ответственность за бесплатное жилье, здравоохранение, образование, за национализированное сельское хозяйство, промышленность, торговлю, жизнедеятельность и развитие которых должны стимулироваться разумной налоговой политикой. Никакая иная партия в мире, никакое иное государство не смогли бы тоже снести ношу сию, а тем более исключив поддержку титанов нормальной экономики — трудящихся собственников: справных мужиков, предприимчивых мастеровых, честных домохозяев и торговцев, невольно заменив их спекулянтами, которые успешно эксплуатируют произвольное «установление» цен, повальное запретительство и другие «непреходящие завоевания», порождающие хронические дефициты. Декларируем, прокламируем: «Все в человеке! Все для человека!» Но не очень-то напираем на то, что человека вне собственности нет и быть не может, как не может быть свободного труда и демократии.

Путь радикального обновления, если угодно, спасения партии, уже испытан и вполне оправдал себя во многих, прежде всего передовых, цивилизованных странах, а теперь и в странах «народной демократии», где престиж коммунистических партий с их надуманными, несбыточными программами угасает, а социалистические, социал-демократические и им подобные растут, возвышаются и, приходя к власти, несут процветание.

Если не каждому, то большинству ясно: кровавая революция — месть за несбыточную мечту, и коммунизм — гротескная антиутопия, породившая из единомыслия двоемыслие, из единодушия двоедушие и цинизм ни во что не верящих. Название «коммунистическая» не соответствует действительности, не выражает сути. «Коммунистичность» партии — в при-

верженности к отжившим стереотипам-мечтаниям и догмам развеянных жизнью иллюзий, в торможении на их основе путем тотального запретительства — «владеть нельзя, работать от души, в полную силу нельзя, свободно и честно продавать-покупать нельзя» — всего спектра социальных благ, производительных сил, в самоедском сдерживании реальных инициатив, предпринимательства, изобретательства в угоду паразитирующей на социализме части общества — мафиози-спекулянтам и нетрудящимся трудящимся, люмпен-пролетариату, ничем не владеющему, ничего не умеющему, не производящему, но потребляющему. Как заметил Черчилль, в России почти все запрещено, а что разрешено, то строго обязательно.

Иллюзии изживаются, а факты остаются. Именно люмпен-пролетариат успешнее всех эксплуатирует «непреходящие завоевания», но и пуще других недоволен партией, больше остальных «неформалит» — бунтует и демонстрирует. В основном эта ленивая, агрессивно-завистливая часть населения, в общем-то согласная жить кое-как и работать спустя рукава, неспособная, по прогнозам социологов, хорошо работать никогда, ни при каких условиях, какой бы наша система ни стала и какие бы стимулы ни предложила, вошла в своего рода блок с бюрократией, сознающей собственную ненужность перестройке, непригодность к ней. В кооператорах, например, и бюрократ, и люмпен видят грозное опровержение устраивающего обоих мифа о том, будто бы наш человек хорошо работать не может, а посему нужны ему сонмища номенклатурных надсмотрщиков-погонял.

Условно говоря, половина граждан хочет и стремится зарабатывать по тысяче двести в месяц. Другая половина хочет получать — не зарабатывать, а именно получать — по сто двадцать, ничего или почти ничего не делая, и стремится помешать первой половине зарабатывать. Стремится до того истово, что поносит, саботирует, компрометирует кооперацию, аренду, жжет скотные дворы, усадьбы, тракторы фермеров, громит магазины и мастерские частников, не останавливаясь и перед собственностью инвалидов. Да при этом еще громче всех орет о попираемой справедливости. Словом, как сказал поэт Александр Поздняков, будь трижды проклят новый Чернышевский, что позовет Россию к топору.

Оглянемся во гневе! Вправе ли мы вообще толковать о социальной справедливости на манер Шарикова и Швондера, ежели вопиет стройная, не без их рачительного содействия возникшая система социальной несправедливости? Какая там, к чертям собачьим, справедливость, ежели человек не может жить на зарплату, не говоря уж о пенсии?! Дабы обрести оную справедливость, необходим плюрализм собственности, полнокровный хозяйственный расчет полновесным рублем, товарный рынок с нормальной конкуренцией и реальными ценами, стимулы материальной заинтересованности каждого, разделение доходов только в соответствии с результатами труда, то есть полное неравенство. Другой столбовой дороги прогресса в природе нет. Это доказывает мировой, а тем паче наш исторический опыт. Если «там» сложилась система, которая автоматически саморегулируется, чтобы производить больше, лучше, дешевле, то мы произволом ручного, так сказать, управления создали строй, который стремится производить меньше, хуже, дороже.

Мы так умеем плохо жить, что по-другому не желаем. Разъяренная толпа слепа, безответственна, беспощадна. Волочет на правеж тех, кто под руку подвернется, а не истинных виновников. К тому и подстрекают ее бюрократы, упорствующие в реанимации того, что реанимировать нельзя и не надо, а также вожди-популисты — всевозможные гапоны и демагоги, которые не убеждают, а обращают в свою веру. Да убеждения и не нужны фанатам — нужны идолы для поклонения и супостаты для расправы. Толпа безнаказанна. С ней и в ней можно делать все что угодно. И — делают... Сугубая вредность твердолобых бюрократов, кликушествующих гапонов и демагогов в том, что они, сосредоточивая внимание народа на образе врага в лице, скажем, кооператоров или на происках отдельных высокопоставленных мерзавцев, коих предостаточно при любом строе, отвлекают от главного — от того, что сам строй нуждается в коренной реконструкции.

Формы собственности не создают ни социализма, ни капитализма — это лишь инструмент государственной политики. Партия должна не только говорить правду, но и действовать по правде, во имя и во благо правды жизни. Коли будем по-прежнему ориентироваться не на того, кто делает погоду в экономике, а на возможности, способности и потребности люмпена, и через пять, и через пятьдесят лет не будет ни ладу, ни толку. Идеи уравниловки приведут к нарастанию воинствующего бескультурья и утечке мозгов за рубеж, к тому, что позакрывают все кооперативы и угробят общенациональные научно-исследовательские программы, пустят красного петуха каждому арендатору и фермеру — станут кулачить и крушить все, что талантливо, трудолюбиво, добропорядочно и возвышается над планкой усредненной серости нетрудящихся трудящихся. Для нашего общественного строя и образа жизни характерны производственные отношения, тормозящие развитие на всех уровнях. И главный рэкетир — государство: всех обобрало и бо́льшую часть добра пустило по ветру. Точь-в-точь как те пацаны, что украли в сельпо ящик марочного коньяку, вылили коньяк на землю и пошли сдавать пустые бутылки. Но ведь государство — это мы. Бесспорно, за многое вина лежит и на партии, хоть она инициатор не только самокритики, но и критики снизу.

Неужели мы обречены оставаться заложниками собственной косности, в то время как даже в Эфиопии уже разобрались, что к чему? Что ж нам, еще семьдесят лет искать свой «оригинальный» путь развития, уповая на обанкротившиеся постулаты: пусть квадратное колесо, но свое, нашенское? Спокойно смотреть, как человечество уходит по уже испытанному пути за горизонт, успешно решая одну за другой проблемы, которые для нас «пока» остаются неразрешимыми? Не лучше ли сперва пройти свою часть по проторенному пути мировой культуры, чтобы не смотреть на цивилизованные страны глазами попрошайки, а уж там, пожалуйста, хоть созиданием квадратного колеса тешиться?

Выход может быть определен уже названием перестраивающейся изнутри, без насилия и разрушения структур, партии: «социал-демократическая», что и было запрограммировано изначально, при возникновении, когда РСДРП была партией надежды, что до последнего вздоха отстаивал величайший русский марксист Георгий Валентинович Плеханов, во всем мире признанный и уважаемый, лишь в отечестве своем усердно замалчиваемый.

Опрос, проведенный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Московской высшей партийной школой, свидетельствует: лишь 2,3 процента беспартийных и 4,8 процента партийцев страны связывают с коммунизмом будущее человечества. Это данные на июнь 1989 года. Теперь они наверняка еще ниже. Не замечать кризиса коммунистической идеологии сегодня может только слепой и глухой. Коммунизм подобен неопознанным летающим объектам. Все знают, что это такое, все судят-рядят о них вкривь и вкось, но никто их не видел. Если мы сегодня почти единодушны в том, что достижение коммунизма — дело весьма проблематичное, а честнее, сомнительное, что «коммунизм» больше метафора, нежели реальность, то почему и зачем называть партию реального действия иллюзорно-утопически? Ведь название должно выражать программную суть, и стало быть «социал-демократическая» или «социалистическая» куда больше бы пристало, что, кстати, и предлагают сторонники «Демократической платформы в КПСС».

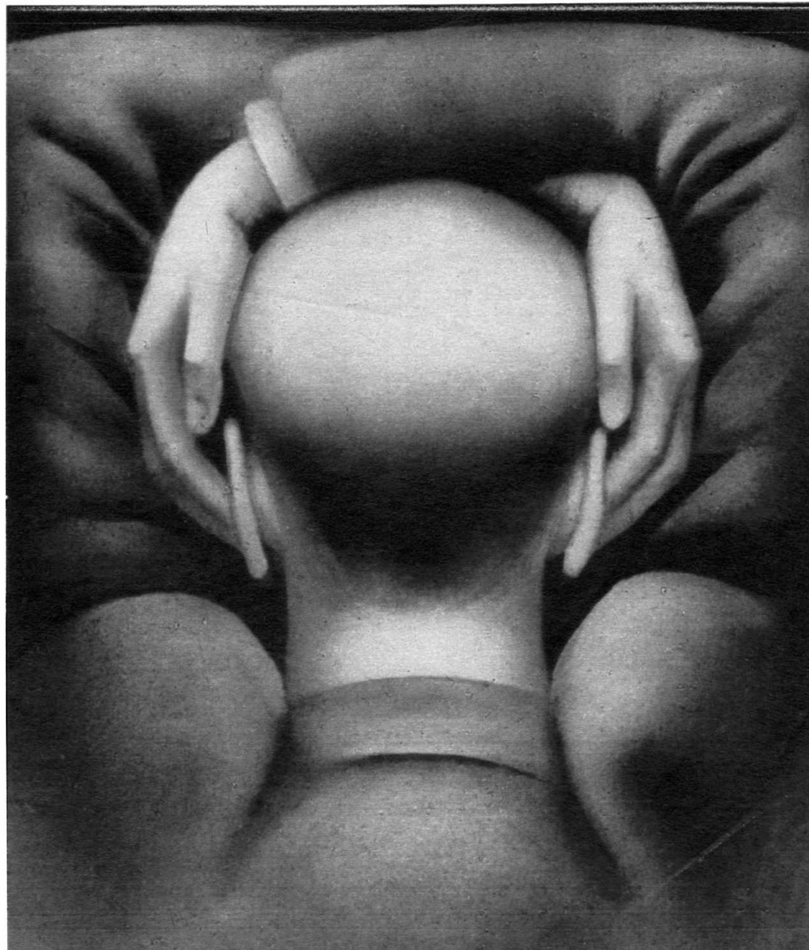
Прежде всего, по-моему, сегодня покаяние. Пусть партия признает свои заблуждения и промахи, отрешится от закоснелости и обветшалых догматов, возвратится к изначальным своим корням, памятуя, что Марксово учение тем и сильно, что оно может быть совершенствовано внутри себя самого. Пусть примет Программу и Устав, исключающие экстремизм, произвол и насилие над честно трудящейся личностью, ее совестью и собственностью, над трудом и капиталом. Пусть, как заповедь, помнит совет Ильича, ратовавшего за нэп: «Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами деклараций, то теперь чисто французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость». Отвращение или брезгливость!.. А мы что делаем? Идея для нас по-прежнему выше реальности. Говорят, когда президент Эйзенхауэр заметил Хрущеву: «Ну, что ж, колхозы у вас провалились?» — Хрущев, подумав, парировал: «Зато идея хороша!»

И сегодня еще мы надеемся с помощью милиции и сонмища коррумпированных контролеров не только оздоровить нашу социалистическую, но и одолеть теневую экономику, отлаженную на основе полного уважения к частной собственности и закону стоимости. Новая Программа должна дать возможность возвращения капиталов, изъятых у народа теневиками, в сферу общенародного хозяйства мирным, взаимовыгодным путем, в частности путем, скажем, свободной купли-продажи акций и других ценных бумаг. Хватит ханжить в связи с этим. Каждого мало-мальски толкового заграничного менеджера с его капиталом не знаем, куда лизнуть, в какой красный угол усадить. А своих, выстоявших, выживших, закаленных в невообразимых для любого заграничного менеджера условиях, держим в подполье, делая вид, что они не часть нашего народа.

Демократия — это не возможность орать что в голову взбредет на митингах и демонстрировать с поднятыми кулаками. Демократия — прежде всего свобода для каждого в любой точке страны трудиться на избранном поприще, производить максимум возможного для сил и таланта и честно продавать с максимальной пользой для себя и других, для отечества. Только приняв путеводные принципы социал-демократии «свобода — социальная справедливость — солидарность», партия оправдает пророчество умиравшего Ильича:

— ...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм... Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений...

Под конец жизни Ленин понял: возврат к меновой экономике в виде нэпа не временное отступление, как он сперва полагал. Нужно ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой (что и сделал впоследствии Сталин и делают сегодня сталинисты), но «вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке»... Пора бы уж это усвоить хоть сегодня — пусть с привычным для нас опозданием на десятки лет. Пора наконец заменить профессионалами номенклатурных дилетантов на производстве и в политике, действующих по принципу «есть предложение — нет возражений», а культ самодержавной личности — культом талан-



Плакат художника А. ЛОЗЕНКО «У меня нет проблем!»

та, разума, компетентности, знания, труда. Партия должна разработать современную научную концепцию демократического социализма — стратегию и тактику — отвечающую не чьим-то наивным верованиям, утопическим пожеланиям, порывам и домыслам, а реальности прогресса мировой цивилизации в компьютерную эпоху на рубеже двадцатого — двадцать первого веков. Социализм не та или иная «модель», а никогда не прекращающийся процесс непрерывного обновления и совершенствования, повышение ценности и свободы человека. Частная собственность гарантируется ему и охраняется. На этой основе качественно — подчеркнем: качественно! — растет производительность и производство, а народное хозяйство развивается экологически чисто.

Збигнев Бжезинский, кого трудно заподозрить в сердечном расположении к нам, но еще труднее обвинить в отсутствии глубоко аналитического, глобального охвата ума, размышляет:

«Меня беспокоит проблема увеличивающегося разрыва в технологическом и социально-экономическом развитии между Западом и Советским Союзом. Этот разрыв не просто велик, он увеличивается. Если он будет и дальше расти, то Советский Союз не станет органической, неразрывной частью общеевропейского дома, а будет его периферией. Нереально вообще будет говорить о едином доме... Я надеюсь на успех перестройки. Но вы не должны пытаться формулировать общественную политику и социальные изменения на основе идей, родившихся по крайней мере сто лет назад».

Не исключено, что мнение «вредного» Бжезинского может оказаться для нас весьма полезным: на голую ногу всякий башмак впору. И Бжезинский, чья недавняя книга называется «Великий провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом столетии», понимает:

«Если вы не измените общего политического контекста, трудности будут слишком велики. Одна из таких трудностей — периодические нападки на деятельность кооперативов, на развитие частной инициативы. Еще одна трудность тесно связана со стойкой традицией, утвердившейся за семь десятилетий в вашей стране. Эта традиция создала в психологии людей то, что я называю негативным эгалитаризмом. Иными словами, общество в целом не заинтересовано и не хочет, чтобы какой-то индивидуум добился успеха и разбогател. Оно предпочитает коллективную бедность процветанию какого-либо отдельного человека».

Почему Бжезинский видит и понимает, что истину нельзя держать в пожизненном заключении, а мы никак не возьмем в толк: либо свобода, либо равенство в нищете? Почему потакаем агрессивному невежеству, от которого Маркс предостерегал, утверждая, что оно — демоническая сила и послужит причиной еще многих трагедий? Почему с опозданием восстаем на эту демоническую силу — будь она в облике хоть люмпена, колошматящего миллионы кирпичей и плиток на стройках страны, хоть недавнего столичного мэра, сокрушавшего вопреки законности и ленинизму кооперативные основы городской экономики, хоть «деятеля», объявляющего войну культуре в виде помидорных теплиц, пивоваренных заводов, виноградников?

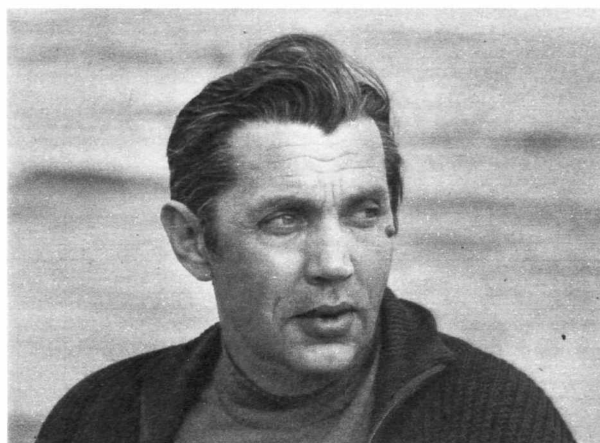
Истоки нашей национальной трагедии не столько в заблуждениях и преступлениях Сталина, Брежнева, Хрущева, сколько в том, что несколько поколений принесены на алтарь абсурда, который — в неистовом стремлении «воспитать хозяина» при повальном его изничтожении. Здравый смысл подсказывал одно, а поступали наоборот. Не тяготы и невзгоды сковывали, а бессмысленная работа. Однако еще не угасли в нас здравый смысл, совесть, тяга к общечеловеческой правде и справедливости. Поэтому радикальное обновление партии должно стать не борьбой людей, но борьбой идей. Притом действовать надо не в духе нашей обыденности, пропитанной нетерпимостью, бескультурьем, властью беснующихся толп, у которых нет лица, а разум замещен стадными инстинктами. Насилие ведет к торможению физического и духовного развития человека, к вырождению и распаду общества. Довольно насилия, которое больше проблем порождает, чем разрешает. Идеал современной политики — ненасилие. Спасительный путь в светлое будущее, надежда на всеобщее выживание. Демократия не только свобода слова, но и свобода слуха...

Мы можем и обязаны провозгласить и поддерживать, доказывая делом: социализм и демократия, социализм и свобода не антиподы. Они, напротив, органически присущи друг другу, обогащают друг друга и, не побоимся пышного слова, оплодотворяют друг друга.

Наша партия обязана сознавать свой долг, свою ответственность и перед собственным народом и перед всем человечеством в том, чтобы перестройка увенчалась успехом. Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие, утверждал Федор Михайлович Достоевский.

Да будет партия Надежды!

АББРЕВИАТУРЫ



Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Гул веков — страна,
боль времен — страна.
На земле людей
ты и впрямь одна.

Не возьмешь — страна,
не проймешь — страна.
Через день сыта,
через год голодна.

Пей-пляши — страна!
Бей-круши — страна!
Коль снаружи мир,
так внутри война.

Перекур — страна,
перегиб — страна.
Больше, чем другим,
ты себе должна.

ТОЛПА

Толпа на людей не похожа.
Колышется,
хрипло сопя.
Зевак
и случайных прохожих
неслышно вбирая в себя.
Затягивает,
как трясина, —
подробностей не разглядеть...
И вот
пробуждается сила,
которую
некуда деть.
Толпа,
как больная природа,
дрожит от неясных забот.
По виду —
частица народа.
По сути —
его антипод...
И туча плывет, вырастая.
И нет ни друзей, ни врагов...

Толпа
превращается в стаю.
И капает пена с клыков.

ПОЗАПРОШЛАЯ ПЕСНЯ

Старенькие «ходики».
Молодые ноченьки...
Полстраны —
угодники.
Полстраны —
доносчики.
На полях проталинки,
дышит воля вольная...
Полстраны —
этапники.
Полстраны —
конвойные.
Лаковые туфельки.
Бабушкины пряники...
Полстраны —
преступники.
Полстраны —
охранники.

Лейтенант в окно глядит.
Пьет — не остановится...
Полстраны
уже сидит.
Полстраны
готовится.

АББРЕВИАТУРЫ

«Наша доля прекрасна, а воля
крепка!..»
РВС, ГОЭЛРО, ВЧК...

Наши песни взлетают до синих
небес!
СТЗ, ГТО, МТС...

Кровь течет на бетон
из разорванных вен.
КПЗ, ЧСШ, ВМН...

Обожженной, обугленной станет
душа.
ПВО, РГК, ППШ...

Снова музыка в небе! Пора перемен.
АПК, ЭВМ, КВН...

«Наша доля прекрасна, а воля —
крепка!..»
«SOS!»
тчк.

* * *

Ю. Рытхэу

Слышен скрип лебедки стонущий.
Бочки на песке лежат.
Говорят,
здесь было стойбище.
Было.
Года три назад...
И туман — сырой, растерянный —
дрожит,
сходя на нет...

Проданы
народы Севера
за северную нефть.

* * *

Славно карты выпали,
действовать пора...
Выборы,
выборы,
взрослая игра...
Долг давайте выполним, —
это ж так легко...
(Говорят,
что к выборам
выбросят пивко...)
Выборы,
выборы.
Урна в уголке...
(В бюллетене выданном
три кота в мешке...)
Жизнь проходит празднично,
нервно и смешно...

Ах, как это правильно,
что нам
не дано
выбирать родителей, —
(бог подаст).
И руководителей
чужих
государств.

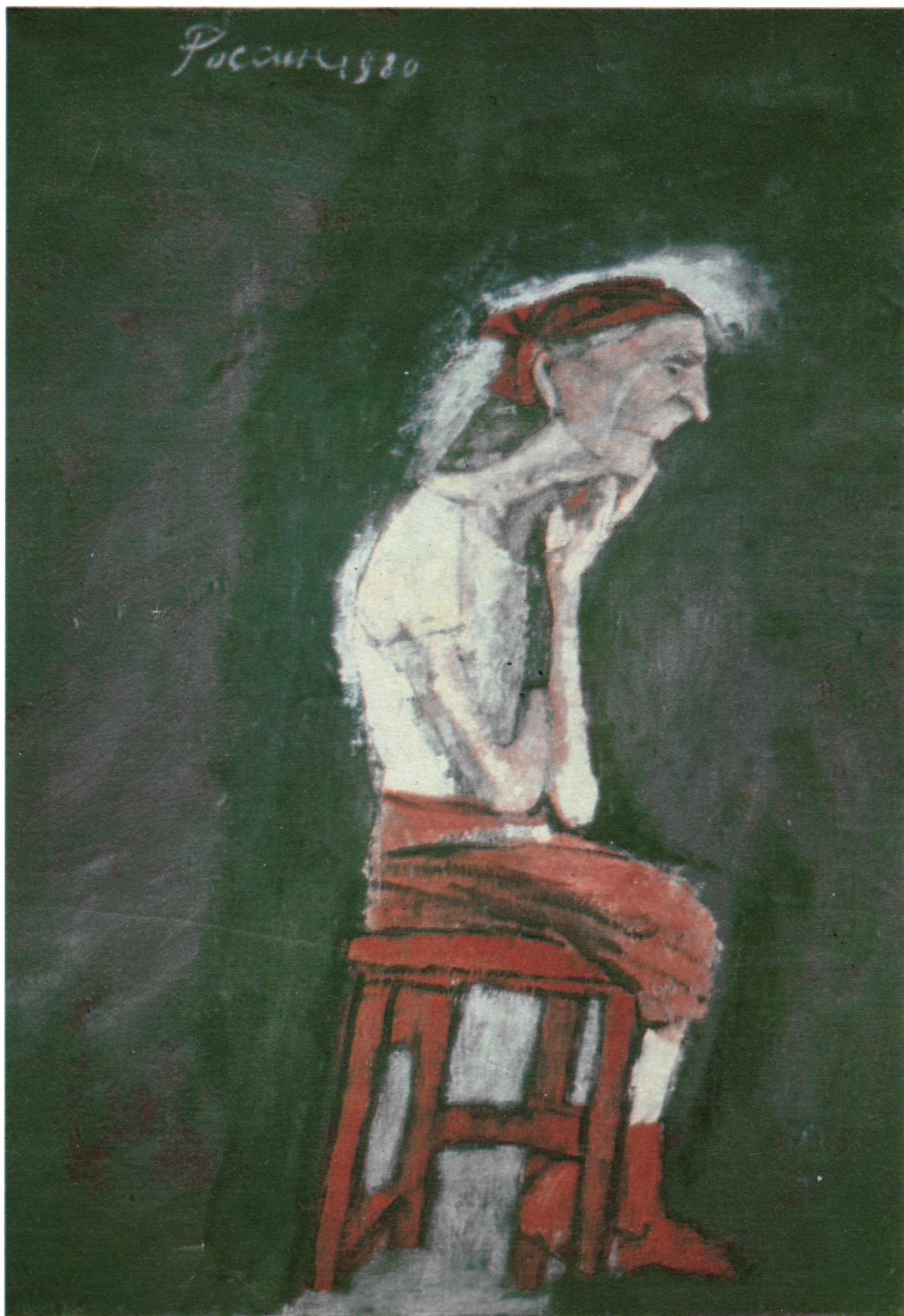
НЕОЖИДАННОСТЬ

Ветви ждущие
тянулись ввысь,
будто бы дождаться
поклялись.
Лес,
тянущий ветви к небесам,
ждал плодов —
каких? — не ведал сам.
Странным ожиданием
болел...
Утром
на деревьях снег созрел.

ОГОНЁК

СОЛОМОН РОССИН, ИЛИ ИСКУССТВО ВИДЕТЬ ЖИЗНЬ

Матушка.



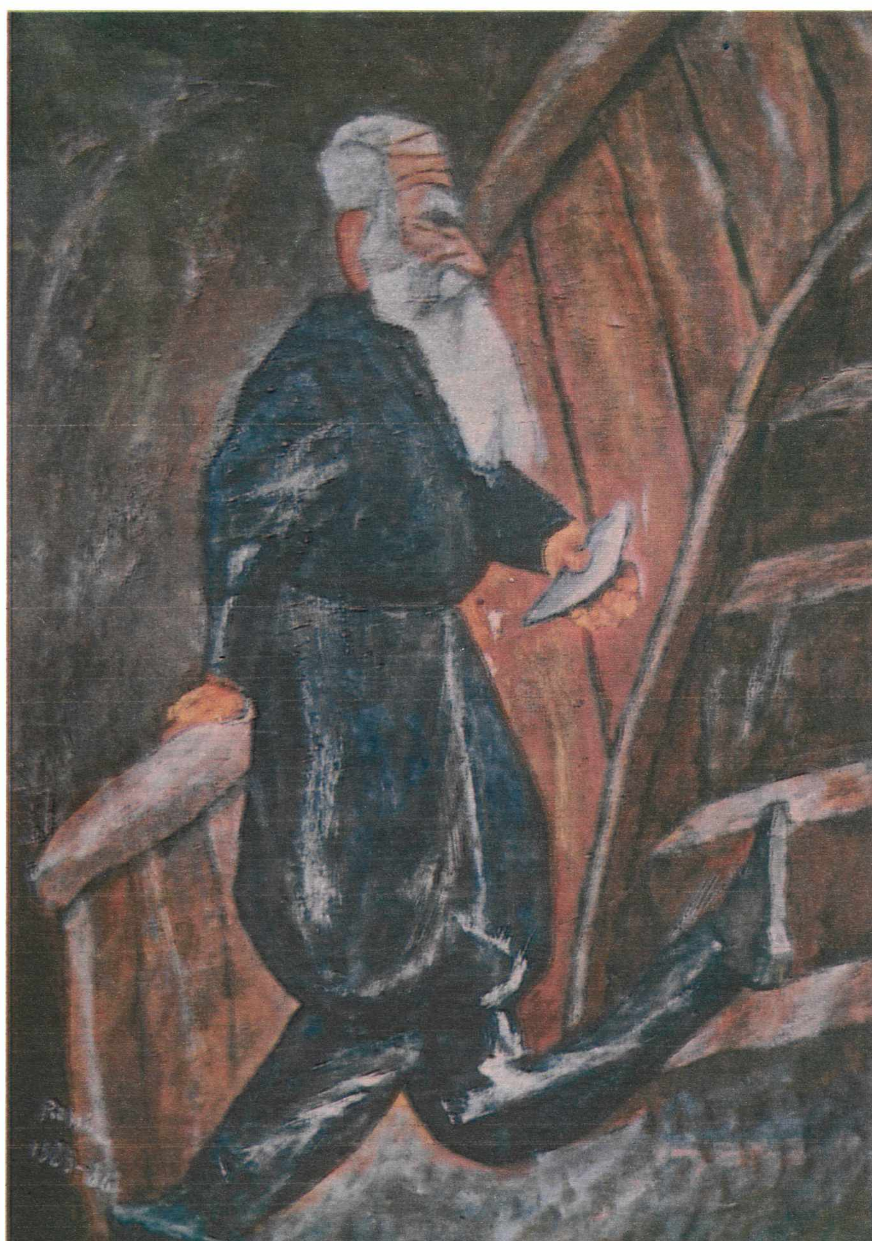
Разве есть такое искусство? Нужно ли учиться видеть то, что всем видно? Оказывается, нет ничего труднее, чем увидеть мир в его реальном обличье. Всегда легче созерцать плоды собственного воображения, видеть то, что хочется видеть, и не замечать той реальности, которая ранит и оскорбляет наше зрение. Если же ее замечают, то в ход идут знакомые слова «огрубление действительности», «задворки жизни»; но это раньше говорили, а теперь осуждают «конъюнктурщину», как будто видеть реальную жизнь можно только в корыстных целях и как будто Делакруа и Домье, Перов и Репин, Тициан и Дюрер, Веласкес и Гойя не шли навстречу этой самой «конъюнктурщине», когда время их призывало к этому.

Острый дефицит отражения реальной жизни в искусстве заставляет с особым интересом всматриваться в живопись и рисунки ленинградского художника Соломона Россина. Его искусство известно очень немногим. За пределы Ленинграда оно почти не попадало.

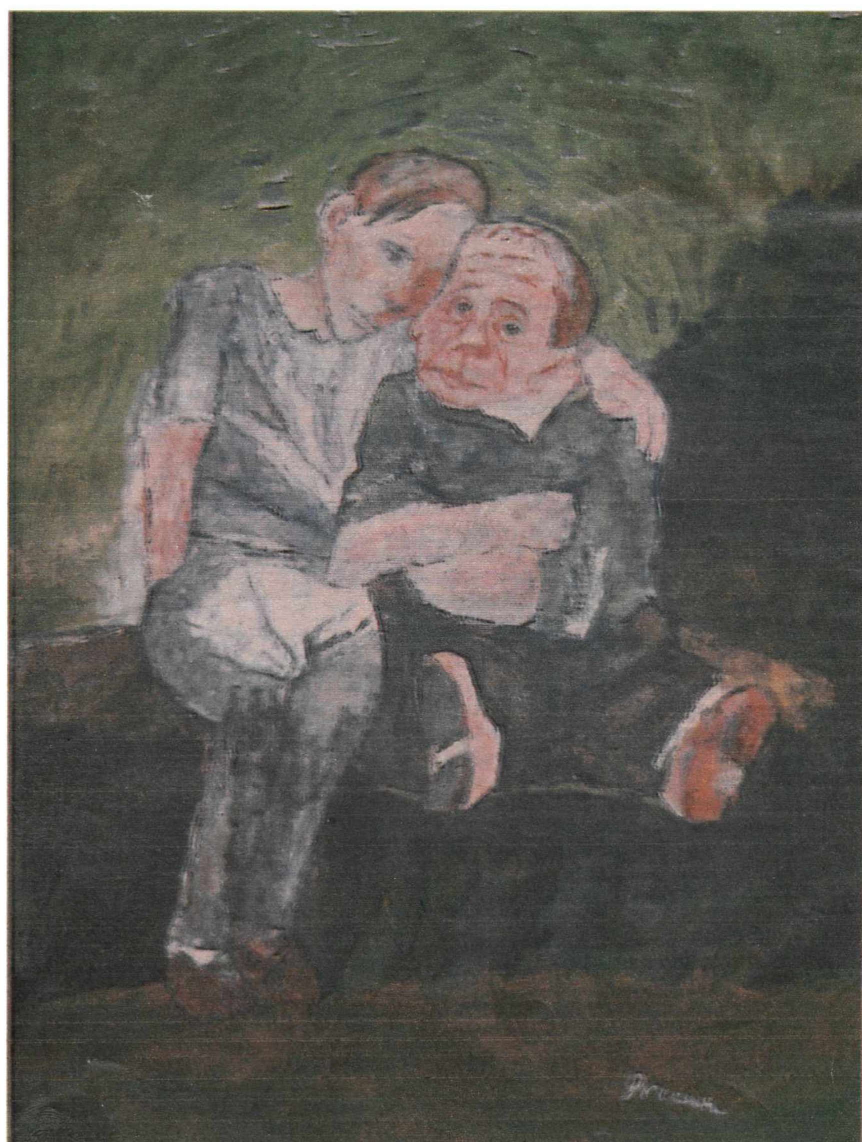
Россин — один из немногих художников, кто в наши дни захотел увидеть жизнь при дневном свете «и ей взглянуть в лицо», как написал когда-то Пастернак.

Он родился в Гомеле в 1937 году, в 1955 году переехал в Ленинград и начал учиться в Художественно-промышленном училище — «Мухинском», через три года перевелся в московское «Строгановское» и окончил его как керамист в 1963 году. Собственно говоря, в этом вся биография художника, который не стал ни членом Молодежного объединения, ни членом Союза худож-

Старая тюрьма.



Письмо.



Дружба.

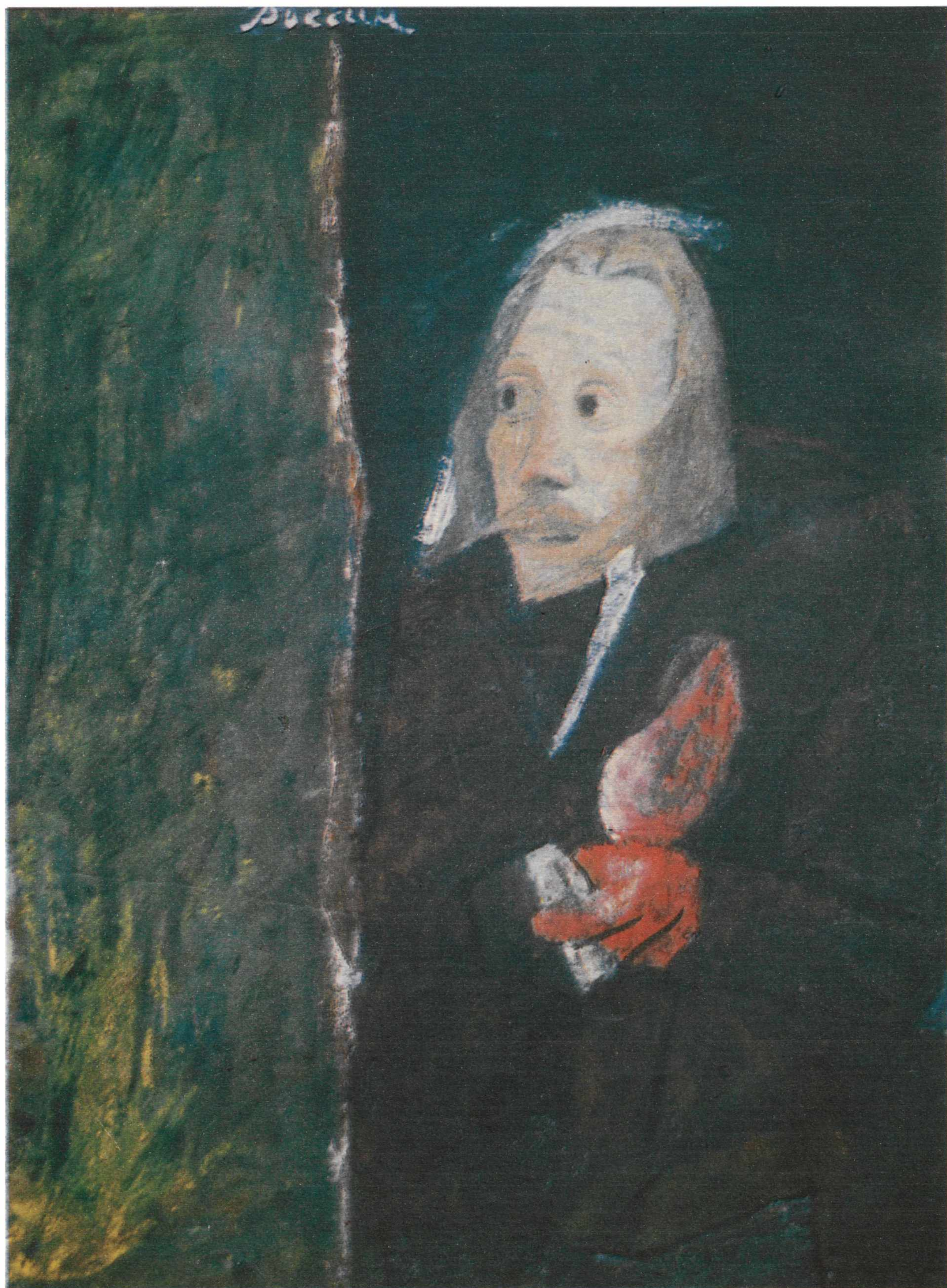
ников и работал как живописец и рисовальщик сначала в деревне Верхняя Тойма Архангельской области, потом в Ленинграде. Почти что оторванный от художественной жизни города, он формировался самостоятельно, предъявляя к себе собственные и очень жесткие требования. Это и придало его искусству необычное лицо.

Впрочем, кое-что не кажется абсолютно незнакомым: в нервном, остром рисунке, в подчеркнутой характерности контуров, в насыщенных, горящих красках, как бы беспорядочно, как на палитре, смешанных на холсте, можно увидеть сходство с русскими примитивистами Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, с немецкими экспрессионистами Эмилем Нольде и Карлом Шмидтом-Ротлуфом и с французскими «дикими» — Жоржем Руо и Хаимом Сутиным; есть что-то общее и с современными молодыми мастерами социального гротеска Максимом Кантором и Львом Табенкиным. Разумеется, прямых связей, тем более перенимания каких-то приемов, мы не встретим, но сходные условия и сходные цели рождают некоторое подобие живописных методов. Однако острейшее социальное зрение Россина едва ли имеет параллели в настоящем или близком прошлом.

Особый российский гротеск, возникающий из его понимания типичности современных жизненных явлений, из проникновения в существо повседневных коллизий, удивителен для художника наших дней. Россин изображает Веселый Поселок, хорошо знакомый ему ленинградский пригород, странное нагромождение столбов и нелепых построек на фоне злого закатного неба; пейзаж становится символом жизни, заблудившейся в лабиринтах, воздвигнутых слепотой и безответственностью людей. Страх, возникающий среди бесчеловечных домов и безликих сооружений, формирует и облик людей, типы которых становятся героями художника. «Диссидент», «Бич», «Бомж» — это люди, утерявшие узаконенный социальный статус, живущие вне общепризнанной нормы, выбирающие свой собственный путь, преодолевающие привычную, въевшуюся во все поры боязнь самостоятельного поведения.

Образы картин Россина возникают как бы изнутри, из густого замеса красок, формируясь на наших глазах из плотной, сотканной из цветовых пятен среды, атмосферы, как будто заряженной грозовым сгустком эмоций. В этом художник сходен со своими более молодыми современниками. Но Россин при этом обладает редкой способностью жить с открытыми глазами, напряженно вглядываться в жизнь, тогда как молодежь более чутка к бушующим внутренним голосам, к вырывающимся наружу собственным страстям. Определяясь, уточняясь, образы, создаваемые Россиным, приобретают резкие, жалящие очертания, обозначаясь в жестокой, ранящей, враждебной человеку окружающей городской среде. Вырастая в ней, человек, прижатый к земле, бессильный распрямиться, несет в себе скорбный опыт своего убогого бытия. Но герои Россина — это не жертвы: это старики и старухи, не сломленные их страшной жизнью; это «Поэт» (портрет поэта Виктора Кривулина), в немощном и покореженном теле которого живет огненная душа мечтателя и борца; это дети и подростки со светящимися глазами на исхудалых, истомленных лицах. Интересно, что и людям прошлого художник придает те же черты, и даже во Льве Толстом он увидел почти что современника, который упрямо шагает по недружелюбной земле, гонимый своей непреклонной волей. Есть еще любимый мотив, как в живописи, так и в рисунке,— это буйный рост зелени, приступ жизни природы, там, где ей остается место, чтобы проявить себя, распрямиться и расцвести.

Слов нет, искусство такого типа не может быть встречено общим востор-



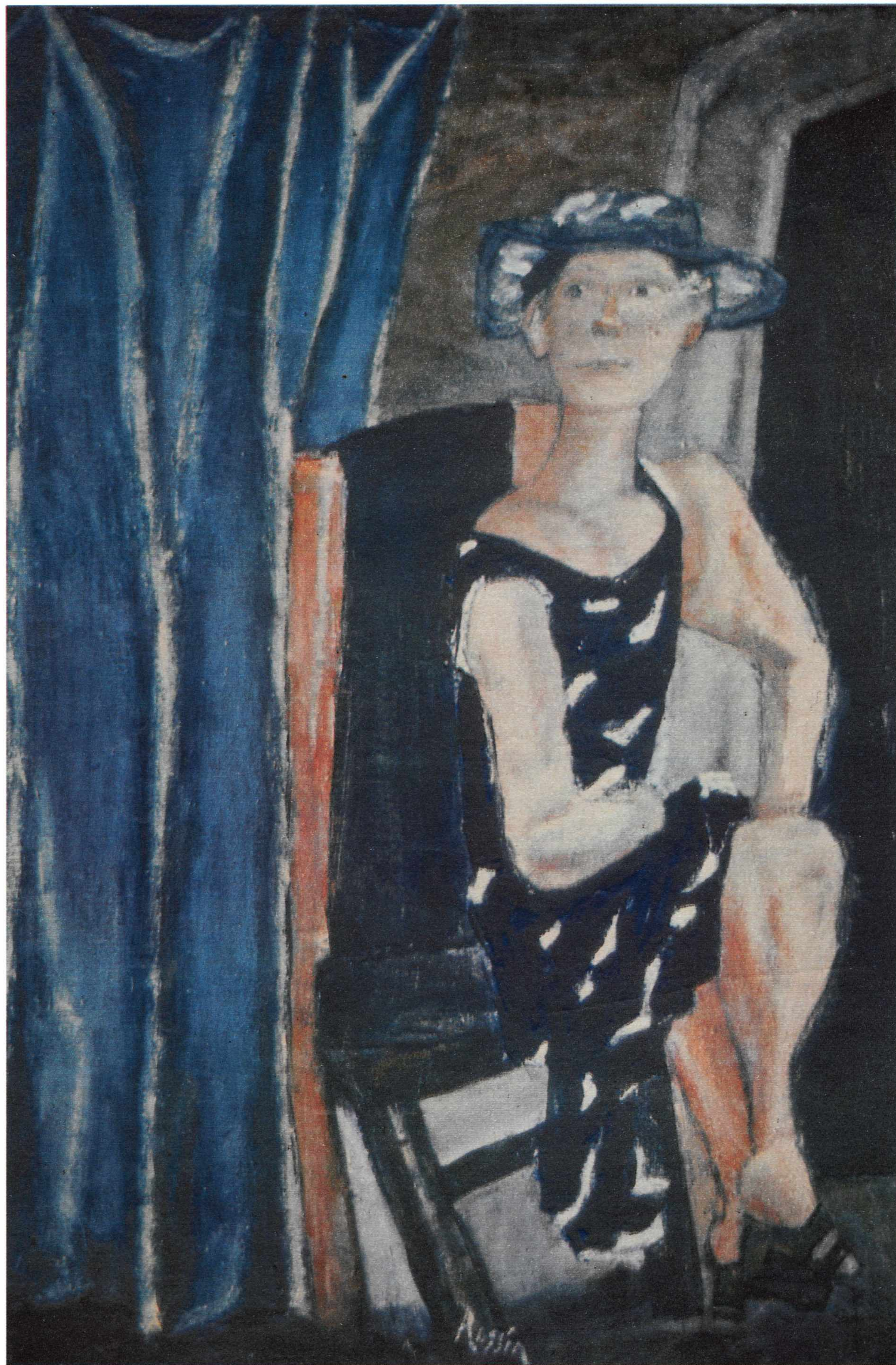
Старик.

гом. Привычка к лести развращает не только вождей, но и толпы их почитателей. Избавиться от этой привычки куда труднее, чем ее приобрести. Есть и сейчас искусство, которое гордо называет себя реалистическим. Но весь пафос и все его усилия направлены на создание некой утопии. Современные идиллии — это не зеркало жизни, а нарядный занавес, скрывающий от наших глаз даже то, что каждый видит вокруг себя.

На выставках нынешней молодежи можно видеть сотни произведений живописи, скульптуры и графики, поразительных по своей откровенности и прямоте художественных высказываний. Другое дело, что может поведать нам нынешнее искусство о жизни нашего общества, какие тайны может раскрыть. Как только мы задаем себе такие вопросы, нас ожидают большие неожиданности. Мы сталкиваемся с неудержимым потоком внутренних, не высказанных напрямую, трудно определяемых настроений, присущих не только художнику, но и тем, чьим голосом художник является неведомо для себя.

Соломон Россин стоит особняком в сегодняшнем нашем искусстве. Во всяком случае, лагерь непримиримых реалистов не признает его своим. Но я-то думаю, что он один из настоящих, очень немногих реалистов нашего времени в отличие от закоренелых сказочников, носящих маску трезвых повествователей о жизни.

Анатолий КАНТОР



Гостья.

ЯРОСЛАВСКИЙ БАРОМЕТР

Собственный корреспондент «Огонька» Павел НИКИТИН

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Заметки о политической жизни провинции

Первый послезастойный анекдот, в котором перестройка сравнивалась с шумом верхушек таежных деревьев, устарел в декабре 1987 года: выступление ярославских моторостроителей против «черных суббот» показало, что ветер перемен, зародившийся в столице, достиг провинции. В Ярославль зачастили западные журналисты. Для них город на Волге стал «барометром» политической погоды в российской глубинке. Майкл Добс, корреспондент «Вашингтон пост», так и сказал: «Я приезжаю в Ярославль, так как пульс России здесь наиболее ощутим».

«Ярославский барометр»? Первый в России Народный фронт, предсказавший бурю неформальных движений, родился в Ярославле. Ярославцы добились отзыва с XIX Всесоюзной партконференции своего «первого» — Федора Лощенкова, четверть века сидевшего на области; «ушли» его на пенсию, что повлекло за собой серию отставок партийных иерархов на местах. Полная накала и страстей борьба в Ярославле за «неугодных», «неудобных» кандидатов в народные депутаты СССР показала, какого парламента желает народ.

Так что есть, есть резон всмотреться в сегодняшнюю жизнь Ярославля, чтобы удостовериться, какая погода нынче установилась в российской провинции.

Ярославский Народный фронт в обиде на горожан за их инертность на выборах в местные Советы. Действительно, с некоторых пор людей как подменили. Местные социологические службы свидетельствуют, что по рейтингу популярности Народный фронт вот-вот сравняется с... партаппаратом. Может быть, все дело в том, что так называемые массы озабочены не столько экспроприацией партийного имущества, которая до сих пор остается гвоздем программы местного Народного фронта, сколько заботами о хлебе насущном? В последнее время гастрономические прилавки в городе оголились до неприличия. В очередь идут, как на праздник: «Ура, что-то дают!»

Не прошла еще весна, а в городе все разговоры о лете. Вот и рабочий В. Жемчужников, которого я встретил на заседании городского клуба коммунистов, толковал мне о жизни летом: боюсь, мол, как бы «шокотерапия» не довела до гражданской войны. Не секрет, ребята на заводах оружие строгают... О какой «шокотерапии» речь? Ясно, накатила волна сообщений о грядущем изменении цен. Город охвачен страхом ожидания. Именно так в учебниках психологии называется крайне дискомфортное состояние, в котором из всех возможностей наиболее реальной считают худшую, во всем видят предзнаменование несчастий, а всякую неопределенность прочитывают в дурном смысле.

Дальше — больше. В городской Союз кооператоров кто-то принес весть, что "аппаратчики" придумали, наконец, как избавиться от кооперации в целом. А в лагере «аппаратчиков» атмосфера тихой истерии, здесь с порога встречают вопросами: «Что с нами будет? Всех сократят или?..» На улице тревожный гомон: «Водка подорожает втрое», «Забастовки запретят»...

Неприятно однажды очутиться у края пропасти. Но еще неприятнее длительное время балансировать над бездной: то ли шагнуть, то ли прыгнуть? Мне кажется, сегодня общество именно в таком пренеприятнейшем положении. И стоит ли удивляться, если у людей, балансирующих от страха, начинается головокружение, при котором четкая ориентация крайне затруднительна.

— Я лично год назад радикалов поддерживал,— признался Валерий Васильевич Румянцев, рабочий моторного завода.— Если бы не я, лидер Народного фронта не стал бы народным депутатом СССР. Не было активнее меня агитатора! Думал тогда, что они улучшить жизнь хотят... Оказалось, на систему замахиваются! Тут наши дорожки разошлись. Не хочу, чтобы страну поделили на бедных и богатых...

— Но и сейчас есть бедные и богатые,— возразил я.

— Все, кто не пьет, нормально живут,— загорячился Валерий Васильевич.

— Но непьющий американский рабочий живет намного лучше. Разве не хочется так пожить?

— Да мне хоть миллион давай, я туда не поеду,— вдруг выкрикнул мой собеседник.— У нас свои пути-дороги!

Валерию Васильевичу пятьдесят шесть лет, выглядит он молодцом. На голове мужественный ершик, на широких плечах модная ветровка, вельветовые джинсы. Ладный стан. В биографии Румянцева ни наград, ни наказаний. С явной гордостью вспоминает о том, что, когда работал мастером на шихтовом дворе, начальство за ним было, как за каменной стеной, хотя грузчики пили, так у них исстари заведено. На его участке в дни ленинских субботников была стопроцентная явка: накануне Валерий Васильевич объявлял, что каждый вышедший на субботник получит от него трояк. В долг...

В апреле Румянцева вместе с другими деятелями ярославского отделения Объединенного Фронта трудящихся принял первый секретарь обкома партии И. Толстоухов. «Ходоки» склоняли его направить в Ленинград на учредительный съезд РКП делегацию, но руководитель областной парторганизации коммунистов проявил твердость. Вспоминая об этом, Валерий Васильевич не может сдержать гнев: «Труса спраздновал!.. Ждет, когда всех на фонарях вздернут!»

Страх ожидания? Не он ли множит ряды ОФТ? А ведь еще на заре перестройки раздавались голоса, предупреждавшие о том, что если так вот топтаться, полупризывать, полуотрекаться, то заплесневелые нина-андреевские идеалы снова прельстят паникующих. И не только прокуроров в отставке... Но мало кто поверил бы тогда, что на голос ленинградской преподавательницы химии заглядывается заводской и фабричный люд. Думали, что наш многострадальный гегемон никогда не затоскует по твердой руке хозяев жизни. И вот...

— Этот фронт нам подходит, все запишемся,— заявили работницы одного из цехов производственного объединения «Ярославльрезинотехника» после выступления там сопредседателя Ярославского ОФТ доцента Политехнического института Ю. Петрова.

И я побывал на одном заседании Фронта. В тот раз председательствовал тот же самый Ю. Петров. Пока он делал доклад о ленинградских учредителях РКП, я просматривал принятую делегатами съезда декларацию «О политической и экономической власти трудящихся». Из услышанного и прочитанного понял, как нагнетают страх.

Процитирую: «Писатель Проханов совершенно справедливо указывает, что часть партии, еще верящая в социализм, будет отдана на растерзание общественному сознанию взвинченным Народным фронтом». **Из декларации:** «Текущий момент характеризуется прямой борьбой за власть. Борьбой классовой. Борьбой между рабочим классом и буржуазией...» **Председатель:** «Полторанин заявляет, что за чертой бедности окажутся около 140 миллионов человек, для которых сейчас развертывается сеть пунктов питания, где будут давать суп, лапшу и что-то в этом роде». **Из зала:** «Пусть сам ту лапшу ест!» **Из декларации:** «Под видом борьбы с догматизмом удары наносятся по марксизму, по идеологии рабочего класса. Под видом демократизации КПСС разрабатывается программа ее ликвидации. Под видом демократизации под лозунгами передачи власти Советам осуществляется их передача представителям «теневого капитала»... **Председатель:** «Как никогда сегодня актуально ленинское требование опубликовать данные о всех неслыханных прибылях, ввести рабочий контроль, открыть глаза народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с достоянием народа и с сотнями тысяч жизней, арестовать 50 или 100 крупных миллионеров...». Зал одобрительно загудел. **Из декларации:** «Сила новой буржуазии только в одном — дезорганизации рабочего класса, в слабости нашей партии из-за оппортунизма и соглашательства ее руководства, которое неспособно отказаться от антирабочей, эксплуататорско-хозяйственной политики, так как она порвала с классово-экономическими интересами трудящихся». **Председатель:** «Ленинградский инициативный съезд ждет от вас, товарищи, конкретных действий, способствующих координации российских партийных организаций, и предложений, помогающих становлению и развитию РКП в составе КПСС». **Из зала:** «Почему в составе КПСС? Там половина за «Демократическую платформу». На кой черт нам такие коммунисты!»

А чего тут делиться, если в Ленинграде решили не мелочиться, взяли да и зачислили в РКП ярославских коммунистов купно «со всеми коммунистами, состоящими на учете в парторганизациях, действующих на территории РСФСР, безо всякого исключения». Вот так. И нечего капризничать. Нравится тебе Нина Андреева или не нравится — не имеет значения. Марш-марш вперед, вместе со сталинистами спасать командно-административную систему. Без нее, как внушают теоретики ОФТ, нам и впредь не жить...

Но партийцы Ярославля, в одночасье зарегистрированные по мановению ленинградских «инициаторов» в новую партию, словно и не заметили этого. Подобное безразличие еще совсем недавно было бы невозможно. А, может быть, и на этот раз "ярославский барометр" не ошибается? И показывает стремительное падение перестроечной активности? Жарким летом 1988 года город грудью закрыл Федору Лощенкову путь на XIX партконференцию, а сегодня на XXVIII съезд КПСС из Ярославской области готовится ехать команда мини-лощенковых! На семьдесят процентов делегация будет состоять из «аппаратчиков», подросших под солнцем несокрушимой системы и до сих пор свято верующих в плановую диктатуру, госсобственность, монополию власти партократии, наследующей сталинско-брежневскую деспотию.

В ярославском списке делегатов на съезд партии, которая именует себя «партией рабочих и крестьян», нет ни рабочих, ни тем более крестьян — ни одного делегата. Коммунисты-моторостроители отдали мандат новому главному инженеру завода В. Желтякову. В пору подготовки к февральскому Пленуму ЦК КПСС Желтяков продемонстрировал «гибкость» своих убеждений. Сначала поддержал демократически настроенных членов парткома и проголосовал за обсуждение в партийных организациях завода предложений по перестройке партии; но буквально через пару недель, когда выяснилось, что заводские «верхи» недовольны самодеятельными реформаторами, бросился обличать «раскольнические тенденции». Держать нос по ветру не дар природы, а благоприобретенный признак неличности. И вот такому доверили заводчане представлять на съезде парторганизацию одного из крупнейших российских заводов! Причем большинство голосов партугодник собрал в рабочей среде: поддержали те, чье мощное противостояние административному произволу в декабре 1987 года известило страну о пробуждении рабочего класса от политической спячки!..

— Люди устали. Наши призывы к продолжению борьбы тщетны. Все отмахиваются. Правдой, мол, сыт не будешь,— объяснил Юрий Антропов, секретарь независимого рабочего клуба моторостроителей.

Действительно, как тут осуждать ярославского рабочего человека? Первыми начали, первыми устали? Время идет, и люди сравнивают то, что было, с тем, что стало. Очевидно, хотелось быстрой перестройки. Вроде большого скачка? В сознание засело «пятилетку в четыре года»... Перед лицом неизбежных перемен люди оказались как бы прижатыми к стене. Ждали перераспределения благ, увеличения фондов, а тут слухи о новых ценах, о «шоковой терапии», безработице... В целях борьбы с инфляционными процессами на предприятиях ограничили рост фонда заработной платы до трех процентов. Не поняли маневра: попробуй заработай лишнюю сотню! Да еще там, где на тебя начальство косо смотрит. В кооперативы иной рабочий человек все еще не решается идти: весь уличный гнев обрушился на кооперативы.

дела. Почему сейчас никто из руководителей области не готовится работать в условиях рынка? Об этом и речи не шло на пленуме обкома Компартии. Почему на том же гиганте отечественного машиностроения — Ярославском моторном — никто палец о палец пока не ударил, чтобы реорганизовать производство, приспособив его к требованиям завтрашнего дня? А ведь завтра неизбежно упадет производство моторов. Неужели не время предпринять что-нибудь, чтобы спад не застал завод, его рабочих врасплох? И еще. Кто и почему в области душил и душит аренду? Кто из кабинетных вождей блокировал дорогу фермерству, возрождающемуся крестьянству, усугубляя и без того сложное здесь положение с продовольствием? Пять лет успешного кабинетного сопротивления правительственным реформам принесли желанные плоды: всеобщее оскудение. И хилость новых экономических структур. Людей постепенно отвращают от перестройки. Им внушают, что слово «рынок» сулит голодную смерть на улице. Так аппаратчики, не желающие расставаться с властью и никогда не верившие в народ, вяжут по рукам и ногам, снова водят за нос людей работящих, инициативных, самостоятельных, умеющих не только получать, что дадут, но и зарабатывать.

Да и новыми налоговыми декларациями грозят предприимчивым...

Страх ожидания кружит голову, в одиночку невмоготу. И, может быть, многообразие союзов, партий, клубов, движений, ассоциаций вовсе не демократическое достижение, а результат инстинктивного стремления спасаться коллективно? Роль разных объединений та же, что и у отрядов самообороны. Показателен в этом смысле очередной ярославский прецедент — создание первого в стране сельского стачкома. Сельского! Даже стойкие селяне дрогнули перед неизвестностью и готовы ощетиниться. Кто следующий?

Как только Моссовет закрыл для провинции двери столичных магазинов, ярославское руководство задумалось о бойкоте. Майский пленум Ярославского обкома партии напоминал заседание стачечного комитета. Коммунисты думали-гадали, как прищемить хвост новым властям Москвы. Выяснилось, что орудием мести может стать только... водка. Лишь в этом «продукте» Ярославль по причине отсутствия других мог отказать Москве — и отказал. Но, поскольку эмбарго получилось не очень солидным, несерьезным каким-то, в столицу спешно отправился председатель Ярославского облсовпрофа Ю. Щеглов с ультиматумом: или Моссовет отменяет свое неправедное решение, или ярославская промышленность прекращает поставку комплектующих изделий для ЗИЛа.

Что это — начало войны провинции со столицей, в которой даже временное решение о введении торговли по паспортам всего лишь предлог для провинциальной обиды?

На пленуме Ярославского обкома партии я слышал, как инструктор обкома партии Лазарев говорил своему коллеге: «Не дай бог, если к власти придет Ельцин...»

Опасения партаппаратчика сбылись. Не грозит ли России с приходом Ельцина распад на удельные княжества, где партсоветское чиновничество будет править, исходя из собственных представлений о социализме?

Ах как хочется назад! Ах как хочется взрыва общественного мнения! Разумеется, «на пользу перестройке». «Голос профсоюзов» — новое ярославское издание — стращает: «Рынок — путь в бездну!» В передовой статье кликушествуют: «Факт, что М. С. Горбачев будет получать 4000 ...в случае отставки — пенсию 1500 рублей в месяц, возмутил ярославцев». Вот так и подбрасывают! Интересно, кто и когда спрашивал у ярославцев их мнение на сей счет? Где и когда прошли «митинги», которыми, если верить новой газете, трудовой Ярославль встретил решение правительства начать переход на рыночную экономику? Да не было таких...

Выступая на пленуме Ярославского обкома партии, член обкома и бывший первый секретарь Ярославского райкома КПСС Н. Федоров, постукивая грозно пальцем по трибуне, говорил: «Перестройка нанесла стране непоправимый ущерб. И те, кто начал ее, должны понести ответственность». Вот такой наказ делегатам близкого съезда Компартии! Жаль, что сам «обвинитель» не пожелал проанализировать, почему ярославское партчиновничество сидело пять лет сложа руки, откровенно дожидаясь развала

А с другой стороны, «психология паперти» заразительна. Иные здоровые, сильные, работящие люди уже не верят, что «все их спасенье в труде». Да и как тут верить, если Ярославский горсовет решил: работай — не работай, а положен тебе в месяц десяток яиц, полкилограмма растительного масла, четыреста граммов макарон. А первого июля планируется ввести режим военного коммунизма: потребности будут нормированы. И мебель, холодильники, ковры, телевизоры, утюги, обувь, одежда, и даже... унитазы. Один утюг будут продавать раз в три года, унитаз — на пять лет. А если?.. Ходи на двор...

Все эти новшества семидесятилетней давности подаются под сосусом «заботы о народе». И как «не заботиться», если российская провинция совершает нелепые с точки зрения здравого смысла поступки. В Ярославле, например, как только руководители государства поклялись с телеэкрана не повышать цены без совета с народом, этот самый народ кинулся закупать впрок не только макароны, но и куриные яйца. Явно неадекватная реакция.

А взять это шушуканье о гражданской войне. Ведь если задуматься хорошенько, то получается, что мы дня прожить не можем без страха перед военной угрозой. Еще вчера боялись чужих из-за океана, сегодня — своих из-за забора. Явно выраженная мания преследования.

И характер у людей все хуже. Раздражительнее стали. Чуть что не по ним — бастовать! Одним словом, сумасшедшие. Под опеку их! А заодно разобраться с теми, кто совратил малых сих с единственно верного пути за горизонт на гибельную дорогу перестройки.

Это не сценарий фильма ужасов. Это сценарий нашей жизни.

У страха глаза велики. И снова возвращается лженадежда, что партаппаратчики-коммунисты — сила реальная, может быть, защитит от неизвестных новшеств и от необходимости засучить рукава, начать с нуля, с себя, с ответственности за судьбу страны, города: за нас, мол, думают вожди...

Вот такие они, будни провинции. И если те, кто наверху, не отрешатся от привязанности к идеологическим догмам, не перестанут тратить время на мечтания о неведомой миру планово-рыночной жизни, то, пожалуй, страхи только усилятся, и уж тогда отыщется врач, способный засвидетельствовать всеобщую невменяемость. И не будет недостатка в спасителях, у которых не дрогнет рука повернуть жизнь вспять...

Дмитрий БАКИН

РАССКАЗ

ЦЕПЬ

Автор молод —
ему двадцать шесть лет.
Он мгновенно стал известен,
хотя опубликовал всего лишь четыре рассказа.
Один из них — «Лагофтальм» — напечатан
в «Огоньке» (1989, № 12). Каждая вещь
Дм. Бакина раскрывает неожиданную грань
его дарования и свидетельствует о том,
что писатель начинается прежде всего с языка,
что проза несостоятельна, если в ней нет
открытия нового характера,
и что жизнь трагедийна сама по себе,
даже помимо социальных и политических
конфликтов, наличия «сталинизма», «застоя»
и «административно-бюрократической системы».

В. ВИГИЛЯНСКИЙ

В поселке видели, что Баскаков начал строить дом ранней весной, когда фундамент был уже заложен; видели через невысокий покосившийся забор, как он работает, не поднимая головы, не делая перерывов, чтобы поесть или покурить — с рассвета и до темноты,— но никто не видел, чтобы он спешил. Спал в двух метрах от большой, ветхой собачьей конуры, на сколоченных досках, подложив под голову клубок использованных тряпок, почти не раздеваясь, укрывшись куском промасленного брезента, к утру покрывавшегося росой, а рядом, чуть в стороне от конуры и лохани с водой, лежала крупная серая собака, неопределенной породы, но по цвету и толщине шерсти на холке, по дикой пульсирующей свирепости и поджарому заду можно было определить, что сука, родившая ее, путалась с волчьей стаей. Собака любила дождь и весной всегда была грязной, точно болотный буйвол; цепь ее была настолько длинной, что она могла ходить по всему двору, включая самый дальний его угол; спала она днем, когда хозяин работал, а ночью лежала рядом на залитой лунным светом земле, не издавая ни звука, и глазами зловещими, бесцветными, точно слюда, смотрела на калитку, готовая броситься на скрип петель, неистовая в своем ополовиненном существовании. Утром он просыпался, сбрасывал брезент, умывался, кормил собаку, ел сам, а потом отрешенно, непрерывно работал до вечера, пережевывая макуху, не поднимая головы — изо дня в день — и не поднимал головы, даже когда строил крышу, и они видели через невысокий, покосившийся забор, как он, согнувшись, торчал посреди двора, дробил воздух и свет частыми, мерными ударами топора, строгал, пилил, колотил, упрямый, враждебный, безмолвный, точно наполовину вбитый гвоздь, не замечая никого и ничего вокруг.

Кирпич, сухой цемент и прочий строительный материал ему поставлял старший брат, который работал главным инженером на кирпичном заводе, и потому в поселке лишь вяло удивлялись, следуя скорее укоренившейся привычке удивляться при виде того, что кирпич привозят без задержек, а также при виде качества кирпича. Если бы они знали, что старший брат берет с младшего двадцать процентов сверх государственной стоимости кирпича, готовый объяснить это тем, что дает в долг бывшему заключенному, они бы и вовсе перестали удивляться. Старший брат появлялся всякий раз, когда приезжал грузовик с кирпичом, и молча, невозмутимо наблюдал, как трое мужчин с завода, которые приезжали по его просьбе или указанию, обливаясь потом, разгружают кирпич, а младший брат складывает его широкими, невысокими стопками; невозмутимо стоял в стороне приземистый, несколько толстоватый для своего роста — полная внешняя противоположность младшему брату — с обрюзгшим желтоватым лицом, на котором поверх приплюснутого, широкого, точно каблук, носа блестели, отражая свет, стекла очков. После разгрузки старший брат доставал лист бумаги и карандаш, а младший, присев на кирпичи, писал долговые расписки; старший невозмутимо засовывал их в карман пиджака и молча уходил со двора, а за ним под бешеный лай собаки, посаженной на короткую цепь, гремя обтруханными бортами, выезжал грузовик. И лишь один раз они перемолвились словом; мужчины, разгружавшие кирпич, слышали, как старший брат презрительно сказал — угомони своего кобеля; тогда младший приоткрыл на мгновение шлюзы своей души, где клокотали запертые водовороты холодной, чистой, бесправной ненависти, и сказал ему сквозь стиснутые зубы — он на то здесь и посажен, чтобы брехать, когда по двору ползают гады.

В начале декабря выпал первый снег, и он, не достроив дом, уехал: рано утром убрал двор, огороженный забором, собрал и сложил инструмент в наспех сколоченный сарай, закрутил калитку проволокой и неспешно, размеренно зашагал по поселку, сжимая в одной руке завязанный веревкой рюкзак без лямок, куда сложил остатки провизии, а в другой — натянутый серой собакой двухметровый кожаный ремень, на конце которого позвякивал тусклый карабин, прикрепленный к широкому грубому ошейнику. Он пошел на станцию пешком, хотя каждое утро туда ходил автобус — железный, дребезжащий ящик с выбитыми стеклами, замененными кое-где фанерой, взгроможденный на полуспущенные колеса, протекторы которых были гладкие, как куриные яйца; когда он проходил мимо магазина, где стоял автобус, толпа посельчан расступилась перед ним, ибо они были уверены, что он не станет ломать линию своего пути в угоду кучке людей, потому что было в нем нечто непонятное, что заставляло его двигаться по невидимым рельсам судьбы с ледяным, но ненавязчивым презрением совсем иначе, чем двигались они сами; и когда он молча прошел между ними, ветер донес до них запах свирепой сырости.

В полдень того же дня инструмент, который он спрятал в сарае, извлекли и увезли на грузовике двое мужчин с кирпичного завода.

Недостроенный дом стоял под снегом всю зиму, как нечто запретное, отталкивающее, словно гибельная священная гора, и каждый житель поселка, ревниво лелея негласный запрет, оберегал недостроенный дом от любых посягательств, не позволяя играть в нем детям, не позволяя бродягам использовать его для ночлега. И лишь один-единственный раз за эту зиму холодные кирпичные стены недостроенного дома послужили укрытием от ветра старому тщедушному бичу, чьи длинные седые волосы шевелились от насекомых, а одежда стояла колом, потому что в самой одежде было меньше тканой материи, нежели цементной пыли, блевотины и испражнений, смоченных пóтом скитаний в пору тепла, а ныне превращенных морозом в ледяной хрустящий панцирь, из которого уже невозможно было выбраться, не прибегая к помощи пилы или жаркого огня. Но стоило ему лечь лицом вниз, прикрыв голову худыми дрожащими руками, чтобы унять вой ветра в ушах и защитить лицо от снежной пыли, влетавшей через пустые оконные проемы и разверстые арки будущих дверей, как жители поселка, оповещенные каким-то мальчишкой, вооружившись отточенными лопатами, вилами и цепями, двинулись к недостроенному дому, ведомые странным непонятным долгом, который наполнял все их существо тихим настойчивым гулом раскаленной электрической спирали. Однако, едва они приблизились к покосившемуся забору, те, что шли в первых рядах, резко остановились, не осмеливаясь переступить красную черту запрета, пылавшую в их сознании, и лишь гикали и орали, размахивая руками в брызгах крика. А когда тщедушный бродяга вылез из дверного проема, неуклюже двигаясь в своей задубевшей одежде, точно в бетонной трубе, подогнанной под туловище, все еще не проснувшись окончательно, так что его водянистые глаза были прикрыты бледными, тонкими, как плацента, веками, а уши заложены ветром, они вдруг разом замолкли и застыли, как если бы неожиданно окаменело пламя, окаменели многочисленные искры на той высоте, какой успели достигнуть до того, как окаменело в тишине само время. А затем один из них громко заорал: Вот он! Вот он, мать-перемать! — и сразу звуки их голосов посыпались на бича, вместе с камнями и кусками льда, которые им удалось выбить из промерзшей земли носками сапог и ботинок; и тогда он с трудом поднялся на ноги и, опутанный сетями усталости и полудремы, покачиваясь, неуверенно побрел в сторону болота к высоким, темным вербам, преследуемый пронзительными криками и свистом льда.

Баскаков вернулся в марте следующего года. Первым его увидел слепой мальчик, который вставал обычно за час до рассвета, кожей предчувствуя утро и сидя у окна, опираясь на подоконник, заваленный спичечными коробками, на ощупь мастерил из спичек игрушечные храмы. Он увидел его накануне мартовского праздника, в шесть часов утра, идущего по весенней грязи в фосфоресцирующих сапогах, голенища которых были опущены или обрезаны почти до самых щиколоток; в одной руке он держал рюкзак без лямок, а в другой — кожаный ремень, натянутый серой собакой. Мальчик выронил спички и, испытывая жгучую боль в глубине незрячих глаз, молча, неотрывно, жадно смотрел поверх купола недоконченного спичечного храма на черную несгибаемую спину, на черный, несокрушимый мужской затылок, похожий на тяжелый колокол, и смотрел, изнемогая от яркой боли, до тех пор, пока мужчина и собака не растворились в привычной тьме двухгодичной слепоты.

В шесть часов утра седьмого марта он сорвал с калитки проволоку, посадил собаку на длинную ржавую цепь и некоторое время стоял около собачьей конуры, похожей на разваливающийся черный гриб, источенный муравьями, а затем, не переодеваясь, не осматриваясь, ничего не проверяя, взялся за работу, принявшись выметать из недостроенного дома мокрый хлам и сор, нанесенный ветрами за зиму. Этим летом он работал не один — каждый день ему помогали несколько мужчин с кирпичного завода, и почти каждый день к нему приезжал старший брат с клочками бумаги и огрызком карандаша, задерживаясь ровно на столько времени, сколько требовалось, чтобы получить очередную долговую расписку, определяя единолично стоимость строительного материала и рабочей силы, которая ему самому ничего не стоила, потому что дом помогали строить главным образом проворовавшиеся штрафники, желавшие по-доброму уладить дело, между тем главный инженер, он же председатель местного профсоюзного комитета, способствовал тому, чтобы мастера проставляли им в табеле рабочие дни, дабы они получали заводскую зарплату наравне с теми, кто сортировал кирпич; но если за использование рабочей силы старший брат брал с младшего сравнительно недорого, сопоставляя, видимо, суммы в долговых расписках со средней заводской платой сортировщика кирпича, то за строительный материал — в поселке подозревали, что материал также ничего ему не стоит — он брал втридорога, должно быть, применяя на деле систему компенсационных пошлин, уподобившись тем торговцам, которые хотели установить компенсационную пошлину на творог из молока коровы, выращенной на ферме, с тем чтобы творог был столь же дорогим, как строительство всей фермы; понимая, что хитрости эти никого не обманывают, старший брат тем не менее, не моргая, хладнокровно прятал долговые расписки в карман, садился на мотоцикл и ехал к нотариусу для их заверения, ничуть, казалось, не заботясь о том, что может стоять за молчаливым согласием младшего брата, который никогда ничего не проверял, не пытался что-либо оспорить, не обращал внимания на цифры и буквы, которые выводила его рука на клочках бумаги так, словно они не имеют к нему никакого отношения.

Дом был полностью закончен в середине сентября; кроме того, он сколотил из добротных брусков и досок два крепких сарая, предварительно свалив и разобрав сарай, сколоченный наспех, сколотил новую конуру серой собаке и разбросал по двору три машины белого речного песка. И тогда, не потрудившись отряхнуться от стружек и побелки, не потрудившись выбриться или хотя бы соскоблить коросту с угрюмого лица, он пришел на телеграф и отправил в Джезказган телеграмму с одним словом — «Приезжай», расплатился и, не сказав ни слова, вышел; полная телеграфистка сказала — хоть бы голос подал, дьявол окаянный; та, что принимала телеграмму, сказала — вы ж слыхали, я его спрашивала, спрашивала, а он или кивнет или головой мотнет; третья сказала — кому это он телеграмму послал; та, что принимала телеграмму, сказала — Баскаковой — и сказала — жена, наверное, а может, сестра; полная сказала — откуда у него жена, у дьявола окаянного; та, что принимала телеграмму, сказала — но ведь его фамилия «Баскаков»; третья сказала — я и фамилию-то его в первый раз слышу — а потом сказала — скоро увидим; а полная сказала — еще не скоро — и сказала — Джезказган далеко.

Его жена и дочь приехали в начале октября. До их приезда он успел закупить кое-какую мебель; стол, стулья, кровати, пару тумбочек и уцененный шкаф с этажеркой для посуды, так что стало ясно, что деньги были у него с момента приезда и что он просто не пожелал расплачиваться за строительный материал наличными, предпочитая писать долговые расписки; кроме того, в одном из сараев смастерил перегородку из неотесанных жердей, разбросал сено и купил свинью, в тот же день, когда разбросал сено и поставил грубо сколоченную кормушку, хотя мог купить свинью дешевле два дня назад у соседа, но не купил, потому что не было кормушки, которую он сколотил за час и не было раскидано сено, которое он раскидал за пять минут. Когда минули две недели со дня отправления телеграмм, он стал приходить по утрам к магазину, куда подъезжал автобус со станции, и молча, ни с кем не здороваясь, стоял левее входа в магазин, надвинув на брови войлочную шля-

пу с широкими, загнутыми полями, покусывая желтую соломинку, чисто выбритый, прилично одетый, в тщательно вычищенных ботинках — таким его никто не видел, и те, кто шел, намереваясь заглянуть в магазин, улыбались ему на всякий случай, полагая, что человек этот изменил свою сущность, как изменил внешность, но, попадая в критическую зону радиации, которую излучала его личность, они, как прежде, чувствовали путаницу в мыслях и необъяснимую слабость во всем теле, словно живые волокна мышц оказывались расклеенными, более не связанными между собой, точно каскад сухих волос или развязанный сноп пшеницы, и на ватных ногах спешили покинуть круг пагубного воздействия неподвижной фигуры, застывшей в невозмутимом ожидании. Он приходил к автобусу два дня, и лишь на третий они приехали. Пропустив всех пассажиров, чтобы не мешать им своими вещами, они сошли с автобуса последними — высокая, стройная женщина с бледным красивым лицом в белом платье — просто поразительно — сказал школьный учитель, который при этом присутствовал, оказавшись единственным мужчиной, кому она одним своим видом не высушила язык — просто поразительно — сказал он — как это можно выйти такой чистой и красивой из этого ржавого пыльного корыта; следом за женщиной сошла миловидная девушка лет четырнадцати-пятнадцати в бежевой юбке, коричневой блузке и пестром платке, повязанном на подбородке, скрывавшем щеки до уголков нежных розовых губ. Девушка несла набитые до отказа сумки, а стройная женщина — два потертых чемодана; тогда учитель шагнул к женщине с явным намерением ей помочь, но столкнулся взглядом с миловидной девушкой и, столкнувшись с ней взглядом, явственно услышал резкий хрустальный звон, как при столкновении двух стеклянных предметов; он повернул голову к женщине, но вдруг оказался в положении человека, собравшегося шагнуть вперед, но неожиданно остановленного натянутой на шее петлей, и тогда он посмотрел на девушку, ибо она находилась в той стороне, где брала начало невидимая веревка крепкой петли, и увидел, как она медленно покачала головой, указывая глазами на неподвижную фигуру мужчины в войлочной шляпе, который ожидал их приезда три дня, а дождавшись, не тронулся с места; и женщина с двумя чемоданами двинулась прямо к нему. Только тогда до жителей поселка дошло, что это и есть его жена. Школьный учитель сказал — да — сказал, потому что сказать что-либо было просто его долгом, потому что он один умел говорить грамотно в силу своей профессии, и сказал — надеюсь, хотя бы она слышала звук его голоса — а потом сказал — хотя бы до свадьбы. И все же убедившись воочию в том, что жена его, мало того, что существует, но молода и красива, они готовы были обвинить во всем собственное зрение, сыгравшее с ними столь нелепую шутку, потому что иначе, как спящего на голой земле рядом с грязной серой собакой, они его не представляли; кроме того, им не давал покоя вопрос, чувствует ли эта женщина то же, что чувствуют, приближаясь к нему, они сами, или, быть может, она сумасшедшая, и путаница в мыслях — естественное ее состояние, а всеобщая слабость в теле — следствие иной болезни, которую некогда можно было вылечить, если бы не постоянное, тесное общение с ним, сделавшее эту болезнь хронической. Пока они напряженно думали, теряясь в догадках, школьный учитель, не переставая жевать яблоко, говорил — сейчас они домой придут, и она ему мучную болтушку сделает — и говорил, задумчиво глядя им вслед — я видел, он вчера муку купил; кто-то сказал — так выходит она сумасшедшая, что ли? учитель сказал — она не сумасшедшая — и сказал — выходит это мы сумасшедшие. Только они ему не поверили и собирались что-то возразить, все разом, но увидели, что учитель не станет их слушать, может, потому что не местный; а они — сама земля, и им, как самой здешней земле, есть дело до всех, кто по ней ходит. Смотрели им вслед, а они шли по пыльной дороге, выложенной стертым булыжником, а потом свернули на грунтовку, где пыль густая и мягкая, как мох, делала шаги бесшумными, и пошли к новому дому, чтобы жить там по милости старшего брата, и впереди шла, угадывая дорогу, дочка, удивившая всех своими желтыми, точно перебродивший мед, глазами, способными удерживать человека крепче петли. Потом они часто видели их, но уже без Баскакова, который мог преспокойно пройти мимо жены или дочери, повстречавшись с ними на улице в районном центре, не сказав ни слова — ему, видно, и в голову не приходило разговаривать с ними без особой надобности, лишь на том основании, что одна из них — его жена, а другая — его дочь, как всем остальным не приходило в голову разговаривать с темнотой колодца или запахом цветочной клумбы; но если они сами подходили к нему, стояли перед ним, желая что-то спросить, узнать, следует ли покупать в магазине то или иное, он иногда говорил, но так, словно и не говорил вовсе, а шевелил губами и ни одна морщинка не укорачивалась и не удлинялась на его угрюмом, темном лице: если он и смотрел на них при этом, что случалось очень редко — по крайней мере на улице, при посторонних — то смотрел так же, как смотрел на построенный дом, точно наравне с домом, только давно, строил их обеих, складывая кости и хрящи в скелет по имеющимся чертежам и рисункам, протягивая жилы, вены и мышцы, нагнетая кровь и грунтуя поделки кожей, и теперь, благодаря ему, они имеют возможность двигаться, видеть, слышать, дышать, и ему не понятно, чего еще они от него хотят. Обе они были безупречно хороши и по самым строгим меркам не имели ни одного изъяна, если не считать следа ожога на правой щеке дочери; эту метку огня скрывала пестрая косынка, но старухи, уже после того, как все об этом узнали, принялись утверждать, что цвет ее глаз сразу выдал то, что скрывала косынка, потому что стоит огню коснуться лица ребенка в ту пору, когда глаза еще способны менять оттенки, они на всю жизнь становятся желтыми и озаряют сны бледным, лимонным светом пожаров.

Рисунок Вячеслава **ЛОСЕВА.**

Старший брат приходил к Баскакову пять раз в течение полугода и невозмутимо требовал выплаты денег по долговым распискам, ровным, бесцветным голосом угрожая начислением месячных процентов; визиты эти начались через три месяца после того, как Баскаков устроился на работу, и лишь в пятый свой приход старший брат заявил, что через два месяца вынужден будет подать в суд, востребовав законным путем выплаты денег по долговым распискам, а потом, что называется, пустит дом с торгов и получит, таким образом, причитающуюся ему сумму сразу после инвентаризационной комиссии от нового владельца; рассчитаться в срок, установленный старшим братом, то есть за два месяца, было заведомо невозможно, и установил он этот срок, наверняка зная, что на таких условиях Баскаков вообще не станет начинать выплату, потому что это бессмысленно. И вот они сидели в одной из комнат нового дома друг против друга, на новых жестких стульях, за новым круглым столом, покрытым клетчатой скатертью, на первый взгляд, беспамятные истуканы, а на самом деле все помнящие, единокровные, непримиримые враги, всегда ставившие превыше всего холодную обоюдную ненависть, тщательно скрытую, глубоко спрятанную где-то в дуплах глазниц, тлеющую там в золе мятежа, сидели, глядя друг на друга. А потом Баскаков без всякого выражения, слегка растягивая слова, сказал ему — я выплачу тебе все сполна, но за два года, как договаривались; старший брат сказал — в расписках никаких двух лет не числится — и сказал — деньги мне нужны срочно; Баскаков сказал — я выплачу тебе сполна, но за два года — и сказал — за два года, запомни — а потом, все так же, без всякого выражения, словно не говорил ничего, просто шевелил губами, сказал — ну, а если ты подашь на меня в суд, я тебя убью.

Однако пятый визит старшего брата положил начало серьезным раздумьям, а затем наступило нечто вроде прозрения, которое, впрочем, ни к чему не привело, просто не могло привести ни к чему действенному — по крайней мере в данный момент — кроме того, что Баскаков, сидя на крыльце в полночь, понял вдруг, что его старшему брату не нужны деньги по долговым распискам, то есть он бы, конечно, не отказался их получить, если бы придумал, как содрать, но главное для него был даром построенный дом, записанный на чужое имя. Баскаков же был использован, как подсадная утка, фиктивный хозяин, лишить которого собственности можно было в любое время, потому что он оказался в положении человека, юридически уязвимого, точнее — беспомощного, припертого к стенке долговыми расписками. Старшему брату нужен был дом — иных побуждений выдвигать заведомо неисполнимые требования Баскаков не видел; что же касается прибавления двадцати процентов сверх государственной стоимости строительного материала, это был, по всей вероятности, отвлекающий ход, при помощи которого старший брат хотел уверить Баскакова в своей личной финансовой заинтересованности, не столь очевидной без этих двадцати процентов прибыли, потому что никто не мог знать точно, платил ли он собственные деньги за строительный материал или приобретал его путем всевозможных махинаций, таких, как обмен кирпича на шифер, доски, цемент, но это было уже не столь важно, как не важны были те цели и подцели, тайные надежды и темные намерения, которыми руководствовался старший брат, ибо для Баскакова все кончалось там, где кончались интересы Баскакова.

* * *

Это произошло летом, примерно через восемь месяцев после того, как ее матери вернули из поссове-

та паспорт с местной печатью и примерно через месяц, после того как ее, не получившую паспорта вообще, впервые увидели в обществе этого здоровенного парня, который жил в соседнем поселке и до недавнего времени работал грузчиком на маргариновом заводе, а уволившись, сразу устроился грузчиком на кирпичный завод. Причем встречи с ним, видно, были ей не особенно приятны, а может, она просто стеснялась своей левой щеки с отметкой огня, так или иначе не она искала этих встреч, а встречаясь с ним по дороге домой из школы или же из кино, куда изредка ходила в компании своих сверстниц, которые при его появлении тут же оставляли их вдвоем, она, судя по бледному лицу,— если женским лицам вообще можно верить — не испытывала ничего, кроме затаенной, тихой муки. Он же спокойно шел с ней рядом, высокий, широкоплечий, с ног до головы закованный в непробиваемую броню могучих мышц, и не будь его рубашка распахнута на волосатой груди, можно было подумать, что если он и не закован под одеждой в латы, то уж бронежилет наверняка на нем; однако это было лишь первое впечатление, исчезавшее при ближайшем рассмотрении, потому что вблизи было видно, как плавно и мягко перекатывается кожа на огромных мышцах, плавно и мягко, как вода в горных реках перекатывается через гладкие, круглые камни, и двигался он так же плавно и мягко, но в каждом его движении сквозила неукротимость воды, кажущееся спокойствие потока, бесследно исчезавшее, стоило лишь руслу пойти под уклон. Ему было двадцать пять лет, но на вид можно было дать все тридцать; он никогда не доходил до ее дома, прощаясь метров за двести от него, как видно, он понял, что быстрее добьется своего, не противореча ее желаниям. Но как-то раз, когда молва о них уже вскипала горькой слюной на губах благонравных посельчан, он проводил ее до самой калитки, и случилось то, чего она все это время опасалась — из дома вышел Баскаков и не спеша пошел прямо на них. Он открыл калитку и, не глядя на парня, со скупым, холодным любопытством обратил взгляд на дочь и молча, холодно разглядывал ее в течение долгой минуты, намереваясь, видно, решить, что обледенеет сначала — женщина или время, а потом спокойно сказал — ступай домой. Оставшись наедине с парнем, которому едва доставал до плеча, и, упершись взглядом ему в грудь, он вдруг поднял руку и темным, прямым, твердым пальцем ткнул парню в живот, продавив могучие мышцы так же легко, как висящую марлю, и без всякого выражения сказал — чтоб больше я тебя с ней не видел — выждал немного, не убирая пальца, а потом сказал — все.

Долгое время в поселке не могли уяснить, как этот парень, после предупреждения Баскакова, решился пойти на то, что сделал впоследствии с его дочерью в сосновом бору — он жил с ними на одной земле, питавшей их мускулы одинаковой силой и одинаковой усталостью, дышал с ними одним воздухом, вдыхая решимость и выдыхая нерешительность, пил ту же воду с привкусом травы, с привкусом корней и, однако же, решился посягнуть силой на существо, чья неприкосновенность была нерушимо обеспечена кровью Баскакова, его священным трудом шестнадцатилетней давности, наконец, призрачной печатью его собственности. Это произошло в полдень безоблачного, знойного августовского воскресенья, когда температура воздуха превзошла критическую температуру человеческого тела, когда жители поселка, чьи мозги закипали в черепной коробке, точно в герметически закупоренной кастрюле, ожидали непостижимого события, вроде того оранжевого миража, что посетил их небо пять лет назад в изнуряющей жаре такого же августовского дня, который затем во всех подробностях был описан в районных газетах края. И вот после того, как четырнадцатилетний пастух прогнал через поселок стадо одуревших от зноя коров, отказавшихся пастись, пиная их под ребра твердыми, круглыми пятками, они увидели, как дочь Баскакова со своим широкоплечим ухажером, презревшим запрет ее отца, скрылись в сосновом бору для серьезного разговора. А час спустя она уже бежала к поселку со стороны соснового бора, едва удерживаясь на негнущихся, перепачканных ногах, движимая, казалось, инерцией первого и единственного толчка, порыва, в разорванном грязном платье со следами раздавленных черных ягод на спине, с кровоточащей царапиной на лбу и растрепанными волосами, в которых запутались куски коры, сосновые иглы и мох. В то время как его изнасилованная дочь влетела в дом с твердым намерением никогда больше из него не выходить и рухнула там в потемках отчаяния, не пытаясь скрыть от матери того, что произошло, Баскаков, одетый по-осеннему, невзирая на чудовищную жару, не способную, однако, растопить внутренние залежи льда в его душе, надвинув на брови широкополую войлочную шляпу, устанавливал самодельные вентери в конце огорода, среди высоких болотных камышей и осоки; опускал вентери в глубокие узкие канавы, наполовину заполненные зеленой, гнилой водой, вырытые для того, чтобы болото не разливалось и не размывало насаждений на крайних грядках огородов в период весенних дождей, и, мрачно сжав губы, думал о старшем брате. Нагибаясь над канавами в шорохе сухого камыша, чувствуя резкий запах тины и рыбы, он думал — что задумал этот сукин сын — и думал — понятно, что он что-то задумал, раз не появляется полтора месяца со своими погаными расписками. Он постоянно думал о нем с тех пор, как, сидя на крыльце в полночь, после пятого визита старшего брата, понял, что тому нужен дом; и в раздумьях своих, в непримиримом одиноком ожесточении пытался просчитать все варианты, всевозможные пути, которые использует старший брат, чтобы лишить его дома, построенного на фундаменте пота и упорства, ни минуты не сомневаясь, что предстоит яростная борьба, тайная, скрытая от всех борьба двух единокровных существ, рожденных одной женщиной, давно умершей, но предсказавшей эту борьбу, не человеческую борьбу, а скорее борьбу взаимоисключающих явлений — от одного мужчины, давно умершего, слышавшего ее предсказание, но не сумевшего разглядеть в детских играх сыновей проблеск едва уловимого, упорного сопротивления взаимному родству, которое они, став взрослыми людьми, не сумели скрыть, даже при свойственной обоим замкнутости, неразговорчивости, и, вполне возможно, объединились бы первый и последний раз, чтобы свернуть шею тому, кто открыл, огласил, представил на обозрение их кровное родство в этом поселке, куда они приехали каждый сам по себе в разное время.

Баскаков отсутствовал еще около часа, в течение которого его жена успела сорвать с дочери всю одежду и, смочив ее керосином, сжечь в печи, кроме того, она волоком вытащила ее из дома, помыла холодной водой, одела в чистое, повязав на голову косынку, скрывшую царапину на лбу, и уложила в постель. Так что, когда Баскаков вошел в дом, он был встречен тяжелой, неподвижной тишиной, в которой, казалось, каждый звук принял бы видимые очертания, а крик вспыхнул бы огнем. Жене он ничего не сказал, а она молча накрыла на стол, и потом уже, когда он повесил на вешалку шляпу, вымыл руки и сел за стол, она, наливая в жестяную кружку парное молоко, сказала ему — наша девочка заболела; он только посмотрел на нее, приподняв одну бровь, продолжая молча жевать; она сказала — это все жара проклятая — и, отвернувшись к плите, сказала — завтра все пройдет — и сказала — жара проклятая; он опять ничего не сказал, ел молча, больше не отрывая глаз от тарелки, погруженный в мысли о старшем брате, и она больше ничего не сказала. Потом он встал, отодвинув тарелку, и прошел в другую комнату, где под легким покрывалом лежала их дочь; на секунду задержавшись в дверях, но увидев, что она не спит, подошел к кровати и, глядя на белое, изможденное лицо, протянул темную руку, положил ладонь ей на лоб и, едва шевельнув губами, сказал — температуры нет — и спросил — что с тобой; а она сказала — ничего — и, совладав со спазмами в горле, сказала — ничего — и сказала — голова болит; он убрал руку и сказал — спи; тогда она покорно, устало закрыла глаза, но, лишь он вышел, ее глаза открылись.

А потом, уже под вечер, когда его жена благодарила бога за то, что подходит к концу этот проклятый день, и просила, чтобы темнота ночи лишила всех памяти, к Баскакову пришел старший брат. Минут пять они тихо разговаривали, стоя у окна друг против друга, потом старший брат, увидев жену Баскакова, спросил ее — что с вашей дочерью? — и ровным голосом спросил — что-нибудь случилось?; а она ему сказала — ничего, она спит — и сказала — нездоровится, ничего страшного — а потом сказала — завтра все пройдет; старший брат неотрывно смотрел на нее, а потом спросил — да? — и смотрел на нее, и еще раз спросил — да? — и сказал — ну, хорошо. Как только дверь за ним закрылась, она чужим, мертвым голосом спросила Баскакова — зачем он приходил, зачем? — и спросила глухо, неуверенно — что он тебе сказал?; Баскаков сказал — он сказал, чтоб я не спешил с выплатой по распискам, сказал, чтоб за три года выплатил — и хмуро сказал — чтоб не спешил; тогда она схватила его за рукав пиджака и, заглядывая ему в лицо, почти шепотом, судорожно выдыхая застревающий в горле воздух, спросила — и больше ничего? — и спросила — больше ничего?; он сказал — больше ничего.

Между тем в поселке ждали, что будет, вернее, как это будет, уверенные в том, что это будет; бродили в замкнутом кругу ожидания, глотая раскаленный воздух августовского дня, ставший единственной пищей этого воскресенья для большинства из них, а сосед Баскакова, вознамерившись, видимо, разорвать замкнутый круг посредством физического действия, в тот же день зарезал черного козла, содрал с него шкуру, освободил кости от мяса и сухожилий и сложил кости в холщовый мешок, а когда жена испуганно и возмущенно спросила, зачем он это сделал и для чего ему понадобились кости козла, он мрачно сказал — в могилу той сволочи — но и, проделав все это, он вынужден был признать, что ему так и не удалось разорвать замкнутый круг ожидания, не удалось даже его покинуть; и по мере того, как воскресенье погружалось в горячую темноту ночного времени, они все чаще спрашивали себя, уж не приснился ли им этот день, не был ли он сном-предостережением. Однако, когда глубокой ночью школьный учитель, терзаемый бессонницей, обычной для людей творческого склада, встал с ненавистной кровати и, плеснув в стакан розового портвейна, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, пил его, стоя у окна, он увидел вдалеке тускло светящуюся точку, мерцавшую где-то у соснового бора, но поначалу не придал этому значения, так как решил, что это лампочка на водонапорной башне, но вскоре заметил, что точка эта мало-помалу растет, движется по направлению к поселку со скоростью бегущего человека; и в траектории движения светящегося тела ему почудилось нечто знакомое, нечто виденное им совсем недавно, а потом он с ужасом начал разбирать очертания бегущей женской фигуры, мерцание стройных ног и рук, мерцание развевающихся волос, а затем светящийся фантом женского тела в натуральную величину промелькнул мимо его дома, точно так же, как промелькнула в полдень дочь Баскакова в своем грязном, разодранном платье. И тогда школьный учитель нашарил на подоконнике спички, зажег трясущимися руками одну из них и, зажмурившись от боли, погасил ее об язык, твердо уверенный, что немедленно проснется, но, когда он открыл глаза, оказалось, что он все так же стоит у окна, глядя на стакан розового портвейна, со спичками в руке, обожженным языком и привкусом серы во рту.

И только утром всем наконец стало ясно, что жене и дочери Баскакова удалось каким-то образом скрыть от него происшедшее, ибо им и в голову не приходило, что он мог знать все, ничего при этом не предприняв; и тем же утром старик Пал, с юношеской резвостью продиравшийся сквозь тернии великого множества лет, отпугивая смерть своим запахом — маленький, тощий, иссохший, точно саксаул, не верящий в нерушимость такой геометрической фигуры, как круг, пошел прямо к его центру. Он пришел на лесопилку, где работал Баскаков, и выложил все, что ему было известно, в неподвижное, темное лицо, а затем, не дожидаясь ответа, пошел обратно в поселок, чуть не столкнувшись у пилорамы с дочерью, которая несла Баскакову обед. И стоило ей лишь взглянуть, мельком посмотреть на темное, неподвижное лицо отца, чтобы увидеть то, что для всех остальных оставалось неизменным,— едва уловимый серый налет слов, пыль правды, осевшую на лице, отчего почернели словно нарисованные углем морщины. И он несколько мгновений смотрел на дочь, приготовившись идти, а потом сказал — так — и сказал — так — а потом не спеша зашагал между досок, уложенных штабелями, прочь с территории лесопилки.

Он уходил вверх по холму — она даже не могла себе представить отца, идущего вниз — не спеша, размеренно, по темной жесткой траве, и каждый его шаг был точным повторением предыдущего, и по его затылку она видела, что он смотрит вперед, но не выше своей головы, как если бы выше ничего не было, а было лишь ниже и очень редко вровень; и в этом извечном, неистребимом, неспешном движении, в этой размеренной, сосредоточенной походке не было и тени упрямства, желания куда-либо прийти или от чего-то уйти; она думала — разве можно это остановить, разве можно предотвратить приход, появление этого; он уходил вверх по холму, вдавливая в землю жесткую траву своими чугунными ступнями; и ей казалось, что точно так же он способен идти через лес, не огибая деревья, а просто уничтожая их своей тяжестью, не останавливаясь при этом ни на секунду, не так, как это делала бы стальная, многотонная машина, оглашая окрестности надрывным ревом, пробуксовывая в рыхлой земле, а так, как делал бы это полутораметровый, безмолвно движущийся предмет, наделенный весом планеты.

Он подошел к проходной кирпичного завода за полчаса до окончания первой смены, когда дождь уже начался, и неподвижно стоял в стороне, под цветущей акацией, надвинув на брови широкополую шляпу, бесстрастно покусывая тонкую, желтую соломинку, нацелив глаза на обшарпанную дверь проходной, чуждый не только нетерпению и гневу, но самому ожиданию, наблюдал, как первая партия усталых, подвыпивших рабочих, лениво перебрасываясь репликами, выходит с завода; не обращая на них внимания, все так же беспристрастно ожидал, глядя на проходную под мелким, набирающим силу дождем — одинокий перст возмездия; и это было лишь продолжением, длением той размеренной, нескончаемой работы, которую он начал в ту минуту, когда вознамерился построить свой первый дом, продолжением той непреклонной линии поведения, которую избрал, будучи подростком, и вследствие которой совершил преступление, но увидел в нем лишь логичную раз-

вязку ситуации и, лишившись первой своей свободы, лишился первого построенного дома.

А потом тот парень вышел через проходную — высокий, здоровый, с загорелым, обветренным лицом, в линялой желто-белой солдатской куртке, с темно-зелеными следами от сорванных погон на могучих, покатых плечах, и, как только увидел Баскакова, руки его скрылись в карманах штанов, а затем одна рука извлекла и впихнула в маленький, как пупок, рот длинную папиросу, потом появилась другая со спичками: стоя под козырьком проходной, он прикурил и, отвернувшись от Баскакова, шагнул под дождь. Тогда Баскаков, не изменив позы, не выплюнув соломинку, прилипшую к нижней губе, громко сказал — эй, парень — и это было все, что он сказал; затем развернулся на каблуках и, не оглядываясь, пошел вперед, слыша за собой звук шагов. А тот уже на ходу спросил его — куда?; тогда Баскаков остановился, едва приметно кивнул головой влево и сказал — к той вон птицеферме; а тот спросил — а потом? — спросил, стараясь разобраться в выражении пустых, безучастных глаз, глядевших на него из-под широких полей черной войлочной шляпы, холодных, непроницаемых, как стальные заклепки, в которых отсутствовала не то что малейшая искра жизни, но даже ее отражение, и тот снова спросил — а потом?; Баскаков сказал — а потом увидишь кое-что новое — и пошел вперед. Продравшись через густые, мокрые заросли бурьяна, крапивы и диких цветов, они поравнялись со старой телегой, лежавшей на боку посреди небольшой, почти квадратной пустоши, усыпанной битым кирпичом, и парень, остановившись, сказал — дальше не пойду — и сказал — нечего топать, аж до самой птицефермы, здесь все и обговорим — и, принявшись раскачиваться на носках, растянул словно высверленную дырку рта в узкую, маленькую улыбку, все еще полагая, что они пришли сюда драться, все еще веря в несгибаемую силу своих рук и хребта, раскачивался на носках под теплым дождем, какой бывает в пору позднего лета и не несет прохлады, быстро превращаясь в душный, влажный пар; раскачивался на носках, глядя на Баскакова сверху вниз, с трудом сдерживая беспощадную, разрушительную силу своих мышц, едва не рвущих одежные швы, сдерживая взрыв своего огромного тела, способного, казалось, смести без прикосновения неподвижную маленькую фигуру в широкополой шляпе одним лишь сотрясением. Он перестал раскачиваться на носках в ту секунду, когда услышал вдруг резкий щелчок, какой могут издать сильные, твердые пальцы, требуя внимания, но он знал, что это не пальцы, и он услышал щелчок не слухом — уши здесь были ни при чем, и даже если бы они были наглухо заткнуты деревянными затычками винных бочек, он услышал бы этот щелчок кожей, как слепой мальчик шаги рассвета — и кожа впустила звук во внутреннюю темноту, и он проник беспрепятственно, словно излучение, парализовав все движения живого организма, и по узким, отполированным кровью каналам беззвучнее тока побежала смерть; а потом уже, на долю секунды, он увидел четырнадцать сантиметров блестящей, не тронутой дождем стали, бравшей начало в темном кулаке.

* * *

Баскаков пошел в сторону поселка через сосновый бор, наполненный шумом дождя, чувствуя ногами мягкую, податливую землю, слышал свист мокрой густой травы под носками сапог и думал о себе. Они догнали его в двухстах метрах от озера, там, где сосны уже редели, но были все такими же высокими и стройными, только со всех сторон мокрыми от дождя. Когда он увидел с ними старшего брата, он все понял, но не сделал ни одного лишнего движения, и выражение его темного, угрюмого лица, такого же неподвижного, твердого под стремительными каплями дождя, как панцирь черепахи, ничуть не изменилось, словно и не могло измениться, словно и не менялось с рождения, а только грубело под натиском солнца, времени, ветра. Они бежали к нему под дождем, петляя между мокрыми стволами сосен, а он, глядя на них, думал — так — думал — вот, значит, как ты решил вытурить меня из дома — и думал — так. Он знал, что теперь самое главное — предупредить жену, чтобы она ни за что не покидала дом, главное — сказать ей, чтобы она ни в коем случае не съезжала, не уезжала из этого дома, как уехала за ним, когда его посадили первый раз, потому что, если в доме будет жить одинокая женщина с дочкой, ему не так-то просто будет получить этот дом, даже со своими долговыми расписками, потому что закон всегда на стороне женщины и ребенка, и он думал — вот о чем нужно было сначала думать, вот о чем — думал — знать надо было, что он следит за мной и этим парнем, что все рассчитано — думал — он-то знал, что я его убью, вот и держал трех легавых под рукой и сразу припустился по следу, сразу — думал, теперь он скажет ей, чтоб она съезжала и она съедет, да ему и говорить ничего не надо, она и так съедет, как в тот раз, потому что я-то ей ничего не сказал. Как видно, тот факт, что он убил парня, был для них бесспорен: они даже не спросили, он ли его убил. Он стоял между двумя милиционерами перед молодым энергичным лейтенантом у высокой сосны, чувствуя ногами мягкую, податливую землю; на старшего брата он не смотрел, а смотрел на лейтенанта. Лейтенант сказал — чего смотришь? — лейтенант был при оружии; он сказал лейтенанту — мне нужно повидаться с женой — и сказал — на одну минуту; лейтенант сказал — нет; он сказал — мне нужно повидаться с женой; старший брат сказал — еще чего; лейтенант сказал — на суде повидаешься; он без всякого выражения сказал — мне нужно увидеть ее на одну минуту; лейтенант молча посмотрел на старшего брата, а тот ровным голосом сказал — он убил человека; тогда лейтенант сказал — давай, пошел — и сделал знак милиционерам, и они взяли его за руки, чуть повыше локтя, но он не тронулся с места, а они не смогли его сдвинуть. По его неподвижному лицу медленно текли капли дождя, задерживаясь на искривленных губах и скошенном подбородке. Он смотрел мимо лейтенанта, на старшего брата. Потом он облизнул холодные губы и сказал — ладно, паскуда; лейтенант посмотрел на старшего брата, а затем на Баскакова; ладно, паскуда — сказал Баскаков, глядя на старшего брата. Потом они повели его по мокрой траве. Он шел между ними и говорил — ладно, паскуда. Ладно.

ПРОШУ СЛОВА

АРХИПЕЛАГ ДЕМОКРАТИИ

За последние месяцы Советский Союз изменился настолько, что многие и внутри страны, и за рубежом не могут понять, что же произошло. А произошла не просто смена власти в некоторых регионах страны. Выяснилось, что вопреки выразителям официальной идеологии можно забрать власть. На прошлогодних выборах народных депутатов СССР было завоевано право высказывать иное мнение, открыто спорить с официозом. Сейчас завоевано право иного действия. Образовался новый архипелаг. Но не ГУЛАГ, а анти-ГУЛАГ. Архипелаг демократии.

И второе. Как контрастное вещество, нанесенное на микробиологический срез, выборы этого года и первые сессии новых местных и республиканских Советов позволили увидеть всю неоднородность политического, экономического, психологического состояния общества. Стала ясна бессмысленность теоретических споров на тему «какая модель перехода нам нужна». Теперь очевидно, что при переходе от административной системы к демократическому обществу и рынку конкретные условия различных регионов страны требуют различных подходов.

Отсюда, из жизни, из многообразия путей и подходов вытекает бесперспективность попыток подмять все и вся под единое, мощное центральное правительство, способное якобы стать гарантом благополучного перехода от тоталитарного общества к светлому будущему. Попытка осуществить такую усредненную модель неизбежно приведет к тому, что наглядно видно на примере средней советской школы. Тут плохих учеников пытаются подтянуть до уровня средних, а хороших — до того же уровня спустить. В результате все учатся плохо. И, право, обидно, когда и сегодня видишь, как дни и недели союзного парламента тратятся на очередные законы, направленные в защиту жесткой федерации, в то время, как одна за другой сессии Верховных Советов республик и Съезд народных депутатов РСФСР показывают, что сейчас нужно совсем иное. Здесь я вспоминаю эпизод из «Маленького принца», когда король говорит, что если он прикажет своему генералу остановить солнце и тот не сможет этого сделать, то виноват будет не генерал, а сам король. Мне кажется, что авторам некоторых законодательных предложений стоило бы перечитать Сент-Экзюпери.

Однако это идиллия. Консерваторы оружия не складывают, стараясь хотя бы притормозить объективные процессы. Оказавшись на Архипелаге демократии, они пытаются играть на демократических принципах: раз вы демократы — занимайтесь процедурой, мы же оставим за собой действие. Их цель — не дать демократии стать работающей. Так, в нашем районном Совете очень незначительная консервативная часть депутатов, пользуясь большими правами, предоставленными у нас меньшинству, пытается саботировать выборы исполкома.

Параллельно консерваторы за пределами Архипелага продолжают действовать привычными силовыми методами. Естественно, что на активное противодействие консерваторов демократическим силам приходится отвечать организованным действием. И это действие реализуется в общенародном демократическом движении.

В этом движении можно обнаружить два основных направления. Корни обоих уходят в прежнее диссидентское движение, которое традиционно делилось на чисто правозащитную часть и на течение политической оппозиции. Так и сегодня. Одна группа нынешних демократов провозглашает самоценность демократии ради демократии. Для нее важно, например, чтобы на выборах было выставлено как можно больше кандидатов. И люди, в нее входящие, сами по себе считают это победой демократии. Другое крыло — политизированная часть демократического движения — стремится к созданию партий и борьбе за власть. Для нее победа демократии достигается тогда, когда на выборах побеждает демократ.

Еще недавно тоталитарные структуры нашего государства оба эти течения воспринимали как лютых своих врагов и безжалостно их подавляли. Но ныне, когда чувствуют, что проигрывают, они готовы признать демократию, отрицающую любые партии. Им выгодно иметь такого противника, который отказывается от всякой партийной структуры, потому что сама она от своей жесткой структуры отказываться не собирается. И те, кто исповедует сегодня принципы демократической «анархии», объективно играют на руку именно прежним тоталитарным структурам.

Порой мне кажется, что эти люди, среди которых много очень умных и порядочных, не понимают, что поднимают сегодня знамя, развевавшееся над иными полями сражений и в иные времена. Аргументацию, направленную против тоталитарной партии, они используют против партий вообще.

Убежден, что принципиальное отличие демократической партии от тоталитарной не в том, что демократической партии претит внутрипартийная дисциплина, а в том, что она не претендует на монополию. Свобода личности в этом случае реализуется в выборе человеком своей, близкой ему партии или в возможности создать новую, если его не устраивают существующие. Только организованность демократов даст им возможность бороться с силами тоталитаризма, защищая в этой борьбе и права личности. В противном случае демократы окажутся безоружными перед тоталитаризмом, и он, победив, ликвидирует всякие права.

То, что «Демократическая Россия» взяла верх во многих регионах, не означает, что на смену одних «хозяев жизни» там пришли другие. Речь идет о том, что на место прежней организации жизни приходит другая — плюралистическая. А в этих условиях существование такого блока демократических сил, который был до сих пор,— блока отдельных людей — уже невозможно. Идет формирование четко очерченных политических течений со своей идеологией, методологией, лидерами, средствами массовой информации и даже своими средствами междугородной связи.

Когда некоторое время назад межрегиональная группа депутатов жаловалась, что она не может открыть свой счет в банке, начать выпускать свою газету и т. д.,— это, безусловно, вызывало справедливое возмущение препятствовавшим этому руководством страны. Но возмущаться надо было и слабостью демократов, тем, что не было у них во всей стране и пяди земли, ставшей бы им опорой. Теперь такой опорой для формирующегося гражданского общества служит Архипелаг демократии. Не секрет, что, к примеру, в нашем Октябрьском районе была проведена значительная часть подготовительной работы по созданию Социал-демократической и Народно-демократической партий России. Их организационные съезды прошли в зале заседаний районного Совета.

Идет нормальный процесс структурирования демократического движения. Но очень важно, что до сих пор те, кто в него входил, вне зависимости от идеологических пристрастий находили общность методов действия. И сейчас, расходясь по партиям, мы ни в коем случае не должны разойтись по разным направлениям. Сила прежних привычек слишком велика, поэтому всем нам необходимо сохранить массовое народное движение за демократию, но уже не как блок личностей, а как блок оформленных политических сил.

Илья ЗАСЛАВСКИЙ,
народный депутат СССР,
председатель Октябрьского райсовета
г. Москвы

ЖИЗНЬ ПОД КОЛЕСАМИ

Дети двухмерного пространства, мы не видим выше второго этажа, выше витрины.

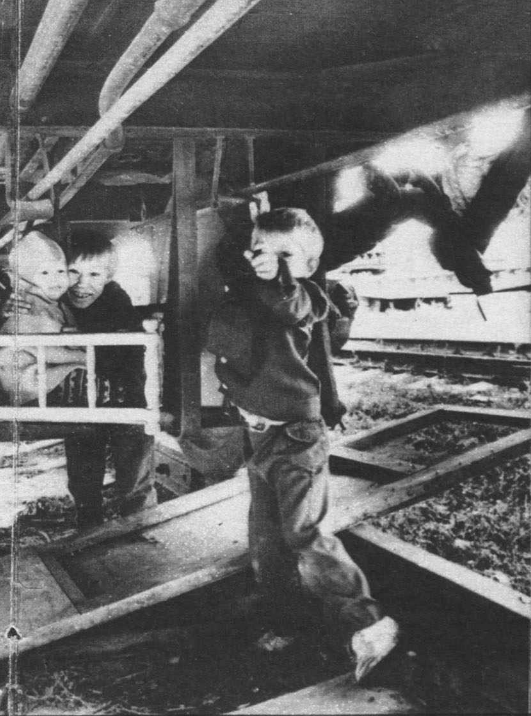
Вот говорят: если ребенка воспитывать не в традиционно организованном пространстве, иными словами, не в квартире-кубе, не в этих клеточках... то вырастают очень интересные личности. Главный признак, отличающий эти интересные личности,— нетрадиционное мышление.

Клетка замыкает разум.

Идеология Ренессанса требовала от своих зодчих высоких сводов палаццо. Потому что, как ошибочно предполагал человек эпохи Возрождения, душа человеческая располагается там, под сводами. И душе требуется свободное пространство.

Известно было даже, сколько именно пространства нужно душе. Полтора человеческих роста. Да, где-то так. Но не меньше!

Дети двухмерного пространства, заключенные вагонных полок, современники перегорающих лампочек в местах общего пользования — мы только недавно в каждой мелочи своего скудного бытия стали видеть образ. Мы понимаем теперь, что руки, протянутые в очереди за куском мыла, за пайкой сахара,— это точный образ нашего мышления, он не нуждается в иных описаниях, он удачен, как выстрел в упор. На каждом шагу мы, чертыхаясь, спотыкаемся на нашей замусоренной земле. Но оттого, что мы стали это все видеть, это не исчезает с наших глаз. Мы скудны пространством над наши-



ми головами — так говорим мы. Но от этого потолок не вздымается.

Эти люди живут в вагонах. Они работники железной дороги. Кому-то пообещали нормальное жилье и поселили здесь временно. Потом началась обыкновенная жизнь, об обещании забыли обещавшие. Здесь живет женщина, поселившаяся в вагончике молодой девушкой... ушедшая на пенсию. Здесь рождаются дети — в вагончики их привозят из родильных домов. Здесь их пеленают, учат ходить. Дети вырастают, играя под колесами. Интересные личности вырастают под колесами? Здесь стирают, ссорятся, мирятся, здесь умирают старики.

Здесь умирают?

Здесь обнимаются, здесь пишут письма родным... здесь души сопровождают людей? В вагончике они не помещаются, наверное, остаются на воле на ночь.

Отсюда уходят на работу. А кто-нибудь отсюда ушел прочь?..

Люди, живущие здесь, избегали фотографа, они боятся, что начальство, узнав их на снимках, лишит их пристанища, даже такого.

Но дети еще не умеют бояться. Им нравится сниматься. Поэтому на снимках так много детей.

Выше стропила, плотники, поется в одной свадебной американской песне.

Фотосъемка произведена в городе Челябинске.

Фото С. ВАСИЛЬЕВА

Сергей ХРУЩЕВ

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Часть V

Отец был мудрым человеком. Многое он предвидел заранее. Еще в начале нашей деятельности он распорядился, чтобы в случае, если он заболеет и ляжет в больницу, я все, связанное с диктовкой, убрал и хранил бы в надежном месте. На всякий случай.

Снова я посещал отца каждый день. Как обычно, он ворчал на меня. А на экране, как и прежде, тянулась бесконечная зеленая линия...

Отец сильно постарел, и не только внешне. Весь этот град ударов, обрушившийся на него в последнее время, не прошел даром. Скандал в КПК он пересказывал всем: врачам, сестрам, посетителям. Впрочем, он не ждал реакции. Ему надо было выговориться, разрядиться.

К новому 1971-му, его последнему Новому году, отца выписали из больницы. Праздник он встретил на даче.

Внешне жизнь входила в привычное русло: те же прогулки, встречи с отдыхающими, возобновившими свои экскурсии в Петрово-Дальнее, известные вопросы и известные ответы.

Но в последнее время появились и новые: многие спрашивали о мемуарах. Ведь все слушают разные «голоса».

Как попали мемуары за границу, не его дело, отвечал отец. Свои воспоминания он диктовал и считает, что их нечего прятать. Там нет секретов, ничего такого, чего нельзя было бы опубликовать.

Здоровье на этот раз возвращалось очень медленно. Моральные и физические силы отца были подорваны. Он быстро уставал. Уже не мог без отдыха пройти до луга: по дороге усаживался на раскладном стульчике, который по-прежнему носил с собой. Арбата уже не было. Он умер в весьма преклонном возрасте, и таскать стульчик стало некому. Отец завел себе новую собаку-дворняжку. Назвал ее Белкой — за рыжую шерсть и живой характер. Она повсюду бегала за ним, преданно смотрела в глаза, лизала руки, но такта и воспитанности Арбата ей явно не хватало. Мы ему предлагали взять породистую собаку.

— Дворняжка и умнее, и преданнее, и неприхотливее. Зачем мне оболтус с родословной? — отказался отец.

И хотя беседа в ЦК не прошла бесследно, отец не был сломлен. Уже в феврале он сказал мне:

— Будем продолжать работу. Наладь все.

Диктовка теперь шла с трудом. Он силой заставлял себя входить в рабочее настроение. Теперь он уже не жил работой, а выполнял самим на себя возложенные обязанности. Своей работой он доказывал и себе, и своим обидчикам, что он не смирился, не думает сдаваться.

Так, через силу он надиктовал две неполных катушки, где говорилось о встречах с деятелями культуры. Он пытался осмыслить и объяснить свои поступки, понять мотивы их поведения.

Впрочем, этой частью воспоминаний отец остался недоволен. Сказал мне, что переделает все заново. Но не успел... Так что к этим страницам мемуаров надо относиться с известной осторожностью.

В январе я получил долгожданный экземпляр мемуаров — черный том с красно-золотыми буквами заглавия и фотографией улыбающегося отца на суперобложке. Я тут же поспешил в Петрово-Дальнее показать ее отцу. Он перелистал ее, посмотрел фотографии и вернул мне. По-английски он не читал. Она была ему все-таки чужой. Вот если бы она была нашей...

— Пусть будет у тебя,— сказал он.

В январе меня еще раз вызвали в КГБ.

Евгений Михайлович передал, что меня просили ознакомиться с переводом английского издания мемуаров отца и дать заключение о его соответствии оригиналу.

Я удивился:

— Ведь у меня нет мемуаров. Все у вас. Проще всего сравнить два текста, сразу будут видны разночтения.

Он ответил, что мне уже неоднократно говорили, что мемуаров у них нет — их передали в ЦК. Так что сравнивать не с чем. Поэтому они просят меня, человека, хорошо знакомого с текстом.

Окончание. См. «Огонек» №№ 22—25.

Конечно, трудно поверить, что они не могли бы получить материалы. Я так и не догадался, чего они добивались, попросив у меня заключение.

Тем не менее я с охотой согласился. По-английски я читаю прилично, но профессиональный перевод позволял бы точнее оценить, насколько тексты аутентичны.

Мне выделили комнату, поручили заботам Владимира Васильевича, и я погрузился в машинописный перевод книги.

У меня сразу вызвали внутренний протест коротенькие введения к каждой главе Эдварда Кренкшоу. Я давно не перечитывал книгу, но остро помню чувство неприятия, которое в ту пору возникло у меня.

В остальном все было правильно, текст не отличался от надиктованного по смыслу, мало разнился он и с рассказами отца, слышанными нами по многу раз.

В своем заключении я отметил, что материал сильно сокращен, в частности, выброшено почти все, относящееся к войне. Остались лишь отдельные эпизоды. Отсутствовали и некоторые другие факты, относившиеся к различным периодам нашей истории.

Я отдал свое заключение Владимиру Васильевичу, он поблагодарил, и на том мы расстались.

К отцу по поводу мемуаров не обращался больше никто. Как мы и предполагали, публикация книги сняла напряжение.

В том же 1971 году обратный перевод с английского был издан для ограниченного круга читателей в издательстве «Прогресс» с маркировкой «ДСП» — «для служебного пользования». Таким образом, хотя и в переводе с английского, но все же вторым изданием стало русское...

Мемуары Хрущева изданы ныне еще на пятнадцати языках Земли. Их прочитали практически во всех странах мира, кроме той, которой они предназначались, ради которой отец перенес выпавшие на его долю испытания.

Конечно, он мог не писать. У него были и другие увлечения: выращивание овощей, прогулки, фотографирование. Если бы не мемуары, этот образ жизни, очевидно, вполне устроил бы власти и, наверное, позволил бы отцу прожить несколько лишних лет. Но он выбрал другой путь, будучи уверен, что его слова нужны нашему народу и, что бы ни случилось, они когда-нибудь все-таки дойдут до его главного читателя. И тот резонанс, который вызвало в мире опубликование его воспоминаний, подтверждает правоту отца.

На полке у меня стоят английское, немецкое, французское, итальянское, японское и даже турецкое издания. Нет пока только русского. Надеюсь, оно вскоре появится.

Но история воспоминаний не закончилась с выходом книги на Западе. Теперь мемуары отца, как всякая настоящая книга, зажили своей собственной, не зависящей от автора жизнью, намного пережив своего создателя.

* * *

На Западе и Востоке, Севере и Юге выходили все новые издания, но меня уже никто не беспокоил. Взаимные обязательства с издательством были выполнены.

Евгений Михайлович и его «команда», казалось, обо мне забыли, и только иногда, во время важных государственных визитов, как, например, приезд в Москву генерального секретаря ООН, я замечал в зеркальце заднего обзора знакомую «Волгу»...

Изредка до меня доходила информация о подготовке второго тома. Правда, от меня уже ничего не требовалось и ничего не зависело.

В 1974 году, через три года после кончины отца, этот второй том мемуаров под названием «Хрущев вспоминает. Последнее завещание» наконец вышел в свет. На белой суперобложке с красно-черным траурным заголовком была помещена фотография отставного отца, сидящего зимой на его любимой скамейке у опушки леса, опирающегося на любимую самодельную палку.

Тут-то обо мне снова вспомнили. Мы опять встретились с Евгением Михайловичем в том же номере гостиницы «Москва». Его сопровождал неизменный Владимир Васильевич.

Речь зашла о том же: как мемуары попали в издательство «Литтл, Браун».

Мне показали заранее подготовленное как бы мое письмо на имя одного из известных американских редакторов — господина Казинса. Письмо было довольно длинное. К сожалению, я не нашел его сейчас среди своих бумаг — то ли оно затерялось, то ли мне его так и не отдали, сейчас не вспомню. Помню главное — в письме я расценивал публикацию 2-го тома как провокацию, направленную против нашей страны и против нашей семьи, объявлял книгу фальшивкой. Вот, собственно, и все.

В то время на Западе, насколько я знал, появилось много мемуаров различных государственных деятелей. Часть из них, кстати, действительно оказалась фальшивкой.

По замыслу мое письмо должно было вызвать скандал и дискредитировать сами мемуары. План был простой, но эффективный — Казинс, как конкурент корпорации «Тайм», которой принадлежит и издательство «Литтл, Браун», с удовольствием бы воспользовался представившейся возможностью посадить соперников в лужу.

Предложение оказалось нестандартным. Я сказал, что мне нужно посоветоваться с мамой, поскольку такое дело я не могу решать в одиночку. Мы условились встретиться через пару дней.

В тот же день я рассказал обо всем маме. Она поинтересовалась, читал ли я книгу.

— Нет,— ответил я,— даже не видел.

— Так как же можно писать, что это фальшивка, даже не ознакомившись с текстом? — логично возразила она.— Ты не должен делать такое заявление о книге, которую никто из нас в глаза не видел. Можно написать то, что написал отец: мы не знаем, как эти материалы попали на Запад.

С этим я и пошел на следующую встречу. Я понимал, что разговор будет не из легких, и приготовил неотразимый аргумент: мама запретила. Это было правдой, а к Нине Петровне они не подступятся. Кроме того, по поведению моих собеседников я заметил, что сейчас вопрос стоит не так остро, как четыре года тому назад.

Я еще раз перечитал заготовленный текст и попросил переделать его в соответствии с позицией мамы.

Завязался спор. Я настаивал на своем.

— Дайте мне книгу. По-английски и мама, и я читаем. Правда, не слишком быстро, так что изучение текста займет примерно пару недель. Если текст книги не соответствует мемуарам, то я буду провозглашать на каждом углу, что это фальшивка. И напишу об этом кому угодно. А так увольте. Не могу.

У Евгения Михайловича вырвалось:

— Как мы вам дадим книгу? У нас пока нет ни одного экземпляра. Мы сами ее не видели.

Я ухватился за эти слова:

— Ну а как же я могу что-то утверждать о книге, которую, оказывается, не только я, но и вообще никто в глаза не видел?

Рассказов понял, что после его признания нам не сговориться. Пришлось долго возиться с текстом, спорить из-за каждого слова. Наконец, удалось согласовать редакцию, в стиле заявления отца четырехлетней давности.

Как и прежде, меня попросили переписать письмо от руки и собственноручно надписать адрес. Наконец все закончилось и письмо отправилось к господину Казинсу, Вашингтон, округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки.

С тех пор мы больше не встречались ни с Евгением Михайловичем Рассказовым, ни с его верным другом Владимиром Васильевичем.

Мое письмо дошло до господина Казинса и заинтересовало его. Появилась реальная возможность помочь коллеге сесть в лужу. Он прислал своего корреспондента[1] в Москву, поручив ему встретиться со мной и, если я пожелаю, опубликовать серию разоблачительных статей.

В то время я занимался вопросами, связанными с надгробием отцу, которое создавал выдающийся русский скульптор и художник Эрнст Неизвестный. Вокруг Неизвестного всегда толклось много иностранных корреспондентов.

[1] **Я, к сожалению, попросту забыл название издания господина Казинса.**

Посланец господина Казинса легко «вышел» на него и попросил передать мне просьбу о встрече. Эрнст Иосифович не был осведомлен обо всей этой истории и воспринял обращение как желание новичка взять у меня интервью. Он предупредил собеседника, что я интервью не даю. В сложившемся в тот момент положении из этого ничего хорошего не выйдет.

В ответ его заверили, что речь идет не об интервью, а о чрезвычайно важном деле, хорошо известном мне.

Неизвестный в подробностях передал мне разговор и предложил встретиться у него в мастерской.

Миссия мне предстояла не из приятных, но я даже обрадовался такому повороту событий. Отправленное письмо меня беспокоило, теперь же мне предоставлялась возможность вернуть контроль над ситуацией. Я знал, что буду делать.

У Неизвестного в мастерской я бывал часто, и мои визиты давно не вызывали профессионального интереса коллег Виктора Николаевича из «большого дома».

На этот раз Эрнст Иосифович предупредил: рядом с мастерской стоит машина со специальными антеннами. Ясно, что они будут нас подслушивать.

— Она всегда приезжает, когда приходят интересующие их иностранцы,— беззаботно проинформировал меня Неизвестный.

Я подумал, что при нашем разговоре Евгений Михайлович был бы не совсем к месту...

Только мы устроились в маленькой комнате, как раздался звонок в дверь — пришел корреспондент. Настроение у него было деловое. Встретили мы его радушно. Пригласили отведать что Бог послал. На столике стояла бутылка водки, какая-то незатейливая закуска. Наш гость по-русски говорил неплохо, что, конечно, облегчало общение.

Выпили по рюмке, закусили. Осведомились, как дела в Америке. Затем поговорили об искусстве, религии. Выпили еще. Обсудили последние международные события. Поговорили о диссидентах. Еще выпили. Разговор перешел на творческую манеру Неизвестного. Открыли вторую бутылку. Осмотрели скульптуры в мастерской.

Гость наш ничего не понимал. Он попытался было перейти к теме, ради которой приехал в Союз, но я всякий раз переводил разговор на другое.

Наконец ему, видно, надоела вся эта несуразица. На лице читалось явное недоумение: он решительно поднялся, поблагодарил за теплый прием. Мы попрощались. Недоумение его усилилось еще больше. Я пошел проводить его до машины.

Я не знал, прослушивают ли нас на улице. Машина с антеннами стояла в десятке метров от корреспондентского «вольво». Мне не хотелось расстраивать Евгения Михайловича, и потому я предпочел бы, чтоб он не узнал о нашем коротком разговоре. Однако дальше тянуть было невозможно.

Гость открыл дверцу машины, но тут я задержал его за руку.

— Я прошу извинить меня. В доме нас прослушивали,— начал я.

Он обрадованно улыбнулся: наконец положение стало проясняться.

— Передайте господину Казинсу мои глубочайшие извинения. Я вынужден был в силу ряда обстоятельств ввести его в заблуждение. Всякое бывает в жизни. Мемуары настоящие. Я их прочел, так что разоблачать нечего.

После этого мы тепло попрощались.

Это была последняя попытка наших властей вмешаться в жизнь западного издания воспоминаний отца. С тех пор они живут респектабельной жизнью, приличествующей мемуарам отставного Председателя Совета Министров великого государства. На них ссылаются. Они стали частью мировой истории.

Никита Хрущев рассказывает (с Львом Петровым и Петром Кримерманом).

Так велась работа (Леонора Финогенова и Сергей Хрущев).

Правда, у нас продолжали распространять информацию о том, что мемуары эти — фальшивка. По сей день кое-кто, когда речь заходит о воспоминаниях отца, не преминет заметить:

— Хорошо, если появятся настоящие мемуары, а не те, фальшивые.

Прошло несколько лет. Однажды мне позвонила моя соседка по дому Джейн Темпест. Ее отец — британский коммунист, много лет проработавший в Советском Союзе. Она родилась у нас и выросла настоящей москвичкой. Мы часто встречались семьями. Сейчас она преподает в одном из университетов Бостона, в Соединенных Штатах.

— С тобой хочет встретиться один мой новый знакомый. Он много занимался мемуарами Никиты Сергеевича,— сказала она.

Я пригласил их зайти ко мне на следующий день.

Так мы в первый раз встретились со Стробом Талботом, симпатичным молодым человеком, отлично говорящим по-русски.

Значительную часть своей жизни он посвятил мемуарам моего отца, сделав на них журналистскую карьеру. Он прекрасно разбирается в нюансах нашей жизни. Хрущев стал для него близким и понятным человеком. Он рассказал мне, как строилась работа над мемуарами, что он сократил и почему. Под сокращение попали разделы о войне, о жилищном строительстве и особенно «не повезло» сельскому хозяйству.

— Он там очень много говорит о кукурузе, убеждая читателя в ее преимуществах. Нам это непонятно, в этом американских фермеров убеждать не надо,— рассказывал Строб.

До этой встречи я практически ничего не знал о том, кто и как работал над воспоминаниями. Для меня было приятной неожиданностью то внимание и, я бы сказал, почтение, с какими сотрудники издательства отнеслись к запискам моего отца.

В разговоре мы не затрагивали вопросов, связанных с получением мемуаров «Таймом». Шел последний период застоя, и говорить об этом было небезопасно.

Я думал, что мы больше не встретимся. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. В 1988 году Раде Никитичне позвонили из московского представительства «Тайма» и попросили о встрече, чтобы обсудить важное предложение. В середине июня мы встретились с представителями журнала на квартире моей племянницы Юлии Леонидовны. В свое время, хотя и косвенно, она была втянута в эпопею с мемуарами.

От «Тайма» пришли Строб Талбот и сотрудники московского отделения Энн Блэкман и Феликс Розенталь.

Мы были в недоумении. Чего же от нас хотят?

Талбот вспомнил и о нашей предыдущей встрече, и о многом другом, а затем сказал, что они не могут

Ловись, рыбка...

считать свою миссию выполненной, пока воспоминания Хрущева не вышли на русском языке, не стали достоянием народа, которому они предназначались. Он добавил, что они готовы приложить для этого все усилия и оказать нашей семье посильную помощь. Кроме того, сказал Талбот, компания «Тайм» чрезвычайно горда тем, что ей выпала честь быть первым издателем воспоминаний этого великого человека.

Когда Строб прочитал мое интервью югославскому агентству, он позвонил своим шефам и сказал, что пришла пора действовать; надо ехать в Москву. Они одобрили его идею. И вот они здесь.

Весной 1988 года у меня попросил интервью корреспондент хорватского «Вестника» Милон Якеш, и я встретился с ним. В ответ на его вопрос о мемуарах Хрущева я объяснил, что они находятся в ЦК КПСС и, по моему мнению, в условиях перестройки и гласности без затруднений могут быть изданы в Советском Союзе. Неожиданно для меня интервью получило широкую огласку в мире, его передали ведущие информационные агентства.

От имени нашей семьи я поблагодарил представителей компании «Тайм» за добрые слова и намерения и сказал, что больше всего нам мог бы помочь русский текст мемуаров, распечатанный с пленок.

Талбот ответил, что все пленки «Тайм» передал в Гарримановский институт. Там хранится собрание записей голосов наиболее выдающихся государственных деятелей.

— Эти записи доступны любому исследователю. Нам не представит труда получить их для вас,— обнадежил он меня.

Мы договорились о следующей встрече. Прошло меньше месяца, и в начале июля мы принимали нынешних руководителей «Тайма» Генри Мюллера и Джона Стакса, а также наших знакомых Строба Талбота, Энн Блэкман и Феликса Розенталя.

Мюллер и Стакс не принимали участия в издании мемуаров, они пришли в компанию позднее, тем не менее при нашей встрече с большим уважением отозвались о том периоде и о Никите Сергеевиче.

Они вручили нам экземпляры книг воспоминаний Хрущева на английском языке. У меня они были, а Рада и Юля получили их впервые.

Они еще раз заверили нас, что компания «Тайм» считает для себя делом чести довести публикацию воспоминаний Хрущева до победного конца, и сказали, что распечатки с пленок будут у нас в ближайшее время.

И вот вскоре в моей квартире вслед за сияющим Розенталем появился его водитель с большой картонной коробкой.

— Мне ее не поднять,— объяснил Феликс Розенталь.— Здесь все, как мы и договаривались. Мои начальники из Нью-Йорка передают вам наилучшие пожелания и желают успеха.

Розенталь ушел. После длительного путешествия и стольких лет разлуки мемуары вернулись домой. Вот они передо мной без всяких грифов и печатей.

Открываю первую папку. Да, это, несомненно, тот самый текст — такие родные слова отца и моя, пусть не профессиональная, но старательная редакторская правка:

«Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают и не только спрашивают, но и рекомендуют записать свои воспоминания, потому что я и вообще мое поколение жило в очень интересное время...»

Так я снова получил это бесценное, надеюсь, не только для меня, историческое свидетельство...

Но еще задолго до того, как случилось это волнующее событие, происходили в моей жизни какие-то подвижки, контакты, которые, несмотря на особое отношение к имени отца в годы брежневщины, позволяли надеяться на грядущие перемены в посмертной судьбе отца и его книги.

В конце семидесятых годов мне позвонил старый коммунист, историк Алексей Владимирович Снегов и сказал, что историк Рой Медведев пишет биографию отца.

Алексей Владимирович рассказал ему все, что знал сам, и теперь, выполняя просьбу Медведева, просил меня встретиться с ним.

Я много слышал о Рое Медведеве. Читал его книгу о Сталине «Перед судом истории». По тем временам это был чрезвычайно смелый шаг, который не мог не вызвать уважения. Хорошо о нем отзывался в свое время и Эрнст Неизвестный, собиравшийся нас познакомить, чего он сделать не успел.

Читал я и книги Медведева об отце на английском языке. По правде говоря, мне они не понравились. Я не почувствовал в них глубокого анализа исторического периода, многие события освещались поверхностно, какие-то факты оказались искаженными, а с оценками, как я ни старался быть объективным и преодолеть родственные чувства, я согласиться не мог — слишком близки они были к стандартным в те времена словам о волюнтаризме и субъективизме Хрущева.

Не надо забывать обстановку тех недавних лет. Это сейчас в печати то и дело попадаются публикации о моем отце. Но тогда даже простое упоминание его фамилии могло быть чревато неприятностями для автора издания.

Мы договорились с Медведевым о встрече. И вот седой, интеллигентного вида мужчина сидит напротив меня. Мы поговорили о его замысле, о необходимости объективного освещения истории. Казалось, мы вполне поняли друг друга, и встречи наши продолжались. Я рассказывал ему об отце, и эти рассказы автор использовал при написании многих глав своей книги.

Наконец, Рой Александрович принес окончательный вариант. Он сказал, что книга уже набирается в Лондоне. Событие это совпало со смертью Брежнева...

Книга мне не понравилась. Отдельные ее разделы были полны неприятия хрущевских реформ. Лишь бесспорные шаги, такие, как XX съезд, разоружение, не подвергались разгрому. Особенно, как я помню, досталось «неправильным» действиям отца в области сельского хозяйства, приведшим к сокращению

выпуска сельскохозяйственных машин — тракторов и комбайнов. А ведь сегодняшнее наше первенство в мире по выпуску тракторов и комбайнов оказалось после трезвого анализа никому не нужным. Те же мысли двадцать лет назад высказывал и отец.

Значительная часть книги была посвящена критическому разбору школьной реформы, вопросу, который не числился у отца в числе первых, но зато был наиболее близок самому Медведеву.

Словом, как я ни старался отстраниться от понятного родственного субъективизма и трезво взглянуть в лицо историческим фактам, у меня ничего не выходило.

Обо всем этом я откровенно сказал Рою Александровичу при нашей встрече в декабре.

Расстались мы холодно. Рой Александрович сказал, что каждый историк имеет свой взгляд на прошлые события, да и книга уже в издательстве. С этим спорить не приходится. На этих страницах я тоже высказываю свой личный взгляд на события тех лет.

Через несколько дней мне позвонил Снегов. Он был более категоричен в оценках, чем я.

Вскоре я снова услышал в телефонной трубке знакомый голос Роя Александровича. Мы с ним повстречались вновь. О последнем разговоре мы не вспоминали.

Медведев подарил мне свою книгу — «Политическую биографию Хрущева» на русском языке. Это ее сейчас столь часто цитируют. Она мало походила на предыдущий вариант, хотя и содержала, на мой взгляд, целый ряд неточностей. Наше знакомство восстановилось. Рой Александрович рассказал, что пишет книгу о Брежневе, просил помочь. Я, конечно, согласился.

Что бы там ни было, Медведев оказался единственным историком, занимавшимся в то недоброе время Хрущевым, и я благодарен ему за это.

Начавшиеся после смерти Брежнева изменения позволяли всерьез задуматься о возможности работы над воспоминаниями отца в нашей стране, восстановлении его доброго имени.

Я стал обдумывать письмо Юрию Владимировичу, но не успел его написать. Андропова не стало. Над страной опять стали сгущаться сумерки. Обращаться к Черненко с моей просьбой было не только бессмысленно, но и опасно.

К счастью, отступление было кратковременным. После долгих раздумий и колебаний я решился написать Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Его выступления, слова, действия внушали оптимизм, вселяли веру в перемены к лучшему. Весь стиль его деятельности, динамизм, общительность, стремление к новому напоминали мне отца.

Я долго мучился над текстом письма. От него зависело так много. Наконец я решился.

Довольно легко я дозвонился до помощника Горбачева Анатолия Сергеевича Черняева. На следующий день он принял меня. С волнением я входил в первый подъезд знакомого всем здания на Старой площади. Как давно я здесь не был...

Анатолий Сергеевич подробно расспросил меня обо всем, пообещав доложить мой вопрос Михаилу Сергеевичу в ближайшие дни, чем удивил меня несказанно.

По привычке я рассчитывал на ответ как минимум через несколько недель, а то и месяцев. Но, видно, новые времена начались всерьез. Действительно, дня через три-четыре, когда я опять дозвонился до Черняева, он сообщил мне важные новости. По словам Анатолия Сергеевича, Михаил Сергеевич посоветовался с другими членами Политбюро, и они решили, что в соответствии с нынешним курсом в нашей исторической науке работа над мемуарами Никиты Сергеевича актуальна.

Черняев добавил, что мне будут предоставлены все условия, а конкретно реализацией решения занимается Александр Николаевич Яковлев. Он тут же продиктовал мне номер телефона помощника Яковлева — Валерия Алексеевича Кузнецова, предложив в случае затруднений звонить.

Я был на седьмом небе! Оказывается, вот как бывает! А я рассчитывал на обычную у нас волокиту. Вот что значит новое мышление.

Однако же, как выяснилось, радоваться было рано... Невольно вспоминается, как в последний период деятельности отца несокрушимый аппарат мягко, но неодолимо саботировал неугодные ему решения. Сегодня с теми же методами столкнулось новое руководство.

Помощник Александра Николаевича Яковлева адресовал меня к тогдашнему заведующему отделом пропаганды Юрию Александровичу Склярову. Он со мной соединился незамедлительно. Разговор был предельно любезным. Юрий Александрович заверил меня, что он в ближайшие дни разберется. Пока этим делом он не занимался. Позвонит мне он сам.

Все начиналось хорошо. Шла первая весна XXVII съезда. На дворе светило солнце, а на душе, как говорится, пели птицы. Но вот прошел месяц. Тишина... Я позвонил снова. Оказалось, что за эти годы мемуарами никто не только не занимался, но даже и не поинтересовался. Их предстояло разыскать в архивах.

Юрий Александрович опять заверил меня, что при первых же новостях позвонит мне сам.

Так мы и перезванивались два года.

В августе 1987 года мы решились опять обратиться к Михаилу Сергеевичу. Обстоятельства сложились так, что я был в отъезде, и инициативу взяла на себя Рада Никитична.

Последовало новое указание, подтверждающее предыдущее.

Я с новой силой принялся звонить Юрию Александровичу.

Сначала в архиве был ремонт. Потом он переезжал в новое помещение.

В августе 1988 года наконец что-то нашли. Я побежал в ЦК.

У Юрия Александровича уже сидела Рада Никитична. За столом присутствовал еще один человек — Василий Яковлевич Моргунов, которому руководство поручило помогать нам в работе над мемуарами.

Юрий Александрович открыл добротную картонную папку, вернее, даже коробку, и сказал, что ему принесли 400 страниц и мы можем начинать над ними работать.

— Почему 400? А где же остальные? Где пленки? — забеспокоился я.

Просматриваю предложенный текст — редакция не моя, но это и не перевод с английского. Видимо, кто-то занялся этой работой, помимо нас.

Работать с лежащими передо мной материалами нельзя, нужно иметь весь исходный текст для компоновки и магнитофонные пленки в придачу для сверки. Только тогда можно быть уверенным, что ничего не упущено, оригинальный текст не искажен.

Перед отъездом в ЦК я перечитал расписку Попова об изъятии материалов и переписал ее от руки.

Показываю ему копию расписки. С ее помощью легче будет найти все материалы. Он высказывает искреннее удивление. О ее существовании тут не знали. Юрий Александрович не возражает, обещает разобраться. Разговор окончен, договариваемся созвониться... в сентябре.

Перед сдачей наград в Гохран.

Фото из архива Петра Кримермана.

У коллекции сына.

ОТ РЕДАКЦИИ

До завершения истории с мемуарами Н. С. Хрущева еще не так близко. До сих пор не закончена расшифровка магнитофонных записей, работа продолжается. Но существует и иная причина — странная позиция наших издательств и тех инстанций, в чьем ведении они находятся, их нежелание заняться подготовкой книги с такой нелегкой, драматической судьбой.

И все же брешь пробита — на страницах «Огонька» были напечатаны обширные фрагменты «Воспоминаний». К публикации полного варианта приступил журнал «Вопросы истории». Надеемся, что у этой истории будет счастливый конец.

«ОГОНЕК» + АнтиСПИД»

Советский благотворительный фонд

Ирина ВЕДЕНЕЕВА
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

...В одном сером-сером городе был серый-серый забор... Обычный, мрачный, бетонный, серый, олицетворение серого бытия, до боли знакомый больничный забор.

Дождавшись, когда охранник откроет серые скрипучие ворота, стараясь не глядеть на валяющиеся по дороге в серо-желтых городских цветочках расколотые унитазы, разорванные грязные матрасы, тапочки — детские и взрослые, мы ехали к серому-серому зданию, где лежат больные СПИДом — взрослые и дети.

В инфекционной больнице № 2 на Соколиной горе находятся центральная в нашей стране лаборатория по изучению болезни СПИД и центральное больничное отделение, где лежат зараженные этим вирусом люди со всей страны.

Лифт остановился на одном из этажей, и я не очень уверенно, чтобы случайно кого-нибудь не обидеть, спрашиваю, здесь ли лежат...

— «Спидники», что ли? — громко и равнодушно дополняет наш вопрос одна из пациенток этого здания, полная девушка в безразмерном, намотанном на тело сером халате.— Это не тут, это выше, тут дезинтерийные...

Девушка явно горда, что у нее всего-навсего дизентерия...

— Вам старшие или младшие?

Нам младшие. Дети. Мы едем в детское отделение.

Все дети, которые сегодня лежат здесь, в этом отделении, заражены в советских медицинских учреждениях советскими медицинскими работниками.

Детское отделение такое же, как и во всех остальных больницах. Впрочем, нет, если быть честным, получше. Палаты поуютнее, более домашние, люди здесь живут месяцами... На тумбочках, рядом с целыми и поломанными советскими игрушками,— целые и поломанные импортные подарки западных гостей.

Нянечки в белых халатах упорно трут стенки и пол. Из детской игровой звучит, слегка дребезжа, пластинка «В понедельник до второго я уеду в Комарово», пахнет больничной едой и лекарствами. Цветные яркие одеяльца на детских кроватках еще тоскливее подчеркивают безрадостность всего вокруг — стен, ночных горшков, шприцев, бутылочек, бинтов.

Отделение называется поэтично: «Мать и дитя».

Зараженные дети лежат здесь вместе с мамами. Когда ребенок лежит в больнице месяцами, без матери ему обойтись почти невозможно.

Пообщаться с пациентами отделения оказалось очень сложно. В момент, когда я приехала, обстановка здесь была крайне нервозная, близкая к скандалу. И поэтому каждый чужой человек, а тем более корреспондент со своими вопросами, вызывал бурю слез, крика. Нервные, измученные матери отделения «Мать и дитя» втаскивали зазевавшихся детей в комнаты и с грохотом захлопывали передо мной двери...

Заведующая отделением Валентина Васильевна Кузнецова устало объясняет, что женщин можно понять. Больные дети, непонятное будущее, масса проблем, и поэтому каждая мелочь, которая в обычной больнице осталась бы без внимания, здесь вызывает бурю недовольства.

Кроме того, корреспондентов приезжает много, спрашивают и снимают они тоже много, а толку от этого, как считают родители, никакого. Жизнь от этого лучше не становится, проблем не убывает, только лишний раз, увидев по телевизору лицо больного ребенка, кто-то затем бросит ему вслед недоброе слово.

Бледные покорные дети исчезали вслед за матерями в комнатах, и оттуда доносился плач, то ли детский, то ли взрослый, разобрать уже было сложно...

Сочетание букв «СПИД» в нашей стране прозвучало впервые лет пять-шесть назад. Потом появились первые больные. Их были единицы. Они воспринимались, как марсиане. Наркоманы, гомосексуалисты... В общем, группа риска и все такое прочее.

Первый настоящий ужас трагедии — город Элиста. Десятки детей, зараженных из-за небрежности медперсонала. Постепенно первый ужас от случившегося прошел. Дети попали в больницу, медперсонал, по-видимому, наказан. А между тем география мест, откуда продолжали поступать и продолжают поступать зараженные нашей медициной дети, все растет и растет, но все эти остальные случаи заражения детей проходят уже явно тише, спокойнее, о них мало пишут, говорят редко, мельком, по случаю... Такое впечатление, что мы начинаем постепенно привыкать к тому, что наша медицина заражает людей СПИДом...

Это удивительно спокойный мальчик. Страдания, которые он перенес, отразились только на неестественной белизне его лица. Спокойный такой мальчик со светлыми глазами. Он из Элисты. Он бродит по комнате, и на боку у него болтается полиэтиленовый мешочек. А в мешочке — баночка с мочой, которая поступает туда через трубочку из открытой раны в боку. Его зовут Олежка. Ему десять лет. Он лежит здесь уже больше года. И почти все время — один, без мамы. Мама, у которой на руках другой ребенок, приезжает редко.

По несчастному, роковому стечению обстоятельств, доставшемуся в жизни этому ребенку, его сначала заразили СПИДом, а потом он попал в тяжелую автомобильную катастрофу и получил серьезную травму — разрыв уретры. Ему потребовалась срочная, серьезная операция. С тех пор прошло уже два года. Два года мальчик ждет операции и ходит с баночкой и открытой раной в боку. Но операцию ему не делают.

— Куда мы только не обращались,— говорит заведующая отделением В. В. Кузнецова,— но уговорить врачей сделать операцию так и не можем. Операция сложная, ее может сделать не каждый хирург, а те, кто может, боятся. Боятся заразиться СПИДом...

Да, нынче все именно так. В больницах боятся заразиться не только обычные люди, но и врачи. И никакие призывы к профессиональному долгу и напоминания о клятве Гиппократа не действуют. Советские медики, которые видят, как на их руках расползаются советские одноразовые перчатки, и которые лучше других, изнутри, знают все прелести советской системы здравоохранения, совершенно не хотят попадать в больницы в качестве пациентов.

Поэтому сколько еще мальчику придется ходить с трубочкой в боку и страдать от сильных болей — неизвестно никому.

— Мы надеемся только на Бога,— сказала мне мама Олега, которая как раз в этот день приехала в больницу к сыну.

Впрочем, кроме Бога, мама еще надеется на западных врачей. Ей рассказали, что там, на Западе, такие операции делают, и перчатки надежные есть, и врачи не боятся заразиться. Только вот как до этого Запада из Элисты добраться, она не знает. И никто подсказать ей не может...

Впрочем, кроме таких глобальных проблем — как сделать ребенку, больному СПИДом, операцию, у пациентов, лежащих в этой центральной больнице, есть мечты и более прозаические. Например, где бы вымыться, сполоснуть или помыть больного ребенка. Дети и родители не моются неделями. Ванна и душ в отделении не работают.

Невозможно позвонить домой — конечно, к отсутствию в больнице телефона мы уже привыкли, это мелочь. Но для пациентов отделения, которым находиться в больнице вместе с тяжелобольными детьми приходится месяцами, где связь с домом единственная — по телефону, эта «мелочь» приобретает размеры вселенские.

Единственный телефон стоит в кабинете заведующей. Валентину Васильевну тоже можно понять: если все больные будут говорить по ее телефону, медицинские проблемы решать будет некогда. А другого телефона в отделении нет.

Ужин в больнице заканчивается рано. Поэтому после девяти часов все матери идут на кухню сами готовить детям еду из продуктов, которые они добыли, побегав за день по городу. А детям, у которых нет по какой-то причине с ними мамы, приходится, естественно, просто смотреть, как кормят других.

Все это относится к тем самым «мелочам», которые переполнили чашу терпения лежащих в отделении матерей и из-за которых обстановка в отделении к моему приезду была такая накаленная.

Впрочем, все эти «мелочи» действительно мелочи по сравнению с тем, что в отделении нет лекарственных препаратов, жизненно необходимых для больных детей. Заведующая отделением долго перечисляла мне лекарства, которых не иметь нельзя, недопустимо... Но их нет.

И еще один факт, в который трудно поверить. Но тем не менее это так. В детском отделении у больных детей, когда каждую минуту может обостриться любая болезнь — отек легких, почек, бронхит...,— в реанимации нет ничего. Даже аппарата, чтобы поддерживать дыхание.

— Реанимация у нас на нуле,— говорит заведующая отделением,— и сколько мы ни бьемся — ничего не можем сделать...

Я не поверила. Зашла в реанимацию. В большой пустой комнате, именуемой реанимационной, стоит одна лишь детская кроватка. И если что случится с ребенком, в соседние реанимационные больных СПИДом детей не пустят. Тоже боятся заразиться.

В стране существует сейчас много благотворительных организаций, которые помогают больным СПИДом. Вернее, должны помогать. Это ассоциация по борьбе со СПИДом, расположенная как раз здесь, во 2-й инфекционной больнице, и возглавляемая В. В. Покровским, Детский фонд, Красный Крест и многие другие организации.

Кто из этих организаций и насколько помогает, сказать не могу. Во всяком случае, с мамами больных детей о благотворительной помощи говорить сложно — это вызывает в них волну ярости. Женщины, которые все же после долгих уговоров согласились с нами разговаривать (их фамилии по понятным причинам я назвать не могу, хотя они у меня есть), говорят, что помощь эта нищенская и чувствуешь себя, получая ее, в роли нищего с протянутой рукой.

— Смотрела детский телемарафон и проревела всю ночь: люди жертвовали такие деньги, столько доброты. Перевели миллионы рублей! Просто плакать хочется! Еще бы понять, куда идут эти деньги! Мы лично здесь их не видим. Лекарств нет, реанимации тоже. Кругом одно вранье. Сказали, будто каждой матери больного ребенка дали по пятьсот рублей. Это неправда. Большинство не получало этих денег. Сказали, что нашему отделению подарили цветные телевизоры! Но где же они? Вы сами видите, что у нас один на этаж, и тот барахлит. А в нашу ассоциацию борьбы со СПИДом вообще приходить не хочется. Если туда придешь и принесешь заявление на двадцать рублей, они делают такие лица и говорят: милочка, ну вы же знаете, что у нас нет денег! У нас нет даже элементарной пенсии на больного ребенка. Чтобы мать могла не работать, а сидеть с ним. Если это необходимо. Нас оставили просто умирать и радоваться каждой подачке...

Я не хочу сейчас разбираться, все ли справедливо в словах матерей больных детей или в пылу гнева что-то перепутали, забыли о каких-нибудь подарках, деньгах, выделенных какими-то благотворительными организациями. Валентина Васильевна мне, например, рассказала, что Детский фонд помогает — игрушки прислал, занавески. «Афганцы» приходили, игровую для детей построили... Спасибо интернационалистам, до этого дети ползали по коридорам, и на них сильно ругались: шумят.

Я о другом. Я хочу понять, о какой благотворительности можно говорить, когда речь должна идти элементарно о постоянном пенсионном обеспечении больных по вине государства детей. Благотворительность — вещь хорошая. Но она может быть, а может и не быть. А государство обязано помогать этим семьям. Должна быть помощь ежемесячная, постоянная, ровно такая, чтобы больному ребенку жить, ни в чем не нуждаясь.

Пока они живы...

Ира здесь совсем одна. Впрочем, не только здесь. Она вообще одна на всем белом свете. До больницы она жила в детском доме Северо-Казахстанской области.

У нее нет даже смертельно измученной нервной матери, которая, завидев корреспондентов, загораживала бы ее собой, не давая фотографировать. Она единственная в отделении доверчиво улыбается всем корреспондентам и, чтобы лучше выглядеть, бежит надевать перед съемками свое самое красивое и дорогое, как она считает, ситцевое мешковатое платье с оборочками, подаренное ей каким-то благотворительным обществом, и красные сандалики, болтающиеся на ножках.

За свои короткие восемь лет этот маленький человечек явно не успел испытать особых радостей жизни. Отец семью оставил в ее раннем детстве, мать спилась. Девочку родственники отдали в детдом. Еще совсем маленькая, брошенная на произвол судьбы, она случайно схватила где-то уксусную кислоту и выпила. Ее спасли. Но ей пришлось долгое время лежать в разных больницах, где ей сделали много операций. В одной из этих больниц она и заразилась СПИДом. И попала сюда, в Москву.

В этой больнице, продержав положенное время, врачи обследовали ее и убедились, что девочка является только носительницей вируса СПИД. Из московской больницы написали письмо на родину ребенка с просьбой забрать ее и поместить в какой-нибудь интернат — девочка может продолжать учиться.

Уезжала из больницы домой девочка счастливая. Она устала от врачей и хотела к сверстникам, в школу. Раздарив все московские игрушки, подаренные ей в больнице, она всем говорила, что теперь они ей не понадобятся, ведь она уже большая и скоро — школа.

Но в родном городе учиться девочке не пришлось. Ее поместили в инфекционную больницу, в отдельный бокс с наглухо закрытой дверью, куда ни разу за несколько месяцев не вошел ни один человек. Ни врач, ни медсестра, ни уборщица. Еду девочке подавали через маленькое окошко, так что она могла только видеть руки людей, что приносили пищу. Так в этом боксе, как звереныш в клетке, она прожила до тех пор, пока московская больница не вызвала ее на очередной осмотр. В Москву вместо веселого доброго ребенка привезли одичавшее затравленное существо. Понадобилось долгое время, чтобы привести ее почти полностью сломанную психику в порядок.

Положение этой девочки трагично. Обо всех остальных детях, больных СПИДом, при том, что окружающий мир относится к ним очень жестоко и безразлично, заботятся хотя бы их родители. Ира не нужна никому.

Сейчас, когда настал момент выписывать ее из больницы, выписывать ее некуда. Назад в Северо-Казахстанскую область? Где ее продержали почти в клетке? Врачи даже боятся сказать ей об этом. Один раз сказали — у нее началась истерика, поднялась температура, она тяжело заболела. Больше не говорят.

Заведующая отделением считает, что самое разумное и гуманное — поместить ее в какой-то интернат в Москве. Все-таки ближе к больнице, да и плюс Москва. Но как поместить? Оказывается, существует закон — ребенок может жить только в интернате по месту прописки. Да и не возьмет ее ни один московский интернат, уверена Валентина Васильевна. Даже если и найдется директор-гуманист, который решит взять ребенка, зараженного СПИДом, родители устроят этому директору такое, что через день он вынужден будет отказаться.

Ира еще не понимает безвыходности ситуации, которую уготовили ей люди. Она верит, что скоро пойдет в школу. Она даже по секрету рассказала мне, что сама хочет добежать до соседней школы и попросить: может, возьмут побыстрей.

Она показала мне своего бегемота, которого ей подарили во время своего приезда то ли англичане, то ли американцы. Детям предложили выбрать себе игрушку, и она взяла этого бегемота. Славный бегемот, большой, плюшевый, с милой такой доброй, светлой мордой, сразу видно — не наш, иностранный бегемот.

Недавно в больницу приходил священник. Он окрестил девочку и предложил ходить в воскресную школу раз в неделю. Теперь она целую неделю ждет выходного, когда они вместе с медсестрой садятся на электричку, потом на автобус и едут в церковную школу.

На шее у Иры на белой тоненькой веревочке висит маленький медный крестик.

Она еще не знает, что и посещение церковной школы очень скоро может прекратиться. Родители детей, которые вместе с девочкой ходят в эту школу, узнав, что среди ребят инфицированный СПИДом ребенок, возможно, перестанут водить туда своих детей. Кто-то из родителей уже узнал, и уже поползли недобрые слухи...

И хотя Богу, если он есть, явно должно быть больше угодно, если Ира будет ходить в эту школу одна, Валентина Васильевна ждет с ужасом, что скоро начнется скандал.

Ведь церковь — это последнее место, куда эту девочку еще пускают...

Страх перед СПИДом охватил весь мир. Его боятся везде. Но в нашем обществе, усталом, озлобленном всей нашей недоброй жизнью, этот страх приобрел особо жестокий, черный характер.

Истории, которые я услышала здесь, в больнице, где лежат больные СПИДом, одна страшнее другой.

...Девушка-студентка заразилась СПИДом. Ее выгнали из института, вышвырнули из общежития через окно все вещи. Когда она пришла к другу, он сдал ее в милицию... Мать отказалась от больной дочери, запретив ей жить вместе с ней... Кого-то запирают дома, не давая из него выходить, кого-то грозятся убить... Врачи на «скорой» приезжают к тяжелобольному ребенку, узнают, что у него СПИД, «скорая» разворачивается и уезжает...

Врачи, призванные помогать, лечить, успокаивать больных, часто делают все наоборот. Врачебная тайна о неразглашении не действует сейчас практически нигде.

Когда вызывают людей проверяться по контакту, их унижают, запугивают. Одна мать больного ребенка мне рассказала, что по контакту с ней, хотя она и не больна, вызвали проверять почти тысячу человек. Вызвали одновременно. Выстроили перед поликлиникой и продержали на улице несколько часов. Люди стоят с маленькими детьми, все больше озлобляясь, раздались призывы пойти и поджечь дом зараженного ребенка. И только когда у них ничего не обнаружили, все чуть-чуть успокоились. А врачи при этом им еще и говорили: зря успокаиваетесь, сейчас не обнаружили, завтра обнаружим...

Я очень боюсь СПИДа. Но еще больше я боюсь нашу систему, которая начинает со СПИДом бороться.

И снова о страхе. Понимаю, глупо, бессмысленно, невозможно призывать всех в одну минуту побороть страх и относиться к больным СПИДом, как к обычным больным людям.

Страх не исчезнет. Люди не могут прекратить бояться. Даже на Западе, где с этим заболеванием столкнулись раньше нас, где больных на сегодняшний момент гораздо больше, где постоянно ведутся разъяснительные беседы и благотворительность, милосердие развито несравнимо с нами,— и там люди боятся.

Но цивилизованное общество борется с этим страхом. Пытается бороться. Больные лежат в обычных больницах, дети учатся в обычных школах, люди работают на обычных работах. И за травлю больных возбуждают уголовные дела.

У нас только что принят закон, запрещающий дискриминацию больных СПИДом людей. Закон торопливый, вызывающий у специалистов массу вопросов, но хоть какой-то. Оскорбил, обидел, не пустил — отвечай. Такие законы уже давно приняты во всех развитых цивилизованных западных странах... Нам будет, конечно, труднее контролировать повсеместное его соблюдение. За долгие годы Советской власти мы отвыкли, что у нас соблюдаются какие-то законы, тем более моральные. Что ж, придется учиться. Я думаю, два-три громких процесса над теми, кто обидел, унизил или оскорбил больного человека, помогут ощутить серьезность этого.

Меня поразила недавно одна история. Вся Америка несколько лет подряд следила за судьбой одного ребенка, который заболел СПИДом. С момента, когда был обнаружен страшный вирус, и до его последних дней. Все, кто чем мог, помогали ребенку, старались облегчить его жизнь, сделать так, чтобы он не чувствовал себя несчастным или одиноким. Ему посылали подарки, для него устраивали праздники, самые знаменитые певцы пели для него песни. И когда он умер, многие в Америке переживали это так, будто умирал их собственный ребенок.

Я вспомнила об этой истории потому, что столкнулась с судьбой такого же больного ребенка, только, к сожалению, живущего не там, а в нашей стране. Абсолютно одинокого, никому не нужного, будущее которого на сегодняшний день почти безысходно.

Вначале мы сомневались, стоит ли рассказывать об этой больной девочке, а вдруг удастся устроить ее куда-нибудь в школу, где ее примут и будут относиться к ней по-человечески. Но потом поняли, что это абсолютно безнадежный вариант. При нашем нынешнем жестоком и паническом отношении к больным СПИДом ничего хорошего этому ребенку встретить не придется. А после всего того, что она пережила, новой жестокости и травли она уже не выдержит.

И поэтому мы решили сделать все наоборот. Пусть все люди знают, что существует Ира. Славный, симпатичный ребенок, пострадавший не по своей вине. У которого никого нет, которого никуда не берут, который никому не нужен. Абсолютно одинокий человек, которому просто необходимо помочь. И если мы сейчас это не сделаем, девочка погибнет не от болезни, а из-за нас.

Мы будем с помощью «Огонька» следить за ее судьбой. Писать обо всех, кто ей помогает или, наоборот, не помогает. Пусть об этом все знают. Другого выхода нет.

Итак, Ира. Ей восемь лет. Сейчас она находится в больнице потому, что идти ей отсюда некуда. Что с ней будет дальше? Кто ей поможет?

Благотворительный валютный счет — № 70000015 «Антиспид» во Внешэкономбанке СССР.

ХРОНИКА ФОНДА «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»

Рублевый счет — № 700645 в операционном управлении Жилсоцбанка СССР.

Благотворительный фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» берет шефство над специализированным отделением 2-й инфекционной больницы г. Москвы, куда приезжают со всей страны на лечение и обследование взрослые и дети, инфицированные СПИД. В частности, мы намерены обеспечить детское реанимационное отделение необходимым оборудованием. Мы обратились за помощью к фирмам, производящим отдельные узлы реанимационного комплекса: «Хьюлетт Пакард» (ФРГ), «Сименс» (ФРГ), «Хофман ля Рош» (Австрия), «Сиба Корнинг» (Англия), «Бомед» (США), «Олимпус» (Япония), «Фрезениус» (ФРГ), «Б. Браун Мельзунген АГ» (ФРГ), «Курт Миттерфельнер» (ФРГ).

4 фирмы уже дали положительный ответ.

Фирма «Фрезениус» передала в дар Фонду аппарат «искусственная почка» с комплектом необходимых деталей (суммарная стоимость 60 000 западногерманских марок).

Фирма «Сименс» подарила сервовентилятор (30 тысяч долларов).

Фирма «Сиба Корнинг» передала в дар анализатор кислотно-основного состояния, электролитов, гемоглобина (30 тысяч долларов).

Фирма «Курт Миттерфельнер» передает необходимое одноразовое оборудование фирмы «Б. Браун Мельзунген АГ» стоимостью 15 000 западногерманских марок.

Фирма «Секрист» (США) передала в дар небольшой дыхательный аппарат для новорожденных.

Кроме того, фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» передал 2-й инфекционной больнице 212 тысяч одноразовых шприцев, контейнер с системами для переливания крови, 30 тысяч одноразовых игл.

Чтобы врачи смогли наконец сделать операцию Олежке, мы специально передали в эту больницу присланные из США несколько пар особых хирургических перчаток, которые не режутся скальпелем.

* * *

15 мая в журнале «Огонек» прошло второе заседание Распорядительного совета фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД». Утверждены Устав фонда, Положение о порядке образования филиалов и предприятий благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД». Утверждены следующие направления расходования средств с благотворительного рублевого счета: закупка одноразовых медицинских изделий (фонд прорабатывает сейчас несколько вариантов закупки одноразовых инструментов за рубли); вложение средств в производство медицинского оборудования; просветительская работа среди населения и медработников, в частности создание документальных и видеофильмов, издание плакатов и другой печатной продукции, создание выездных «курсов» повышения квалификации для медсестер (бригады медиков, выезжающие в отдаленные поселки, кишлаки и ведущие разъяснительную работу для медперсонала); финансирование эпидемиологических экспедиций для выяснения эпидемиологической ситуации в различных регионах страны, в частности создание бригад «быстрого реагирования», немедленно выезжающих в районы, где зафиксирована вспышка СПИДа; приглашение зарубежных специалистов для разработки совместно с советскими учеными прогноза распространения СПИДа в СССР и программы действий для предотвращения глобальной катастрофы. И еще одна статья расходования рублевых пожертвований, утвержденная на Совете: **ежемесячные сторублевые пособия матерям, чьи дети инфицированы вирусом иммунодефицита человека.**

Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» заключил договор с советской фирмой «Машсырьеимпекс» о закупке 30 миллионов импортных одноразовых шприцев за рубли.

Советские предприятия, желающие закупить одноразовые шприцы для детской больницы своего региона, города, села, района, просим прислать заявки на адрес фонда: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Благотворительный фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД».

ПОЧТА ФОНДА

«Полностью поддерживаем обращение Распорядительного совета фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» к Верховному Совету СССР и правительству страны, опубликованное в № 12. Возмущены тем единственным невразумительным ответом на этот вопрос, который мы услышали на Верховном Совете. Зам. председателя Совмина СССР И. С. Белоусов заявил, что на 1991 год запланировано производство 3 млрд. одноразовых шприцев, а о потребности 6 млрд. в год он вообще слышит в первый раз. У нас же вторая цифра не вызывает сомнений — она названа весьма авторитетными членами Распорядительного совета фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД».

Мы хотим знать, какую ответственность несут руководители министерств за ошибки, которые будут стоить тысяч жизней. Кроме того, о производстве других одноразовых инструментов и средств защиты вообще сказано не было. Это значит, что опасность заразиться при переливании крови или у стоматолога сохраняется полностью.

Таким образом, даже такой страшный, но, увы, убедительный прогноз, как угроза гибели от СПИДа к 2010 году до 20 млн. человек, остался практически без ответа.

Мы требуем от правительства страны изыскать возможность выделения на борьбу со СПИДом 864 млн. инвалютных рублей * — суммы, названной в обращении. Даже если бы эти деньги оказались последними, их было бы необходимо найти, одолжить в конце концов. Ведь за последние два года, пока «Огонек» бьет тревогу, государственные средства с размахом тратятся на различные проекты века и др. Мы требуем безотлагательно и без раскачки начать осуществление программы действий, намеченной в обращении.

Мы благодарны Президенту СССР М. С. Горбачеву за его стремление улучшить положение женщин. Но сейчас главная тревога женщин-матерей состоит в том, что их дети беззащитны перед чумой XX века.

Надеемся, что «Огонек» опубликует наше и подобные ему письма, под которыми сейчас должны подписаться все здравомыслящие люди. Может быть, хотя бы это — голос народа — заставит наконец наше правительство признать задачу защиты страны от СПИДа самой важной и безотлагательной?

Работники чебоксарского ПО «Электроприбор» (всего 337 подписей)».

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Грузы, пришедшие за последние два месяца (850 тысяч одноразовых шприцев), по решению комиссии по распределению отправлены в следующие адреса: 40 тысяч — в Харовскую районную больницу Вологодской области; 100 тысяч — в областную детскую клиническую больницу г. Ростова-на-Дону; 100 тысяч — в многопрофильную больницу г. Ташкента; 100 тысяч — в областную детскую больницу г. Кзыл-Орда Казахской ССР; 50 тысяч — в роддом больницы № 9 г. Днепропетровска; 100 тысяч — в областную детскую клиническую больницу г. Пскова; 50 тысяч — в роддом г. Смоленска; 100 тысяч — в областную детскую больницу г. Тамбова; 210 тысяч — во 2-ю инфекционную больницу г. Москвы.

Коллектив **Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Техноэкспорт»**, рассмотрев обращение благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД», принял решение о безвозмездной передаче в фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» одноразовых шприцев на сумму 10 тысяч рублей.

По поручению коллектива объединения специализированная фирма «Машсырьеимпекс» закупила в Иордании одноразовые шприцы, и после положительных результатов испытаний осуществит поставку и передаст в фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» 300 тысяч штук одноразовых шприцев.

Понимая важность проводимой фондом «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» работы, ВВО «Техноэкспорт» в дальнейшем также будет находить возможности по оказанию благотворительной помощи.

По поручению коллектива,
и. о. председателя ВВО «Техноэкспорт» В. И. ВЕЛИЧКО, директор фирмы «Машсырьеимпекс» В. В. КОРНИЕНКО.

Государственный квартет имени Бородина при Московской государственной филармонии вносит в фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» 1 миллион 300 тысяч итальянских лир для приобретения одноразового медицинского оборудования.

Наша просьба — направить приобретенное оборудование в роддом имени Н. К. Крупской Фрунзенского района г. Москвы.

Лауреаты Государственной премии СССР: заслуженный артист РСФСР М. Копельман, заслуженный артист РСФСР А. Абраменков, народный артист РСФСР В. Берлинский, народный артист РСФСР Д. Шебалин.

Э. Вирсаладзе и музыканты квартета им. Бородина перевели в фонд гонорар за концерт, прошедший 12 мая в Концертном зале им. Чайковского.

Фирма «ПИНДУР ГМБХ», ФРГ: Исходя из самых искренних побуждений и понимая сложности обеспечения медицинских учреждений различными медикаментами, просим вас передать наш дар — 10 000 одноразовых шприцев — Институту сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева.

Мы благодарим **Ассоциацию внешнеэкономического сотрудничества с арабскими странами «Асараб»** и ее партнера — **концерн египетских фирм «Юнимег»** за дар — 1 млн. одноразовых шприцев для больниц и поликлиник Киевского района г. Москвы.

Южнокорейская фирма «СОКОРА КОРПОРЕЙШН»: Мы рады сообщить вам, что достигнута договоренность о повторном благотворительном взносе в 100 800 одноразовых шприцев от мистера Кэнг Кванг-Сика, председателя «The first Economic Daily», и этот груз готов для перевозки. Даритель мистер Кэнг сделал добровольное пожертвование в вызывающую уважение широкую национальную кампанию по борьбе со СПИДом, проводимую журналом «Огонек».

От редакции. Шприцы отправлены в городскую детскую больницу № 1 г. Ленинграда.

Алла АЛОВА,
координатор Фонда «Огонек» — Антиспид»

*** Указанная сумма необходима только на закупку линий, производящих одноразовые медицинские изделия, и самих одноразовых медицинских изделий на 1990 год. Сюда не входят все прочие расходы, необходимые на предотвращение глобальной эпидемии СПИД в СССР.**

ОБЪЯВЛЕНИЯ ФОНДА «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»

В сотрудничестве с благотворительным Фондом «Огонек» — АНТИСПИД» подготовлено производство одноразовых скарификаторов типа «копье» в стерильной упаковке для взятия крови из пальца.

Расчетная годовая потребность страны — 1 миллиард штук. Производство способно за 1990—1991 гг. выйти на объемы 1—1,5 миллиарда штук в год.

На сегодняшний день не выпущено ни одного стерильного одноразового скарификатора только из-за отсутствия материала — нержавеющей холоднокатаной пагартованной ленты (марка стали 12Х18Н10Т или 40Х13, 30Х13, 20Х13) толщиной 0,15—0,22 миллиметра.

Обращаемся ко всем, кто имеет отношение к распределению, изготовлению или использованию данного материала: Госплану СССР, заводу «Серп и молот» и другим предприятиям.

Каждая предоставленная вами (по государственным расценкам или безвозмездно) тонна металла — это не менее 2 миллионов одноразовых скарификаторов, которыми в первую очередь будут обеспечены город, район, область, из которых поступил данный материал.

* * *

Ищем надежного спонсора, а еще лучше спонсора-соисполнителя! В лаборатории технических проблем в медицине Челябинского политехнического института разработаны *одноразовые шприцы новой конструкции*. Она проста, может легко тиражироваться в сотни миллионов штук, и на производство таких шприцев требуется в 10 раз меньше полипропилена.

Возможно также организовать производство стерильных комплектов насадок, заранее заполненных определенными видами лекарственных препаратов.

Из опыта реализации подобного рода проектов полагаем, что решение всех вопросов организации производства в условиях отечественного предпринимательства займет очень много времени. Специализированная зарубежная фирма могла бы это сделать значительно быстрее.

ОГОНЁК

ПРОМЕЖУТОК?

К двухлетию со дня проведения в Москве аукциона русского авангарда и современного советского искусства «Сотбис», который вопреки заверениям достопочтенного графа Гаури оказался первым и последним...

...Близился финал. Разыгрывались последние лоты — картины Сергея Волкова, Владимира Янкилевского, Вадима Захарова, в соответствии с английским алфавитом значившиеся последними. Публика уже окончательно захмелела от лихорадки умопомрачительных цифр, мелькавших на табло. Художники — от своего головокружительного успеха. Фоторепортеры — от невозможности «схватить» в объектив все исторические моменты. Где-то за кулисами праздника бродил герой аукциона «Гриша Брускин — парень русский», создатель знаменитого «Фундаментального лексикона» — азбуки тоталитарного режима, ушедшей с молотка за рекордную сумму в двести двадцать тысяч фунтов...

Внезапно ведущий Симон де Пюри сделал паузу.

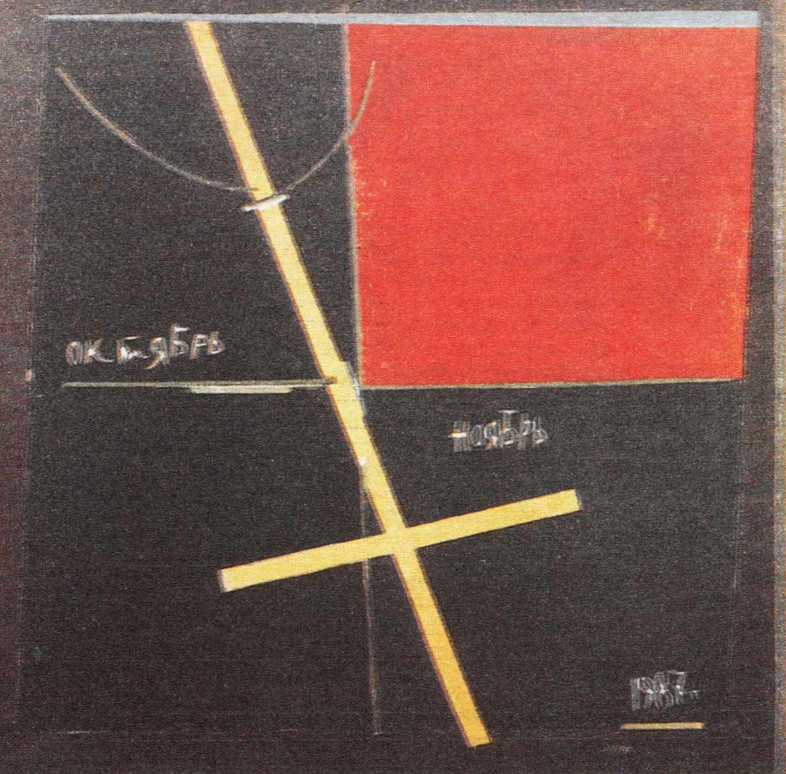
— Мне приятно объявить,— заявил он,— что картина Ильи Кабакова «Ответ экспериментальной группы», лот 48, купленная Альфредом Таубманом, передается им в дар будущему музею современного искусства в Москве.

Через какое-то время Симон де Пюри вновь сделал похожее объявление — на этот раз речь шла о картине Сергея Шутова «Асса, племяши», приобретенной Андре Шеллером и тут же возвращенной советской стороне в качестве экспоната будущего музея.

Впрочем, его слова потонули в горячке аукциона...

Так что же это было — «Сотбис»?

Леонид ПУРЫГИН «Пипа». (Стартовая цена 3000 фунтов стерлингов — продана за 5000.)



Эдуард ШТЕЙНБЕРГ
«Композиция: октябрь — ноябрь».
(Стартовая цена 3000 фунтов стерлингов — продана за 22 000.)

Блестящее шоу, разыгранное на подмостках перестройки заморскими меценатами и купцами?.. Сокрушительный удар по Храму искусств, который оказался самой стойкой цитаделью консервативных вкусов и идеологических штампов?.. Торжественное открытие шествия по миру советского андерграунда?.. А может, картинка из западной жизни, в которой сладкая мечта о славе, успехе, деньгах однажды может стать реальностью?..

И то, и другое, и третье, и четвертое... И еще — признание ведущими художественными экспертами мира высокого уровня современного советского искусства.

Сказать, что «Сотбис» открыл нам новые имена, было бы несправедливо — прежде всего по отношению к тем искусствоведам и коллекционерам, которые работали в «подпольной культуре» и прекрасно знали, кто почем. Их просто никто не слушал — ни в Минкульте, ни в редакциях и творческих союзах. Потому что слушали во все времена других — «искусствоведов в штатском»...

Наконец, аукционерный дом «Сотбис» преподал нам первый урок артбизнеса. Он заключался в одной простой истине: произведение искусства есть выгодная область вложения капитала. И усвоить этот урок оказалось сложнее всего, ибо наши традиционные представления об искусстве как «носителе духовных ценностей», «начале всех начал» и т. д. начисто отвергали «меркантильный» западный подход...

ПОЧЕМ НЫНЧЕ БЮСТИКИ?

— Вот, пожалуйста, наш долгожитель,— рассказывает с экрана сотрудница республиканского центрального запасника «Росизопрома» Минкульта РСФСР.— Бюст Брежнева. Мрамор. Полторы величины. Работа Шапиро. Стоял он спокойненько в Музее обороны Москвы и ждал, когда его отвезут на родину Л. И. Брежнева. А недавно заявляют нам: «Забирайте его! Он нам не нужен». Вот теперь и стоит тут. Куда его девать?

— А может, его какой-нибудь «рокфеллер» купит? — пытается пошутить другая сотрудница...

Трудно вообразить, но можно. Представьте, что какому-нибудь миллионеру-оригиналу взбредет в голову приобрести для своей галереи торс бывшего генсека. Что тогда? Тогда статуя Бреж-

Игорь КОПЫСТЯНСКИЙ «Восстановленная картина: ном. 5». (Стартовая цена 5000 фунтов стерлингов — продана за 40 000.)

Гриша БРУСКИН «Фундаментальный лексикон». (Стартовая цена 14 000 фунтов стерлингов — продана за 220 000.)

Сергей ШУТОВ «Асса, племяши». (Продана за стартовую цену 3000 фунтов стерлингов.)

Александр СИТНИКОВ «Черный бык». (Стартовая цена 4000 фунтов стерлингов — продана за 7500.)

нева, покинув компанию других гипсовых и бронзовых вождей, веселых доярок и мужественных чабанов, уютно расположившихся на полках запасника Минкульта, станет товаром. И это обстоятельство уравняет произведение искусства времен застоя с «Фундаментальным лексиконом» Брускина, как уравнял «Сотбис» самых лихих авангардистов с Ильей Глазуновым. И никакой идеологии!..

Историю о неприкаянном бюсте поведал нам фильм «Искусство и деньги» (режиссер Н. Сологубова, сценарий О. Румянцевой и Д. Дондурея, оператор Вяч. Ефимов), который стал первой попыткой рассказать с экрана, что же такое рынок искусства.

Нет больше официального искусства. Нет неофициального. Есть рынок, где на прилавках могут лежать рядом несовместимые в наших представлениях вещи, где каждый славит свой товар и где умение громко кричать и встать с товаром в нужное место в нужное время — половина успеха, если не весь успех.

Рынок ставит единое условие для всех — производство того, что покупается. Кому-то нужен кич из Измайлова. Кому-то — Шилов. Кому-то — «Праздник машиностроения», да такой, чтобы все родные лица трактористов были узнаваемы. Кому-то — диковинная пурыгинская «Пипа». Но никто не хочет платить деньги за то, что ему не нужно. Поскольку деньги уже лежат не в абстрактном государственном кармане, а в твоем, вполне конкретном.

Как нам относиться к рынку искусств, первые ростки которого начали пробиваться в нашей малоплодородной почве с дефицитной экономикой и дырами в бюджете? Многих искусствоведов тревожит ситуация свободной торговли. Рынок в наших условиях, считают они, скрывает от нас подлинное искусство — мы вынуждены довольствоваться третьесортными произведениями, поскольку первосортные уходят на Запад. Другие, напротив, приветствуют здоровую конкуренцию в культуре, которая стимулирует художника работать напряженней, интересней.

Обсуждать, хорошо это или плохо — рынок искусств, можно до хрипоты. Но так или иначе это уже данность, факт нашей жизни, перед которым мы стоим, зажмурив глаза от страха. Это как снег. Как дождь. Как революция. Да переход на рыночные отношения и есть революция, неизбежность которой мы прекрасно осознаем. Изменения в экономике неминуемо тянут за собой изменения во всех структурах социальной жизни, в том числе и в культуре, и в первую очередь в тех ее областях, которые имеют к экономике непосредственное отношение, то есть в изобразительном искусстве.

Произведение искусства — товар самый ценный, и не только на данный исторический момент, когда, кроме сырья и картин, нам продавать попросту нечего. У него есть одна фундаментальная особенность: оно невоспроизводи-

Аркадий ПЕТРОВ «Танцы. Играет духовой оркестр». (Продана за стартовую цену 3000 фунтов стерлингов.)

мо, оно нетиражируемо, цены на него никогда не будут падать. Это отлично понимают на Западе, где вкладывать деньги в искусство считается и престижным, и выгодным.

Результаты перехода на рыночные рельсы в нашей стране непредсказуемы. В области ИЗО в том числе.

Сегодняшняя ситуация на рынке искусств во многом повторяет картину культурной жизни 20-х годов, блистательно описанную в знаменитой статье Тынянова «Промежуток». Старая иерархия нарушена. Новая еще не создана, и в культуре образовалась «свободная зона», которая заполняется новыми течениями, направлениями, именами. Все сдвинуто и смещено. Изменчивость оценок. Полное смешение всех представлений. Все это присутствует сегодня. Но подобная неразберихa свойственна для первоначальной стадии образования любого рынка. И само по себе это не так страшно. Страшно другое — потерять в этой неразберихе подлинное искусство, настоящих мастеров. Пока мы даже не торгуем, а только продаем, ничего не приобретая взамен. Причина все та же. Бедность общества, которое не может обеспечить художника всем необходимым для работы. Бедность музеев, которые не могут предложить художникам столь же выгодные условия работы, как их западные коллеги. Бедность художника, который не от жиру бросился за границу, не только за хорошими деньгами, за нормальной жизнью.

СЛУЧАЙ НА ТАМОЖНЕ

Этот случай был описан в газете «Коммерсантъ».

Художник Сергей Мироненко, отправляясь за границу по частному приглашению, пожелал взять с собой несколько своих работ. Как и положено, он поставил в комиссии Минкульта штампы, удостоверяющие право на вывоз, и за день до отлета явился в грузовое отделение аэропорта «Шереметьево», где предъявил всю документацию и сами работы. После чего... ему в их вывозе было отказано.

Начальник таможни мотивировал свой отказ охраной национального достояния. Прямо вот так и сказал, что, мол, ваши работы через десять лет станут национальным достоянием, и поэтому я, как лицо, представляющее интересы государства, разрешить их вывезти не могу.

— Это же моя собственность,— попытался спорить художник.

— Ваша,— согласился таможенник,— но и государства тоже.

Такой новый вид собственности, оказывается, имеется у нас. Государственно-частная. Столь же непостижимая разуму, как и планово-рыночная экономика.

— Я в Союзе не получаю ни копейки из-за своей профнепригодности,— настаивал художник.— Заграница для меня — единственный способ существования. Может, вы меня будете обеспечивать эти десять лет, пока мои работы не станут национальным достоянием? Или что прикажете — документы подавать на постоянку за рубеж?

Начальник таможни оказался в общем-то человеком незлым. Он искренне посочувствовал художнику. («Как человек я вас понимаю»,— сказал он.) Но картины не пропустил.

— А какими документами он мотивировал свой отказ? — спросила я у Сергея.

— Да никаких документов у него и нет. Кроме одного. В котором указывается, что подарки можно провозить за границу на сумму, не превышающую 100 рублей. Сегодня, кажется, уже — 30 рублей.

— Сколько же стоили ваши картины?

— Комиссия Минкульта не проставляет художникам цены, поскольку все равно мы имеем право на беспошлинный вывоз пяти работ (раньше — десяти, а еще раньше их число не было ограничено).

— Да какое же он имел право!..

— А никакого, кроме собственного убеждения в том, что поступает правильно. Таможня не подчиняется никому, кроме Совета Министров.

Во какие у нас люди на границе стоят! «Любимый город может спать спокойно»...

— Что же вы теперь собираетесь делать?

— Что делать? Вот уезжаю в Кёльн, где меня уже ждет мастерская. Мне предложили делать выставку, но я сразу сказал, что в Союзе работать не смогу. А вдруг завтра ни одной картины отсюда нельзя будет увезти?..

Что ж, вполне возможно. Ведь вся прелесть нашей жизни — в ее постоянном обновлении и перестройке. Наверное, нигде в мире изменения инструкций и распоряжений не носят характер такого упорного постоянства, который заставляет в конце концов поверить в существование некоей таинственной сети заговорщиков, клепающих взаимоотрицающие документы с целью дезинформации населения. Это только наивные иностранцы, отчаявшиеся что-либо понять в советских законах, списывают все на загадочность русской души. Русью здесь и не пахнет.

А вот другая исповедь:

«Здесь мне все время приходилось доказывать свою профессиональную состоятельность, поскольку мои работы не продавались и не висели на стенах музеев. Когда я уехал, у меня впервые в жизни за многие годы появилось состояние душевного равновесия. Я понял, что мои работы нужны людям. Они находятся в галереях, музеях, частных собраниях. Они там прекрасно содержатся. Здесь же они стояли в коридоре, прислоненные друг к другу, и никому не были нужны. За всю мою жизнь ко мне не пришел ни один музейный работник. Живя на Западе, я имею все, что мне нужно,— краски, холсты, прекрасную мастерскую. Я чувствую заинтересованность в себе. Не то что здесь...»

Этот монолог могли бы повторить многие из тех, кто сегодня популярен на Западе. Говорят, успех советского авангарда временен. Не знаю. Возможно. Но, пусть временный, он есть. Здесь же нет никакого.

О каких же изменениях можно говорить всерьез, если осталось неизменным главное — старое отношение к художнику, который постоянно в роли просителя перед государством — выставки, мастерской, холстов, красок, заказа, поездки за границу, а те, кто не хочет просить, в другой роли — потенциальных контрабандистов и фарцовщиков.

И вот почему. Осуществляя продажу своей работы через государственного посредника, художник, как известно, получает только десять процентов в валюте, остальные «деревянными». Что же удивляться, что он предпочитает работать с покупателем напрямую, без всяких посредников, обогащая нашумевший опыт писателя Эдуарда Успенского, который отказался от услуг ВААПа и, по недавнему признанию в «Литгазете», поживает «прекрасненько», поскольку все договоры теперь заключает сам и все проценты получает сам. Что же до страны, которой нужна валюта, она ее не получает вовсе. Правда, в отличие от писателя Успенского — личности скандальной, большинство художников предпочитают действовать втихую, возможно, в глубине души и ощущая угрызения совести.

Что же касается контрабанды, то тут вообще дело темное. Такое впечатление у меня создалось после того, как по Центральному телевидению несколько дней подряд шли сюжеты о поимке в «Шереметьево» разных личностей, пытающихся перевезти через границу иконы, самовары, картины, шкатулки и прочие вещицы, попадающие в разряд национального достояния. Видимо, на границе шел какой-то рейд, поэтому и показывали. По крайней мере сотрудники в погонах угрожающе заявляли населению, что коллегия КГБ СССР приняла постановление, предусматривающее широкий комплекс мер по борьбе с контрабандой. Что считать контрабандой, при этом не уточнялось. Похоже, этого не знает никто. Потому что иногда нам показывали действительно музейные вещи, иногда камера наезжала на какие-то явные поделки из Измайлова. Хотя в соответствии с новыми правилами картинка, купленная за сорок рублей в Измайлове, и без шуток уже контрабандный товар, за который и посадить могут...

Я КГБ боюсь. Хотя контрабандой никогда не занималась. Теперь, после принятия постановления, боюсь еще больше. Но я не думаю, что оно напугало опытного контрабандиста, который наверняка уже вырабатывает встречный «комплекс мер» по борьбе с КГБ. В данном случае меня не волнует, кто кого перехитрит, так сказать, игра умов, хотя все мои симпатии на стороне властей. Убеждена: контрабанда была, есть и будет. Если уж из музеев и спецхранов исчезают вещи, куда уж дальше...

Но что меня встревожило всерьез, так это «комплекс мер» — плод коллективной мозговой атаки сотрудников КГБ. Я не знаю, что имеется в виду, но могу предположить. Наверное, вскоре, отправляясь за границу, наши чемоданы будут просвечиваться не один, а три раза. А может, всех будут раздевать догола на таможенном контроле? А можно еще меру предусмотреть: все, что сегодня еще только создается в мастерских, объявить национальным достоянием, народным добром без права вывоза — узаконить произвол начальника таможни, запретившего вывозить работы Сергею Мироненко. А что?.. Общественное мнение к этому уже давно подготовлено. Еще в середине семидесятых Эрнст Неизвестный, восхищенный цинизмом чиновников, писал: «Даже мои скульптуры представлялись многим не моей собственностью, а их достоянием». И сегодня, как мы видим, они убеждены, что это **их.**

А что же остается художникам, если все их — **их?**

Ясно что — умереть на чужбине от тоски по Родине.

«СОТБИС» ВИНОВАТ?..

Ну, хорошо, Мироненко, бог с ним, «профнепригодный» и поэтому рвется на Запад. А где же наши звезды? Где наши художники-авангардисты? Почему ни одной персональной выставки ни у Кабакова, ни у Пурыгина, ни у Брускина — так, чтобы с помпой, с рекламой в программе «Время»? Где развернутые публикации в массовых журналах? Где интервью в газетах с размышлениями о современном художественном процессе? Почему же наши кумиры эстрадные, театральные, кинематографические и даже литературные — с нами? А эти так страшно далеки от народа?..

А где их картины? Начинаешь спрашивать, и выясняется — картины Брускина в галерее «Мальборо», в Нью-Йорке. Штейнберга — в Париже, в галерее «Клод Бернар». Чуйкова? В Кёльне. Затуловской? В Лондоне. Пурыгина? У Нахамкина.

В чем дело?

— Ну конечно, тогда, два года назад, на «Сотбисе» все и началось,— сказал мне один чиновник Минкульта,— весь этот беспрецедентный вывоз произведений искусства за границу.

Ах, как нам приятно и легко винить зарубежных галерейщиков за то, что они создали прекрасные условия для наших художников. Конечно, виноваты они, а не мы, которым ничего не надо и которые не в состоянии даже создать музей современного искусства в Москве.

Да, нам жаль, что лучшие работы наших современных мастеров уходят в западные коллекции и музеи. И это чувство имеет свою историческую основу. Семидесятилетняя история нашей страны, оторванной от всего мира, породила нашу сегодняшнюю психологию, ограниченную чертой государственной границы. Француз, стоящий перед картиной Моне в Пушкинском музее, не испытывает никаких других чувств, кроме восхищения и гордости за своего соотечественника. Ибо он осознает художника Моне гражданином мира, а его искусство — как дар человечеству, а не одной Франции. Мы же все выясняем: «наше — ваше»... И при взгляде на полотна Шагала или Ларионова в центре Помпиду в Париже у нас превалирует другое чувство — чувство потери. Потому что за каждой работой мы видим и горестную судьбу ее создателя. Потому что знаем: оказались они за границей **неестественным** путем — или в результате вынужденной эмиграции художника из страны, или как последний шанс сохранить работы вообще.

Сегодня ситуация еще усугубилась. По существу, мы перед лицом новой волны эмиграции... И причина здесь не идеологическая, а экономико-нравственная.

Вся история нашей страны и судьба нашей интеллигенции доказали одну простую истину: спасение культуры — не в возведении таможенных заслонов и не в драконовских методах давления на художника, а в создании ей более выгодных и благоприятных условий для развития на родной почве.

Если художник будет уверен, что его картины не валяются в запасниках и подвалах, а висят на стенах музея с хорошей репутацией, если его достоинство не будет ежедневно оскорбляться осознанием того, что он нужен стране лишь как инструмент для выкачивания валюты, если он будет чувствовать юридическую защищенность и если, наконец, ему дадут понять, что его работы прежде всего его частная собственность, тогда, убеждена, у него появятся потребность и желание оставлять их здесь, на Родине. Да и самому оставаться...

* * *

«Сотбис» гордится тем, что проводит первый международный аукцион художественных произведений в Советском Союзе. Мы уверены, что он не будет последним, так как для развития культурных связей нет ничего лучшего, чем свободный обмен идеями и произведениями искусства между молодыми художниками, коллекционерами и студентами факультетов изобразительных искусств всех стран мира».

Достопочтенный граф Гаури,
председатель «Сотбис», Лондон

В старинной церкви XVII века Григория Неокесарийского на Большой Полянке, под сводами с полуразрушенными фресками, среди стеллажей с картинами, бюстами, скульптурами стоит прислоненная лицом к стене «Асса, племяши» Сергея Шутова. А если пройти в глубь церкви за бывший алтарь, то можно увидеть огромный заваленный на стену трехметровый холст — картину Ильи Кабакова. Они стоят здесь уже два года. Сколько еще?..

P. S. Конструктивная идея. Главному управлению таможенного контроля при Совете Министров СССР предлагаем выступить спонсором благородной акции — создания на основе их богатейшей коллекции музея современного искусства в Бресте или «Шереметьево-2».

Наталья ЗАГАЛЬСКАЯ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РЭКЕТИРОВ

Просим принять к сведению, что Сергей Шаров не продавал своих работ за двести двадцать тысяч долларов, как сообщалось в материале «Страсти на рынке искусств» («Огонек» № 9). Редакция использовала ошибочную информацию, опубликованную в журнале «Англия».

Мы в редакции очень не любим то, чего не можем понять. В этом мы тождественны с целым рядом людей, руководивших страной, а также ее искусством и литературой в недавние времена. Но в отличие от вышеупомянутых товарищей мы не стремимся к запрещению того, чего мы не понимаем или к чему не испытываем симпатий. Может быть, другие испытывают. Может быть, они счастливы своим пониманием того, что нам недоступно. Единственное, на чем настаиваем в журнале — это открытое и уважительное к точке зрения других людей изложение своих взглядов. Скольким мы дали высказаться — от Д. Налбандяна (давно) до Е. Матвеева (недавно)! Мы с удовольствием выслушали бы и народную певицу Л. Зыкину, жалующуюся на невыдержанность демонстрантов и переполненный холодильник, и народного депутата и писателя В. Белова, настаивающего на цензорском надзоре за изящной словесностью. Интересно...

А с другой стороны? С другой стороны, мы предлагаем вам интервью с композитором Ю. Ханиным. Он молод и петушино непочтителен; его невоспитанность показалась нам забавной. Что поделаешь — дело ведь в том, что даже международное признание немногого стоит, пока оно не подкреплено признанием тех, кто рядом с тобой. Хочется верить, что у молодого композитора многое впереди; возможно, он и нервен потому, что торопится быть узнанным,— он ведь еще не услышан как следует...

Приходят новые поколения. Конечно, правительство или даже творческая организация не футбольная команда, возраст здесь не столь важен. Но без молодых прогресс немыслим. Опытных, известных мастеров мы уже представляли вам. И еще представим. А сейчас — собеседник молодой и нетерпеливый. Кто на новенького?

Фото А. ГЕЗЕНЦВЕЙ

ИГРА В ДНИ ЗАТМЕНИЯ

ПОЗИЦИЯ

Дмитрий ГУБИН

Юрий Ханин — композитор. Известен он, разумеется, мало. Во-первых, а кто вообще из композиторов у нас известен? Во-вторых, он молод, юн, ему двадцать четыре — дитя! На музыку возраст не влияет (ну, Моцарт, как известно...), но влияет на социальный статус: и на службу не ходит, и на пенсии не сидит, в общем, тунеядец и хорошо, что не бомж. Балет и опера-антракт «Шагреневая кость» нигде не ставились, «Средняя симфония» и «Три пьесы о музыке» никогда не исполнялись, не говоря о более мелких вещах. И мне не объяснить, что такое музыка Ханина, поскольку она, как ни пиши, звучать с бумаги не станет, даже если бумага нотная.

«Одним из трех композиторов» Юрия Ханина назвал Союз кинематографистов. После музыки к фильмам Александра Сокурова «Дни затмения» и «Спаси и сохрани» было признано, что Ханин — «один из трех композиторов, вошедших в номинацию за 1988 год». Я тоже не знаю, что такое номинация, но еще двумя вошедшими были Шнитке и Гребенщиков. Запад, как водится, оценил Ханина выше, присудив в том же году и за ту же музыку «Евро-Оскара», и не сомневаюсь, что «Полидор», «ЭМИ» или «Филипс» запишут Ханина раньше, чем «Мелодия».

Официальное признание Ханина, таким образом, кинематографическое. «И вот, Юра,— говорю я ему,— издадут твою биографию и начнут ее словами: «Юрий Феликсович Ханин — популярный композитор советского кино», а?» Мы сидим у него в квартирке на Петроградской стороне, среди кактусов, орхидей, бамбука, партитур, фотографий Л. И. Брежнева, приветствующего разнообразно Тихоокеанский флот, картин и чуть картинной нищеты, в которую не вписывается лишь шикарный австрийский микрофон. В аквариуме ходит кругами рыба тиляпия размером с небольшую собачку. «Не сядь на кактус, мужик,— ласково говорит в микрофон Ханин.— В раннем детстве я прочел в энциклопедии первого издания, что была в России в XVIII веке религиозная секта скопцов, причем оскопление выделялось большое и малое...» — «Юра, мы пишем интервью?..» — «И автора этого я не тронул бы лишь потому, что человек, назвавший меня композитором для кино, судя по всему, в какой-то момент жизни уже претерпел большое оскопление...»

Тиляпия колотится в стеклянную стену в том направлении, где стоит на фарфоровой мыльнице фарфоровый же бюст вождя И. Сталина. Ю. Ханин убирает микрофон, который все равно включать некуда за отсутствием в доме аппаратуры, а я достаю диктофон. Мы начинаем.

— Если бы тебя можно было охарактеризовать одним аккордом, то это был бы...

— Домажорный аккорд, разумеется.

— Правда ли, что государственный экзамен в консерватории ты сдавал, лежа на рояле?

— Нет. Я просто сел под рояль и читал там некоторое время книгу. Меня никто почти и не видел. На рояле и под роялем — это принципиально разные вещи. Если на рояле — это эпатаж, а если под роялем — просто акт внутренней скуки.

— Говорят, во время твоего концерта «Музыка собак» в Свердловске слушатели разгромили зал.

— Тоже вранье. Советские люди настолько обрюзгли в понимании эстетики, что такой реакции на музыку, как скандал или драка, просто не может быть. Это не Франция начала века, когда после премьеры «Парада» Эрика Сати случилась потасовка, два критика избивали друг друга палками, а самого Сати посадили на двадцать дней в тюрьму... Я себя нисколько не тешу мечтаниями, что такое может быть на моем концерте, пусть даже он представляет целое сочинение, называемое "Публичные песни», или «175 песен Голенищева-Кутузова», где слово «публичные» говорит о том, что музыка написана для публики неподготовленной, а потому усложнена всякими шокирующими штучками. И хотя мой бывший менеджер рассказывал, что в женском туалете одна женщина призывала таких, как я, расстреливать, а другие с ней активно не соглашались, и потасовка все же произошла, это вовсе не реакция на мою музыку. И когда вопль в зале забивал оркестр — тоже. Это реакция на внешний ряд музыки.

— Будешь ли ты писать музыку для нового фильма Сокурова?

— Конечно, нет. «Дни затмения» стали для меня разочарованием совершенно жесточайшим, потому что Сокуров с музыкой не справился и она как таковая в фильме отсутствует. Там есть три музыкальных клипа, которые реально заняли то духовное место, которого в фильме нет. Может, потому они и произвели впечатление на разные жюри. А из двух часов музыки, написанной для «Мадам Бовари», которая теперь «Спаси и сохрани», Сокуров оставил десять минут — очевидно, для того, чтобы она такого впечатления уже не производила. Однако некоторая часть музыки все же была реализована Безрукову в его фильм «Эутаназия». Что в переводе значит «легкая смерть», подразумевается — самоубийство.

— С твоего позволения, я дам справку читателю. Игорь Безруков — молодой режиссер так называемого «параллельного кино» новой ленинградской волны. Начинал в киношколе Сокурова. Последнее время работает в жанре некрореализма, то есть показа на экране смерти во всех ее стадиях... Теперь объясни, пожалуйста, чем тебя привлекает некрореализм.

— Да ничем не привлекает. Я просто отдал музыку, когда Безруков, прости за каламбур, взял меня рукой за горло. Я тупой старорежимный мужик и даже думаю, что никакого некрореализма не существует вовсе, а существуют придумавший коммерческий термин талантливый режиссер Юфит и плеяда скопцов, кружащихся вокруг него наподобие акул, как эта плеяда есть и в советской музыке, и везде, где угодно.

— Ты очень не любишь Шостаковича?

— Во время съемок «Киносерпантина» я назвал Шостаковича государственным композитором СССР, за что меня из передачи и выкинули, чем, кстати, замечательно доказали мою правоту.

Я должен прерваться, любезный читатель. Тиляпия взбесилась в аквариуме, и глаз вождя недобро заблестел. Забыл предупредить: мы с Ю. Ханиным почти ровесники, но он не просто дитя — он анфан террибль, ужасное дитя нашего искусства, и я по сравнению с ним — добропорядочный бюргер. В нашем искусстве — сбор подписей, создание образов Ельцина — Лигачева, гладиаторские бои партсобраний, а для Ханина политическое время относительно. Он уже год как написал балет «Окоп» для пересеченной местности (две траншеи с пулеметными гнездами, между которыми и развивается сюжет; смысл в том, чтобы дотанцевать под огнем хотя бы до второго акта; пулеметы настоящие)... Все советское искусство серьезно: под его влиянием даже диабетик, потеряв карточки на сахар, способен взять Смольный штурмом в борьбе за права. Ханин же в музыке строит воздушные замки из кирпича, выворачивает их вдруг наизнанку, рассыпает кирпич песком, из песка варит варенье, с невинным видом предлагая ошалелым дегустаторам: вот в этом соль! Он жгутом завивает мелодию «Скудного влса», под который и Наташе Ростовой не грех свальсировать раз-два-три с народным артистом СССР Вячеславом Тихоновым, но когда слушатель роняет слезу умиления, вдруг плещет краснознаменной вариацией «То береза, то рябина», а сам вальс как-то подозрительно логично переводит в разухабистое ча-ча-ча. В «Канонической прелюдии» хорошо поставленный баритон десять раз повторяет с нежностью «Вместе с тем, а...» (музыка Ханина, слова ТАСС), но и шестого хватает, чтобы вошли санитары... В общем, я уже предупреждал, что рассказывать музыку бессмысленно.

— Юра, у тебя было обычное ленинградское музыкальное детство? Гаммы с пеленок, фортепиано и фортепиано, сосед по коммуналке, стучащий в стену топором? Так?

— Это яркая картина, конечно, но у меня происходило по-другому. Хотя бы потому, что в коммунальной квартире я жил до одного года и за это время реально ничем, кроме вокала, не занимался. Кроме того, я и в детстве, и теперь страдал экстремистскими замашками. И если обычно известна ситуация, когда бабушка привязывает внука цепью к роялю, то в моем случае я закрывал бабушку на крючок и уходил гулять, а потом возвращался и устраивал переговоры, на каких условиях ее выпускаю... За фортепиано я сел в три с половиной года. Моя мама долгое время была единственной женщиной в Ленинграде, играющей на самом большом в мире инструменте — контрабасе. Но музыка сама по себе меня не привлекала ни тогда, ни в школе.

— Это была музыкальная школа?

— Да, для особо одаренных детей при консерватории. Там одиннадцать лет надо учиться... Так вот, мой педагог Жуковская отзывалась обо мне следующим образом: нерадив, занимается мало... Туп... В общем, ничего из себя не родив, уже туп. Потом я перешел к другому педагогу, Леониду Зайчику. Еще хуже: и заниматься не хочу, и не скрываю этого. Но оба добавляли, что «тем не менее» очень музыкален. Хотелось бы знать, что это значит, да? Правда, наследственность у меня прочная и оригинальная. Мой родной дед по матери Михаил Николаевич Соловьев-Савояров был в 10—20-е годы известнейшим лицом, королем юмора и эксцентрики. Имел собственный театр и, не зная нот, сочинял музыку. У меня есть несколько его изданий, из которых ясно, что он работал в жанре «Маша-киса, Маша-киса, мяу-мяу...» — такие вот, значит, вещи... Но он был великий эксцентрик и пантомимист. Сам пел свои песенки, представлял их в лицах, а бабушка аккомпанировала. О нем мало упоминаний в литературе, потому что в свое время он был изобличен и раскулачен как нэпманская культура, а нэпманская культура на советскую, к сожалению, мало повлияла... Но одно упоминание я хорошо запомнил. Блок, придя к Мейерхольду на репетицию «Балаганчика», остался крайне недоволен и сказал: «Вы бы прежде сходили в театр к Савоярову и посмотрели, как он работает. Вот так нужно ставить «Балаганчик». Ну, а я в себе какую-то связь с дедом чувствую, тем более что я очень похож на него, а ни на кого другого в нашей семье не похож совершенно.

— Твой экстремизм имел последствия во время учебы?

— Меня отчислили на восьмой год из класса фортепиано, хотя в середине года на концерте я сыграл удачнее всех. Я исполнял сочинения Скрябина, которые меня сильно радовали, а на выпускном экзамене пришлось играть скучнейший концерт Моцарта, и я в середине его действительно заскучал и начал играть что-то свое. Я уже тогда был типичным волюнтаристом, не склонным к исполнительству ни в каком виде, и занимался делом, если в нем была хоть какая-то доля моего творчества... Экстремизм проявлялся и в том, что я попал сразу в два директорских списка: круглых отличников без четверок и троек — и имеющих сразу две двойки в четверти. Я отказался ходить на урок гармонии, заявив, что гармония суть окаменение человеческого мозга и вообще мне не нужна, поскольку я иду после школы в ветеринарный институт. Директор озверел от меня совершенно, ведь это все равно как, еще не окончив Высшую партийную школу, заявить о вступлении в Демократический союз.

— Шокируя всех, ты выражал свой протест против определенной системы?

— Нет, я действительно собирался после школы поступать в ветеринарный институт... на отделение болезней рыб и пчел. И довольно много занимался общей биологией, подумывал одно время об отделении теоретической биологии университета. Но потом я понял, что при деструктивных наклонностях моих мыслей совершенно ошибочно работать в науке. Потому как наивысшего достижения в области теоретической биологии я уже достиг, опровергнув систематику растений и животных, в результате чего всякая систематика разрушалась и дальше не над чем было реально работать.

— В школе ты уже пробовал сочинять музыку?

— Это случилось только за два месяца до поступления в консерваторию, я написал «Несонату № 1» и «Несонату № 2» для фортепиано.

— Тебе действительно не хотелось писать музыку? Не хотелось самоутвердиться, перейти на иную ступень жизненной лестницы?

— Я вообще считаю, что просто писать музыку, чтобы выплеснуть из себя положенную порцию сыворотки или ради каких-то музыкальных задач,— довольно скучное и позорное занятие. Реально в юные годы я трудился над созданием некоей абсолютной доктрины, которая для меня самого оказалась всеобъемлющей, тотальной и абсолютно новой, потому что объясняла жизнь как целое. И сейчас для меня писание музыки — именно воплощение этой доктрины, когда каждое сочинение является недостающим звеном общего релятивистского ряда. У меня нет по отношению к своей музыке ни профессиональных, ни человеческих задач, у меня одна задача: чтобы слушатель... Чтобы, когда сквозь него прошло это сочинение, перед глазами осталась некая релятивистская пустота, которую иначе не выразить... Я сейчас постараюсь объяснить... Вот Стравинский когда-то совершенно правильно сказал, что музыка как искусство не способна ничего выражать, но существует, однако, судя по всему, тот пласт мысли, где мысль словами выражается уже с трудом...

— Мысль на уровне идеи, предшествующей мысли? «Быть может, прежде губ уже родился шепот»?

— Да. И музыкальный звук используется в назывном порядке, а смысл проясняется именно через невыразимость смысла. И в связи с этим музыка может быть какой угодно, но главное, чтобы каждый ее такт помнил об этой истине. И я настаиваю на том, что вся музыка, которую я пишу, не просто музыка, а музыка о музыке. У меня есть, например, «Три пьесы о музыке». Это пьесы для фортепиано, там нет никакого речевого текста, но по своей сути это не музыкальные пьесы, а именно пьесы о музыке. Чисто образно, мне кажется, это можно понять.

— Скажи, кто из философов близок тебе если не по методу, то по ощущению?

— Дело в том, что для меня все философы очень четко делятся на две категории. В детский этап мысли я открывал Америки, не имея доступа к философской литературе. Так я открыл мальтузианство, а потом уже Мальтуса. Затем пришел к субъективному идеализму, а позже узнал Шопенгауэра. Ближе других был Юм, но и это имя я называю просто потому, что ты задал соответствующий вопрос... Ни с одним схоластическим философом, включая Юма, у меня не было ни внутреннего диалога продуктивного, ни каких-то активных отношений. Для меня самые яркие — это философы-практики, которые, достигнув какого-то понимания жизни как целого, начинают последовательно, так сказать, эту жизнь искажать в соответствии со своим пониманием. И первым видом творчества, открывшимся мне, было именно искажение жизни. А ярчайшим философом-практиком я считаю Александра Николаевича Скрябина.

— А Владимира Ильича Ленина?

— В моем понимании Ленин даже не философ, а величайший эстетик. Я глубоко, например, проработал его «Материализм и эмпириокритицизм» и пришел к выводу, что это крупное произведение беллетристического жанра. А его ярчайшая фраза о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране позволяет к этой стране относиться как к картине в одной, отдельно взятой раме. Я в свое время пришел к мысли, которую потом вычитал и у Татлина, о чем считаю необходимым сказать, что суть большевизма — это творчество в истории. Реально это историческая эстетика, и Россия XX века может рассматриваться как величайшее произведение искусства. Сейчас, впрочем, это довольно распространенная идея...

— Тебе, видимо, весело жилось в консерватории с твоими взглядами. Держу пари, что тебя хоть раз, да исключали.

— У меня сохранились ярчайшие воспоминания прежде всего о том, как меня включали. Приемная комиссия сидит — профессора Слонимский, Арапов, уже такие духовные старцы, типа Державина, что могут меня благословить... И как только я сыграл «Несонату № 1», вдруг Слонимский вскочил, начал швырять стулья, там что-то затрещало, искры по воздуху посыпались... Мне потом передавали его заключения: «Зачем вы его принимаете, я его все равно со второго курса исключу»... Я очень люблю людей, которые выполняют свои обещания.

— Был повод?

— Формально я не сдал экзамен, но на самом деле написал небольшое трехминутное сочинение для гобоя и фортепиано «Приевшиеся жужжания памяти великих композиторов», за него и гнали. Меня очень порадовали формулировки, при которых это все происходило. Встал Тищенко...

— Тищенко — это...

— Это любимый ученик Шостаковича. «Это же не Музыка! — сказал он.— Это издевательство над музыкой. Это площадное шутовство!» И здесь как раз, судя по всему, он попал в точку. Но дальше сказал уже явно неправильную вещь. Он сказал: «Вот что вы здесь кривляетесь? Вы пытаетесь нас насмешить? А нам не смешно!» Это как Лев Толстой о Леониде Андрееве — «он пугает, а мне не страшно», ярчайшая фраза... И я ответил Тищенко: «Борис, ты не прав». Мужик как-то сразу окаменел немножко и стал прохаживаться уже по поводу моих названий, что, мол, они тоже не смешные. Да я и не собирался их делать смешными! Или, как мне Арапов сказал, ему лет 90, он еще вполне мог в раскулачиваниях композиторов участвовать: «Мы вас приняли в консерваторию. Мы вам доверили серьезное, ответственное дело — писать музыку. А вы тут чем занимаетесь?!» Какой все-таки звездный человек, а?..

— Удивительно, что тебе удалось восстановиться.

— Когда Равеля наградили орденом Почетного легиона, Равель демонстративно от него отказался. А Сати написал по этому поводу, что, мол, хотя Равель от ордена отказался, все творчество Равеля этот орден принимает. У меня наоборот. Моя музыка ордена Почетного легиона не принимает, хотя сам бы я его принял с большим удовольствием. И когда профессор Цытович, единственный, по-моему, либерально настроенный профессор Ленинградской консерватории, помог мне восстановиться, музыка моя восстановленной в консерватории быть не могла. Моя правильная музыка. Но помимо правильной, существуют еще музыки служебная и подставная, которые в тот печальный период тесно сомкнулись, чтобы я мог закончить консерваторию. И я писал музыку, ярко ориентированную на самые тусклые образцы засохшего академизма вроде Тищенко или

Слонимского, музыку, которая ко мне не имела абсолютно никакого отношения. Но за это мне ставили четверки, с которыми я и закончил консерваторию.

— Кстати, ты не помнишь, что за книгу читал под роялем на выпускном экзамене?

— «Профессиональный антикоммунизм» Эрнста Генри. Это тогда сильное впечатление на всех произвело. Я очень люблю покупать книжки с такими названиями, когда не ясно, то ли это критика, то ли пособие...

— Правильная, подставная и служебная — это жанры музыки?

— Это виды, причем последние два представляют собой музыку чуждую. Жанры различаются внутри правильной, то есть настоящей музыки. «175 песен Голенищева-Кутузова», например, написаны в публичном жанре. Внутри него могут быть разные поджанры, скажем, «песня», «ностальгическая песня», «большая человеческая песня». Мое сочинение «Его дни затмения» — это большая триумфальная арка, округлое такое построение, когда в середине пусто и две пики по бокам... Существует ярко выраженный реваншистский жанр. Вот сдаю я в консерватории экзамен, предположим, по марксизму-ленинизму. Получаю пятерку. Отправляюсь после этого на кафедру марксизма-ленинизма и устраиваю там погром: рву учебник, портреты и так далее. Мне нужно взять реванш за то унижение и окаменение лица, которое я пережил на экзамене. Точно так и с музыкой. После того, как я написал музыку к сокуровским «Дням затмения», что я считаю заведомо неправильной, служебной деятельностью, я должен был себя реабилитировать за эту неправильную работу. И я написал «25 песен на стихи А. А. Фета», на которых толстый слой реваншистского духовного налета, потому что в иной ситуации они бы не появились. Есть жанр ложноклассический, когда сочинения, имеющие на слух классическую направленность, внутри себя ее отрицают, выворачиваясь, как лента Мебиуса, таковы, например, две грандиозные фрески — «Средняя симфония» и «Симфония собак». И есть, наконец, сочинения внутреннего жанра. Это произведения, смысл которых при прослушивании не ясен до конца, потому что они содержат черты подставной музыки, хотя внешне могут быть даже более правильными, чем обычные правильные. Сюда же относятся произведения, смысл которых явно отсутствует, заменяясь чисто музыкальными задачами.

— Наверное, новоиспеченных композиторов после консерватории распределяют, как и любых молодых специалистов. Но куда?

— Оканчивающие консерваторию, надо сказать, очень редко имеют квалификацию композитора. В общем, в диплом выпускникам обычно пишется инструкция, что они преподаватели музыкально-теоретических дисциплин. И, если есть возможность, их в этом направлении и распределяют — в музыкальные школы, училища... Но Ленинград в этом смысле сильно затоварен, и распределять преподавателей музыкально-теоретических дисциплин уже совершенно некуда. Поэтому, когда я принес справку за пятью печатями, что у меня контракт с Сокуровым на пятьсот миллионов долларов и, таким образом, я до старости обеспечен разнообразными формами собственной тупости, мне дали свободное распределение. У меня даже трудовой книжки до сих пор нет. Ничего нет.

— А сколько, если не секрет, ты действительно получил за музыку к «Дням затмения» и «Спаси и сохрани»?

— Александр Николаевич Сокуров умудрился меня дважды... Для «Дней затмения» я написал 40 минут музыки, но только тогда, когда выяснилось, что это музыка непреходящего исторического значения, мне оплатили половину. По договору же к «Спаси и сохрани» мне должны были оплатить 112 минут музыки по семьдесят рублей, но заплатили опять вдвое меньше. Эти деньги я сразу вложил в создание ассоциации кооперативов, назову ее для пущей безопасности «Керн», а сам долгое время жил тем, что зарабатывал на жизнь перезаписью кассет с программным игровым обеспечением для компьютера «Атари»...

— Ага, ты помнишь чудное мгновенье — перед тобой явился «Керн», и ты теперь как бы держатель акций? Мелкий бизнес, кроссовки-клипсы-календарики плюс ненависть населения?

— К сожалению, вместо ненависти населения я получил в конечном счете ненависть владельцев «Атари» и остался на полной мели. Кроме того, у меня астма — типичная болезнь петербургского болота, и все деньги уходят на врачей. Что касается «Керна», то он объединяет несколько научно-технических кооперативов, он был создан с дальним прицелом, чтобы открыть свою киностудию... Не для «параллельного кино» и не для простого кино, а для кино, которое строится на сильной технической базе, связанной с обработкой кадра компьютером. Кинокадр переводится в высокострочное телевизионное изображение и обрабатывается до получения совершенно четкого гиперреалистического кадра, построенного по живописным законам. И я сейчас являюсь как бы художественным руководителем этой пока что не существующей киностудии и опять-таки сижу без денег. Но пока киностудии нет, «Керн», например, занимается финансированием проекта по созданию музея вождя. Вот вождь фарфоровый на мыльнице стоит — он как раз экспонат музея.

— Юра, демократы могут немножко пострелять в тебя, если ты не объяснишься более ясно. «Керн» финансирует создание в Ленинграде филиала музея вождя в Гори?

— Идея создания своего музея вождя витала давно, но только сейчас реально появились деньги на пополнение фондов и аренду помещения... Я уже говорил, что история России XX века скорее эстетическая, чем политическая. И вот я и еще двое моих друзей решили создать эстетический музей. В качестве одного из первых экспонатов была закуплена за сто рублей гранитная четырехметровая статуя Кагановича, находящаяся в подвале одного военного училища. То есть «закуплена» — слово условное, какой-то мужик сказал: вот есть Каганович. Мы посмотрели — действительно есть! — и премировали мужика ста рублями. Но поскольку статуя здорово вросла в землю и без подъемного крана ее не поднять, Каганович пока отдыхает и дожидается, пока его перенесут в город Ломоносов и установят на земле Центра гуманитарных разработок одного из ленинградских кооперативов...

— Существуют ли для тебя серьезные жизненные проблемы?

— Дело в том, что в работе я постоянно сижу между двух стульев. С одной стороны, я академический музыкант. И хотя моя музыка находится в оппозиции к академизму, она в общем-то академическая. Скажем, «Симфония собак» — это по жанру музыковедческая симфония, и исполнение ее рассчитано на людей, умеющих слушать симфонический оркестр. Но поскольку я не член Союза композиторов и вроде бы не собираюсь им быть никогда, я отрезан и от филармонических залов, и от звукозаписи, которые узурпированы этой совершенно нетленной организацией. Но, с другой стороны, я не могу сесть и на тот стул, что занимают, скажем, рок-группы, потому что я не могу писать в расчете на такой коммерческий успех. И даже то, что концертный зал на 1500 мест во время исполнения «Музыки собак» был набит битком и вопил от восторга,— это нонсенс, а не показатель. Может, человек пятьдесят понимали то, что я написал. А остальные хохотали, как, бывает, нервно, но радостно хохочут, когда самолет проваливается в воздушную яму... И вот всю эту перестройку я слышу вокруг такой нервный смех, сопровождающий статьи, телепередачи и редкие концерты, а мое положение как композитора ухудшается с каждым годом. Я пишу даже не в стол, а в какую-то пустоту...

— Но для кино ты будешь еще писать?

— Когда-то даже Эрик Сати написал несколько музык для кино, но в те годы кинематограф нес совершенно иную нагрузку. А сейчас писать для кино — дело не очень достойное, скорее служебное, чем творческое, я считаю. И пишут для кино композиторы обычно слабейшие. И кино для них — это кормушка, куда они суют свои рыла и немножко почавкивают в этом корыте, создавая достаточно слабый продукт. Может быть, единственное, над чем бы я согласился работать,— над непрерывным симфоническим фильмом. Мне даже предлагал Московский инновационный коммерческий банк 800 000 под такое дело. Я им говорю: если снимать фильм, то музыку писать когда? А они: в перерыве между съемками. Нет, мужики, отдыхайте... Это несерьезно, и не мое это дело — снимать кино. Я не знаю, кто бы мог снять такой фильм.

— Как-то грустно про это слышать. Может быть, ты расскажешь о более веселых предложениях сотрудничества?

— У Верди есть опера «Сила судьбы». И у меня тоже есть опера «Сила судьбы», одноименная. И както мне последовало предложение от одной женщины, режиссера Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве. Она сказала: «Вы нам не дадите какую-нибудь оперу?» — «Я — пожалуйста, я — дам, только, боюсь, она вас не заинтересует...» — «Ну почему же вы так сразу: не заинтересует... А что за опера?» — «Сила судьбы». — «Так у Верди же есть «Сила судьбы»!» — «А это одноименная опера». — «Да, не заинтересует...»

— И последнее, Юра. Если бы после долгого восхождения ты вскарабкался на вершину высокой горы и обнаружил там рояль, то что бы сыграл?

— Думаю, что столкнул бы его вниз. И что бы он при этом сыграл, то и было бы моей музыкой.

ЗАТО МЫ ДЕЛАЕМ РАКЕТЫ

Продолжение. Начало на стр. 4.

с шахтными водами, окрасившимися в неестественно голубой цвет отравляющими веществами, попавшими под землю с поверхности. Источником загрязнения могла стать свалка, незаконно устроенная лет тридцать тому назад Горловским химзаводом близ шахты. Опасность такого соседства очевидна даже для неспециалиста. Ядовитое дыхание превратило некогда живописный уголок природы с хрустальным прудом, уютными пляжами и грибными местами в безжизненную пустошь. Обуглившиеся деревья, напоминающие рыжий чернобыльский лес, не оживить. Но оградить людей от опасности, таившейся в «химическом реакторе», можно было.

Углегорцы наверняка не пострадали бы, выполни министерства пункт январских мероприятий об инвентаризации выбросов на подведомственных им предприятиях. Свои услуги по определению источников и масштабов загрязнения методом экологогеохимического картирования предложила горловская геологоразведочная экспедиция еще в феврале. Инициативу не заметили.

Когда «химическая бомба» взорвалась в забоях «Углегорской», новая комиссия отреагировала на ЧП записью в протоколе № 2: «гг. Горловки и Енакиева в недельный срок передать в комиссию сведения о наличии и ведомственной принадлежности свалок промышленных отходов».

Вертолетный облет Горловки на предмет обнаружения самодеятельных могильников дал потрясающие результаты: в городе выявлено несколько незаконных свалок, действующих в режиме «химических бомб» замедленного действия. Комиссия немедленно скомандовала — разрядить! То бишь прекратить сбросы, откачать жидкую фракцию, утилизировать, обезвредить. Но не тут-то было. Химзавод Минобоhронпрома прячет две свалки, засыпая их землей. Комиссия специальным пунктом протокола № 2 командует директору завода. Дроздову персонально: «Немедленно прекратить работы по засыпке свалки». Однако директор оборонного предприятия привык брать под козырек только перед начальством оборонного ведомства, которое за завесой секретности долгие годы скрывало вопиющие нарушения природоохранного законодательства.

Эти и подобные события наводят горняков на мысль, что майские мероприя-

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

тия может постичь участь январских, которые усилиями ведомств дружно... не выполнены. Так, в акте о причинах катастрофы на шахте «Александр-Запад» отмечено, что одной из причин трагедии было отсутствие методики выявления ядовитых соединений. Правила оперативного обнаружения 12 вредных химических веществ разработали, но современными техническими средствами для этого не обеспечили. Что толку в методиках, если нет возможности ими воспользоваться! Так что в роли биологических индикаторов оказались... сами шахтеры.

Бойцам военизированных горноспасательных частей предписано к 1 июня иметь полную «химическую» готовность личного состава.

— Но у нас сегодня такой готовности нет,— говорит командир отделения ВГСЧ Е. Головко.— Специальными средствами защиты мы не обеспечены. Получили инструкции, сдали экзамены. Но какой в этом толк, если мы не располагаем приборами, оборудованием, с которыми предписывается работать?

— Рядовой состав все чаще отказывается спускаться в неблагополучную шахту за пробами воды и воздуха,— говорит командир отделения ВГСЧ В. Пахомов.— Под землю идет только командный состав. Мы не имеем права подвергать опасности людей, не снаряженных специальной амуницией.

На вопрос о том, почему горноспасателям, все же спускающимся в выработки остановленных шахт, предлагают давать подписку о добровольности действий, заместитель министра угольной промышленности СССР А. П. Фисун ответил: «Это плоды демократизации производства».

Что после этого должны думать шахтеры о выборе средств борьбы за свои права? Порой им просто ничего другого не остается, кроме как действовать с позиции силы.

59 пациентов Донецкой областной клиники профзаболеваний не вышли к завтраку. Госпитализированные здесь горняки, пострадавшие от экологического бедствия на шахтах Горловки и Енакиева, объявили голодовку. Они предупредили медперсонал, что не притронутся к еде, пока каждому из них не будет установлен диагноз заболевания, связанного с пребыванием в горных выработках, отравленных токсичными веществами. Шахтеры потребовали также немедленно выдать им на руки акт по форме Н-1 о несчастном случае на производстве, в котором был бы отражен факт контактирования с токсичными веществами.

Протест был вызван тем, что только семнадцати пострадавшим определен диагноз «отравление», хотя у всех, дышавших ядовитым рудничным воздухом, одинаково раскалывается голова, ломит суставы, прыгает давление. Выпишут нас с диагнозом «вегетососудистая дистония», волновались шахтеры, а через год-два отрава даст о себе знать потерей трудоспособности.

— Поди тогда докажи,— с горечью пошутил Ю. Плешаков с «Углегорской»,— что здоровье загублено формальдегидом, а не водкой!

Заместитель министра здравоохранения СССР А. Кондрусев лично объяснял шахтерам, что одинаковыми симптомы кажутся только на первый взгляд. Причиной ломоты в суставах может быть, мол, не интоксикация, а обыкновенный ревматизм. Тревоги по поводу позднего проявления последствий контактирования с формальдегидом и углеводородными газами тоже, мол, напрасны: как только хворь обнаружится, диагноз «отравление» тут же появится в медицинской карточке.

— Я вместе со всеми травился в шахте какой-то чертовщиной,— возмутился таким объяснением проходчик А. Чаленко,— а мне говорят: отравления нет.

Многих шахтеров донимают действительно беспочвенные страхи. Преследующее их ощущение опасности вполне объяснимо. Это синдром катастрофы. Теперь каждый из подземных рабочих, кто обнаруживает у себя головную боль, повышенное давление, сладковатый привкус во рту и нарушение координации движений, непременно делает вывод: отравился. Но ведь именно врачи и никто другой должны помочь горнякам преодолеть навязчивый синдром, вернуть состояние психологического равновесия, потеря которого — тоже своего рода недуг.

Акцию голодовки между тем в клинике профзаболеваний расценили как попытку оказать давление на медперсонал, «выбить» диагноз «отравление» (даже если он не подтверждается) с целью получения в будущем определенных социальных льгот. И тем не менее строку о пребывании горняков в отравленной шахте решено внести в акт о несчастном случае на производстве.

Эта запись не обязывает врачей лечить пациента от отравления, если его симптомы не проявляются сегодня. Зато, полагают углегорцы, дает пострадавшему горняку надежду на то, что, если со временем «аукнется» апрельское происшествие 1990 года, не дадут от ворот поворот в органах социального обеспечения.

Голодовку прекратили. Но вот о чем подумалось: факт пребывания в отравленном забое медики согласились подтвердить только под страхом скандала. Хотя уже давно пора иметь медицинские формы учета ситуаций, переживаемых шахтерами в условиях их все более опасного производства.

Похоже, что шахтеры уже начинают привыкать к тому, что только силовые методы чего-то стоят в борьбе за выживание, за осуществление хозяйственной реформы. И не их вина в том, что забастовочный пресс расценивается уже не как чрезвычайное, а как регулярно практикуемое средство для стимулирования столь необходимых, неотложных правительственных решений и действий.

Министр угольной промышленности М. Щадов прибыл в Центральный Донбасс, говоря языком шахтеров, не с пустым чемоданом. На восстановление горного хозяйства, социальные нужды шахтеров «Углегорской» министерством выделено около миллиона рублей. Еще полмиллиона — на развитие города Углегорска. Эти деньги в определенной степени компенсируют ущерб, нанесенный коллективу в результате катастрофы. А каковы теперешние намерения руководства отрасли относительно Центрального Донбасса в целом?

Собственно, его позиция известна не только угольщикам, но и всем, кто в начале нынешнего года смотрел одну из передач «Действующие лица». Ее участники обсуждали показанный наконец телефильм о шахтерах Горловки, который долго и трудно пробивал себе путь на экран. Ученый П. Бунич сознался, что лента, запечатлевшая подземные будни шахтеров, близкие к боевым, убогий быт горняцких семей, повергла его в шок. А вот реакция на фильм руководства отрасли вызвала шок у самих угольщиков. Обсуждая положение, сложившееся на шахтах Центрального Донбасса, заместитель министра заявил, что выход из тупика он видит... в закрытии тамошних шахт. Участвующие в телепередаче мастер-взрывник К. Фесенко, проходчик Г. Горбылев пытались доказать экономическую несостоятельность такого решения, его антигуманность. Убеждали в надежде на понимание со стороны Минуглепрома СССР. Появилось ли оно?

— Вопрос о закрытии шести шахт объединения «Орджоникидзеуголь» на сегодняшний день снят,— говорит председатель Енакиевского теркома профсоюза В. Козлитин.— Но средств, выделенных на развитие предприятий в следующей пятилетке, хватит, только чтобы производство не остановилось. Между тем Минуглепром не имеет права лишать социальной перспективы людей, заселивших горняцкие поселки в надежде на то, что их прокормит шахта. Государство, воздерживаясь от создания там рабочих мест другого профиля, обеспечило отрасли полную монополию на трудовые ресурсы шахтных поселков. А коли исчерпались угольные запасы, значит, министерство должно вкладывать средства в создание на базе горного хозяйства предприятий стройиндустрии, авторемонтных, дорожностроительных. Я не говорю — немедленно. Но начинать нужно уже сегодня, если мы намерены избежать безработицы.

Шахтеры Донбасса готовы к определенным компромиссам с правительством, которое, как оказалось, не в состоянии выполнить требования горняков. А вот задвинуть в долгий ящик решение вопросов о шахтерских отпусках, пенсиях, экологии горняцких городов и поселков они, похоже, не позволят. Потому и держат сухим порох стачечного движения.

Объявление забастовочной готовности, предупредительные забастовки — это, по сути, элементы системы оповещения высшего руководства страны о том, что доступные низам средства преодоления очередного кризиса исчерпаны и к тушению пожара необходимо подключаться первым лицам государства. Это, как не раз убеждались горняки, практически единственная система, которая срабатывает безотказно в условиях неуправляемой экономики, бесправия органов местного самоуправления.

Горловчане и енакиевцы провели экологические митинги, собрали 25 тысяч подписей под обращением к правительству и отправили бумагу в столицу. Желаемой реакции не последовало. Следом за депешей в Москву отправилась шахтерская депутация во главе с мастером-взрывником К. Фесенко. Только после этого несколько оживилась природоохранная работа в Центральном Донбассе.

Теперь, когда трагедия повторилась, стало ясно, что велась она все же неудовлетворительно.

И тем не менее очередная комиссия Совета Министров СССР в течение полумесяца практически ничего не сделала, чтобы ответить на вопросы шахтеров и общественности о характере экологического бедствия на шахтах «Углегорская», имени Ленина, «Кондратьевка-Новая».

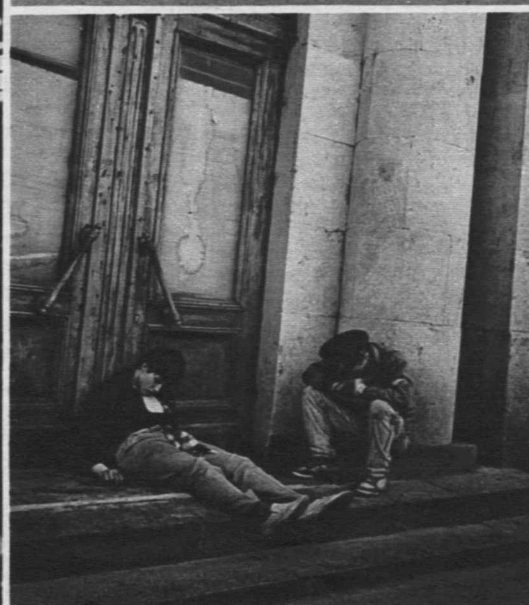
Система приведения в действие механизма защиты интересов рабочих, решения региональных хозяйственных проблем с помощью высшего руководства страны была запущена по уже отработанной схеме. Поскольку на месте пока ничего не решается, пришлось прибегнуть к испытанным средствам стачечной терапии. В ход пошли экологические митинги, письменное обращение к Президенту СССР, ультимативное телеинтервью лидера рабочего движения программе «Время», и — на «дожимание» общественного мнения — объявление забастовочной готовности. Москва для разговора с шахтерами, считай, подготовлена. На сей раз их принял Н. И. Рыжков. И дело пошло. Для укрепления работающей в Донбассе комиссии туда выехали зампред Совмина, председатель правительственной комиссии по чрезвычайным ситуациям В. Догужиев, министр угольной промышленности М. Щадов. Облеченные чрезвычайными полномочиями, представители высшего руководства страны мало-помалу наводят порядок в Центральном районе Донбасса. Там надеются, что наведут. А если нет?

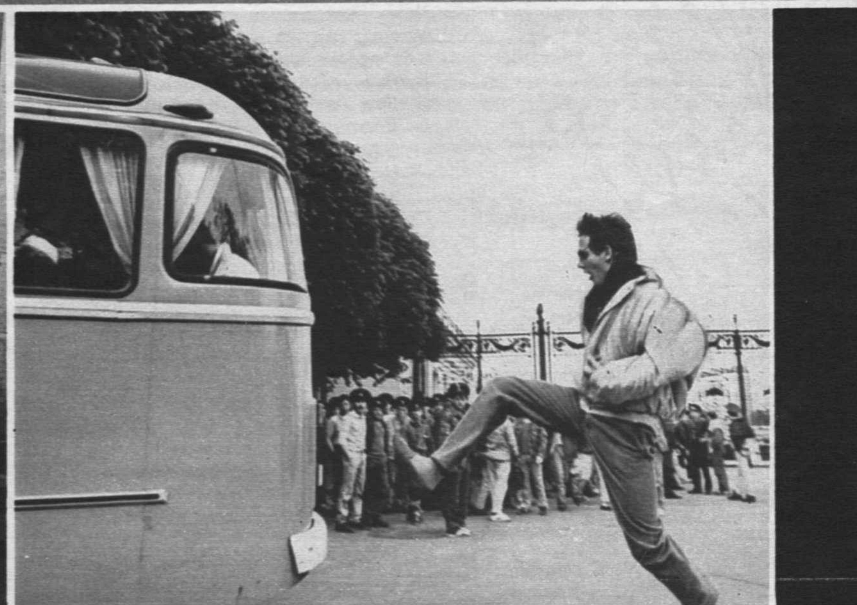
Донецкая область

С ПРАЗДНИКОМ, БРАТАН

Фото М. ГРИГОРЬЕВА

Этот день твой.
Бери его себе, братан.
И девушки — это твои девушки.
И Москва.
И Крымский мост в Москве.
И карусели, если хочешь.
Бери!
В твой день мужики в очереди,
если будет очередь,
расступятся и пропустят всех,
сколько вас ни будь.
Это страна твоя.
Никогда этого не понимал,
сейчас понял: она твоя, братан.
Раз в году.
Пусть пройдет еще год,
твоя парадка не запылится.
Увидимся опять.
Ты что, ты не волнуйся.
Увидимся. Съедемся
со всех уголков Родины.
Как бы кто





ни начал жить
на гражданке — вспомним.
Пройдемся,
и пусть они расступаются.
В мае будут зеленые фуражки.
В августе — голубые береты...
И один и тот же финал.
Парни из ОМОН в этот день
без работы не остаются.
В день, когда в воздухе носится:
В Союзе нет еще по-ка
Войск
Лучше,
Чем по-гран-войска!
Как было в этом мае
в великий день,
когда иначе, возможно,
и нельзя
справиться с состоянием,
называемым
в народе **отходняк**.
Гражданка. Отходняк...

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведет Григорий ОСТЕР

Очень разной бывает литература для детей. Одни книжки вроде бы про хорошее-хорошее. И про верную дружбу, и про смелые поступки — сплошные примеры для подражания. А приглядишься: книжка-то учит непримиримости к инакомыслящим и потихонечку, но вдохновенно зовет ребеночка, нет, не к национальной, упаси боже, к классовой розни. А чем классовая лучше национальной? Рознь она и есть рознь.

А то еще возьмет ДЕТСКИЙ писатель и спокойным тоном в КНИГЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ скажет: «...ядерные заряды? Сила их поистине огромна. Тем не менее войска могут действовать и в условиях применения ядерного оружия. Бой во все времена, даже когда воевали копьем, мечом, стрелами, грозил воину смертью. Важно не поддаться панике, не потерять волю к победе, расчетливо укрываться от воздействия ядерно-

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

Игорь ШЕВЧУК

КАК СОЛДАТЫ СЛУЖБУ НЕСЛИ

День несли солдаты службу.
Месяц, год ее несли.
Вот приехал к ним полковник,
Дружелюбно так спросил:
— Как несете вашу службу?
— Хорошо ее несем.
— Может быть, тяжеловата?
— Нет, ну что вы, в самый раз.

Похвалил солдат полковник,
С интересом так спросил:
— Ну, а где же ваша служба —
Покажите мне ее?

Тут солдаты испугались —
Службу кинулись искать:
Тут не видно, там не видно —
Ищут-ищут, не найти.

Заругал солдат полковник.
— Так и знайте,— говорит,—
Не найдете вашу службу,
Генералу доложу!

Генерал приехал скоро.
— Так и знайте,— говорит,—
Не найдете вашу службу,
Маршал спустит десять шкур!

Маршал лазил, маршал ползал,
Службу там и сям искал.
Там — не видно, сям — не видно.
Слушай все такой приказ:
«Если служба потерялась,
Нет ее ни там ни сям —
Ну ее к едрене-фене!
Марш, солдаты, по домам!».

МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Петров толкнул маленечко
Щеглова со ступенечки,
Вскочил на подоконник
И рожу показал.
Щеглов спихнул легонечко
Петрова с подоконничка,
Залез на столб фонарный
И высунул язык.
Петров рукою ловкою
Спилил тот столб ножовкою
И, разбежавшись, в озеро
Ближайшее нырнул.
Щеглов через минуточку
Поймал его на удочку
И, запихнув в ведерко,
Уху решил варить.
Петров глазища выпучил,
Да как оттуда выскочил,
Да как огрел Щеглова
Ведром по голове!
Щеглов встал в позу грозную,
Кувалду взял завхозную...
Но тут как раз директор
В окошко закричал:
— Вы что — опять поссорились?
Из-за чего поссорились?
На что Щеглов с Петровым
Ответили ему:
— Да разве мы поссорились?!
С чего бы мы поссорились?
И вовсе мы не ссорились,
А только подрались...
И обнялись, хромая.
И мирно разошлись.

Андрей УСАЧЕВ

ПРЕДАНИЕ О КОРОЛЕ ТРИСТАМЕ

Когда предание не врет,
Жил-был король Тристам.
Он, уважая свой народ,
Любил все делать сам.
Другой король — ни встать
ни лечь,
Как куль, лежит в постели,
А наш Тристам — и встать, и лечь,
А надо, сам затопит печь
И сам постель застелит.
Он сам по улицам ходил,
И сам вел войско в бой,
И сам, друзья, поверьте, мыл
Посуду за собой.
Тристам, уволив из дворца
Привратников и слуг,
Встречал гостей, качал детей,
Сажал на грядках лук.
И, забывая иногда
О королевском сане,
Он сам (когда была вода)
Себе тер спину в бане.
Он был известным мудрецом,
Поэтом и рабочим
И как-то раз себе гараж
Построил между прочим.
Как управлялся он со всем,
Представить трудно нам...
Но уж преданья о себе
Писал он точно
САМ.

Михаил ЯСНОВ

ДВЕ СЕМЬИ

Жила-была семья:
Спешили, семеня,
По следу мамы Утки
Три радостных малютки.

Жила-была семья:
Весь день спала Свинья,
Лежали с ней в закутке
Три радостных малютки.

Весело утята
В речку заплывали,
С визгом поросята
Жиром заплывали.

В речке было чисто,
А в закутке грязно:
Каждый жил как хочет —
Это так прекрасно!

СНЫ

Петух,
Во сне увидев червячка,
Сказал:
— Не заморить ли червячка?
«Ужасный сон!» —
Подумал червячок
И повернулся
На другой бочок.

Лев УСТИНОВ

ОСТОРОЖНЫЙ КРОТ

Вот как-то случилась у Волка беда. Потерял он свое обоняние. Никакую добычу унюхать не может. Ходит по лесу — от ветра шатается, вот-вот помрет. И вдруг вспомнил, что в их лесу живет под землей хоть и очень осторожный, но зато очень честный Крот, который ужасно гордится своей честностью и осторожностью.

Присел Волк возле кротовой норы и, как только тот высунулся, прижал его грозной лапой к земле и спрашивает:

— Скажи честно, вот под этим кустом сидит Заяц или нет?

И Крот честно ответил:

— Нет.

— А под тем?

— И под тем нет.

— А под ореховым?

Глянул Крот под ореховый куст —

го удара, хладнокровно исполнять приказы командира, действовать инициативно». Это Митяев А. В. «Книга будущих командиров». Вышла в 1988 году в издательстве «Молодая гвардия». Издание 5-е, дополненное и, боюсь, не последнее.

Мы предлагаем ДРУГУЮ детскую литературу. Предлагаем родителям. А дальше уже их неотъемлемое право: прочесть или не прочесть эти произведения своим детям.

и обмер: там и впрямь Заяц сидел, только Волк его не чуял, поскольку обоняния лишился.

— Чего молчишь? Говори!

А Крот и не знает что сказать: соврать честность не позволяет, а правду сказать — Зайца погубишь. Да и у Волка что лапы, что клыки — страшней не придумаешь. Но тут-то и вспомнил Крот про свою знаменитую осторожность и тихо прошептал:

— Не знаю...

Ну Волк-то был не такой уж глупый. Сразу все понял. Скаканул под куст, цапнул Зайца да тут же его и проглотил.

А Крот залез в свою нору и долго там плакал. Три дня плакал и три ночи... Да и пусть поплачет. Через те слезы и ему наука будет про то, что хорошо быть честным и осторожным, но не настолько осторожным, чтобы уже перестать быть честным.

Владимир ДРУК

ПАССАЖИР

Едет поезд, едет поезд,
Замечательно гудит,
Пассажир на верхней полке
Замечательно храпит.

«Бум-тук-тук»,— стучат колеса,
Замечательно стучат.
Пассажиру с верхней полки
Спать спокойно не дают.

Он встает и, ус поправя,
Объявляет: «Полный стоп!»
Поезд с рельсов поднимает,
Все колеса отрывает
И арбузом затыкает
Паровозную трубу.

Поезд наш уже полгода
Замечательно стоит.
Пассажир на верхней полке
Замечательно храпит.

НАУКА И ЖИЗНЬ

В огороде мальчик Коля
Извлекал квадратный корень.
Дергал-дергал — не идет.
Так и бросил: пусть растет!

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

* * *

После новогодней елки в детском саду отец говорит сыну:

— Сынок, ты уже большой и должен понимать, что никакого Деда Мороза нет. Это был я.

— Да я знаю. Ведь аист — это тоже ты.

* * *

— Что значит: королева подарила своему супругу сына? — спросила маленькая Катя учительницу.

— Это значит, — отвечает учительница, — что она родила ему сына.

Через несколько дней Катя, сияя от радости, прибежала к учительнице.

— Мария Петровна, вчера был мой день рождения.

— Что же тебе подарили?

— Тетя Лида родила мне маленькую таксу!

* * *

В музее перед статуей Венеры стоят отец с маленьким сыном.

Отец:

— Если ты будешь грызть ногти, с тобой будет то же самое.

* * *

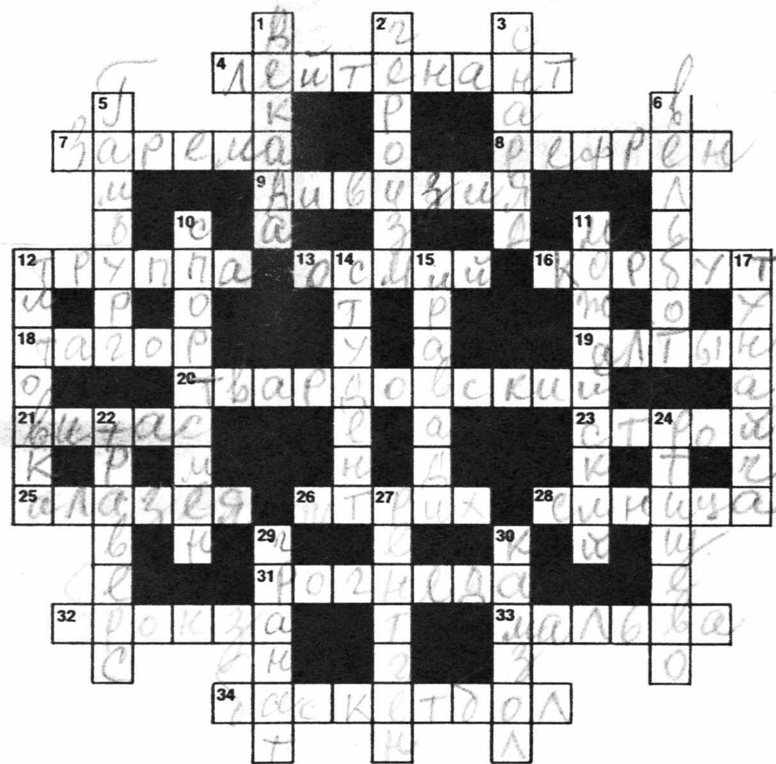
Сын говорит матери:

— Я больше в школу не пойду!

— Это почему же?

— Да ну... Петров опять будет из рогатки стрелять, Синицын — учебником по голове, Васильев — подножки ставить... Не пойду!

— Нет, Вовочка, ты должен идти. Во-первых, тебе уже сорок лет, а во-вторых, ты директор школы.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Офицерское звание. 7. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 8. Повторяющаяся часть куплета песни. 9. Войсковое соединение. 12. Актерский состав театра. 13. Химический элемент, платиновый металл. 16. Советская гимнастка, двукратная чемпионка Олимпийских игр. 18. Индийский писатель, автор текстов гимнов республик Индии и Бангладеш. 19. Старинная русская монета. 20. Поэт, лауреат Ленинской премии. 21. Один из руководителей антифашистского подполья в Литве в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза. 23. Шеренга солдат. 25. Река в Якутии. 26. Тонкая черта, линия, элемент рисунка. 28. Басня И. А. Крылова. 31. Опера А. Н. Серова. 32. Сплав меди с другими металлами. 33. Рассказ М. Горького. 34. Спортивная командная игра с мячом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Период времени. 2. Самоотверженность, мужество. 3. Вид боеприпасов для стрельбы. 5. Порт в ФРГ. 6. Быстроходная шлюпка. 10. Человек, систематически занимающийся физическими упражнениями. 11. Русский изобретатель в области воздухоплавания. 12. Сорт яблок. 14. Учащийся высшего учебного заведения. 15. Самая большая река в Бирме. 17. Озеро на Сахалине. 22. Защитная преграда из земли поперек траншеи. 24. Город в Саратовской области. 27. Немецкий физик, открывший лучи, носящие его имя. 29. Драгоценный камень. 30. Старинная мужская одежда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Детвора». 8. Реферат. 9. «Голуби». 10. Плеяды. 12. «Трубадур». 15. Гидальго. 17. Калория. 18. Импорт. 20. Доклад. 21. Здравоохранение. 24. Турнир. 25. Арника. 26. Отливка. 28. Бакалавр. 30. Активист. 32. Страда. 33. Аромат. 34. Дворник. 35. Акустик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мелодрама. 2. Солоха. 3. Мазурук. 4. Артерия. 5. Эфедра. 6. Пантограф. 11. Биомеханика. 13. Блондинка. 14. Радиометр. 15. Гимнастка. 16. Лактионов. 19. Театр. 20. Диета. 22. Муравьева. 23. Окисление. 26. Овчарка. 27. Акробат. 29. Латунь. 31. «Икарус».

40 коп. ИНДЕКС 70663